

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 1.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Зло, его сущность и происхожденіе. Профессора богословіи, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	1—19
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству (продолженіе). <i>А. Вертеловскаго</i>	20—33
Очерки по исторіи древне-русской письменности. <i>Н. Протопопова</i>	34—56
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Разборъ возраженій Джона Стюарта Милля противъ теизма (продолженіе). <i>М. Лебедева</i>	1—24
Дарвинизмъ. (Критическое изслѣдованіе) (продолженіе). <i>Н. Румянцева</i>	25—45
О благодѣяніяхъ („De Beneficiis“). Л. Аннея Сенени къ Эбуцію Либералію (продолженіе). * * *	46—52
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.	
Содержаніе. Высочайшій Манифестъ.—Высочайшій Указъ.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища за 1894—95 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавія, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВЪБРА и РАЗУМЪ

въ 1896 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣбра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1896 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣбра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣбра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 г., и по 9 р. за 1891, 1892 и 1893 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 65 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа А. Н. Толстого „Царствіе Вожіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Цетомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.
6. „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1883 года. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Мая 1895 года.

Харьковъ. Губернская Типографія.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Января 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ЗЛО, ЕГО СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

I.

Универсальность зла въ мірѣ; понятіе о немъ.

Что въ этомъ мірѣ зло есть явленіе всеобщее и универсальное,—это положеніе, столь очевидное само по себѣ, повидимому, даже не нуждается ни въ какихъ особенныхъ доказательствахъ. Съ фактомъ существованія зла въ мірѣ каждому невольно приходится считаться: болѣзни, скорби, нравственныя и физическія страданія, смерть близкихъ сердцу родныхъ и друзей, враждебность даже со стороны тѣхъ, кому сдѣлано добро, или оказана помощь, разочарованіе въ надеждахъ, ожиданіяхъ и дружбѣ, воровства, убійства, несчастія на морѣ и желѣзно-дорожномъ пути,—все это—явленія нежелательныя, но, къ сожалѣнію, почти ежедневныя и повсемѣстныя. Не мы одни и не въ наше только время, но всѣ люди и во всѣ времена, на сколько помнитъ исторія человѣчества, испытывали на себѣ всю тяжесть господствующаго въ мірѣ зла и страданій.

„Весь міръ во злѣ лежитъ“, говоритъ св. апостоль Іоаннъ Богословъ въ своемъ первомъ соборномъ посланіи (5, 19). И кто станетъ отвергать эту истину? Конечно, можно спорить (и спорять) о томъ, откуда происходитъ существующее въ мірѣ зло, какъ вужно смотрѣть на него, въ чемъ должно полагать его сущность и какими средствами слѣдуетъ (и слѣдуетъ ли) бороться съ нимъ; но самый фактъ существованія зла въ мірѣ и его всеобщаго распространенія, очевидно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Божественное Откровеніе, наука,

общественная жизнь и ежедневный опыт одинаково подтверждают его. Богословы и философы, все духовные и свѣтскіе писатели, христіанскіе отшельники и индійскіе факиры, государственные дѣятели, законодатели и администраторы не только не отвергаютъ факта универсальнаго господства зла въ мірѣ и его всеобщаго распространенія, но борьбѣ съ нимъ перѣдко посвящаютъ все свои силы, вслѣдствіе чего съ большимъ или меньшимъ вниманіемъ относятся къ его изученію, желая выяснитъ его сущность, указать дѣйствительный источникъ его происхожденія, опредѣлить его смыслъ въ общемъ теченіи міровой жизни и такимъ образомъ найти надежныя средства для борьбы съ нимъ и побѣжденія его, если уже нельзя, какъ говорятъ, „вырвать зло съ корнемъ“.

Фактъ универсальности господствующаго въ мірѣ зла, раскрытіе его сущности, указаніе источника, изъ котораго оно происходитъ, и средствъ, какими могутъ располагать люди для того, чтобы бороться съ нимъ и побѣдить его,—вотъ что можно сказать, составляетъ главное и основное содержаніе всѣхъ книгъ Св. Писанія какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта. И какою скорбною и мрачною представляется жизнь міра и въ особенности жизнь людей вслѣдствіе господства въ ней зла, напр., въ Псалтыри, Книгѣ Іова, писаніяхъ Соломона, въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова, въ Евангеліяхъ, апостольскихъ посланіяхъ и Апокалипсисѣ. Давидъ почти въ каждомъ псалмѣ указываетъ на скорби, угнетенія, бѣдствія, страданія, козни враговъ, беззаконія грѣшниковъ и всеобщее развращеніе современниковъ, не находя ни одного человѣка, дѣлающаго „благостыню“. Соломонъ, изучивъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и пораженный господствующимъ въ мірѣ зломъ и его страшными размѣрами, готовъ даже предпочесть бытію совершенное небытіе. „Видѣлъ я,—говоритъ онъ (Еккл. 4, 1—3),—всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ... И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ; а блаженнѣе тѣхъ и другихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ“. Опъ, извѣдавъ жизнь опытомъ при наилучшихъ условіяхъ, указываетъ однако-же зло даже въ томъ, въ чемъ люди

легкомысленные надѣются найти не только добро, но и благо, —земное счастье: въ чувственныхъ удовольствіяхъ и пиршестввахъ, красивыхъ женщинахъ, успѣхахъ въ дѣлахъ, высокомъ общественномъ положеніи, въ богатствѣ и даже мудрости. Премудрый сынъ Сираховъ столь же мрачными красками описываетъ человѣческую жизнь, въ которой повсюду господствуетъ безпредѣльное зло и проклятiе. „Много трудовъ, говоритъ онъ (40, 1—9),—предназначено каждому человѣку, и тяжело иго на сынахъ Адама, со дня исхода изъ чрева матери ихъ до дня возвращенія къ матери всѣхъ. Мысль объ ожидаемомъ и день смерти производятъ въ нихъ размышленія и страхъ сердца. Отъ сидящаго на славномъ престолѣ и до поверженнаго на землѣ и во прахѣ, отъ носящаго порфиру и вѣнецъ и до одѣтаго въ рубище,—у всякаго досада и ревность, и смущеніе и безпокойство, и страхъ смерти и негодованіе... Это бываетъ со всякою плотью, отъ человѣка до скота: смерть, убійство, ссора, мечъ, бѣдствія, голодъ, сокрушеніе и удары“. „Когда вы рождаетесь,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (41, 12),—то рождаетесь на проклятiе, и когда умираете, то получаете въ удѣлъ свой проклятiе“.

По ученію новозавѣтныхъ писателей, міръ не только во злѣ лежитъ, но и является неизсякаемымъ источникомъ всякаго рода зла и вражды къ Богу: отъ него происходятъ многоразличныя искушенія, соблазны, грѣхи и преступленія. Самъ Спаситель противопоставлялъ міръ царству Божію, благодати и истинѣ. Міръ, по ученію Спасителя (Іоан. 14, 17), не можетъ даже принять Духа истины, потому что онъ не видитъ Его и не знаетъ Его. „Люди возлюбили болѣе тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы“ (Іоан. 3, 19), и Господь свидѣтельствовалъ о мірѣ, „что дѣла его злы“ (Іоан. 7, 7). Міръ возненавидѣлъ Сына Божія и Его апостоловъ, которыхъ убивая, думалъ еще, что онъ тѣмъ служитъ Богу. Также учили о мірѣ и апостолы—особенно Іоаннъ и Павелъ.

Христіанскіе отшельники не только отрекаются отъ міра, но прямо бѣгутъ отъ него въ пустыни, потому что міръ, по ихъ справедливому убѣжденію, исполненъ зла и соблазновъ и

представляетъ много препятствій въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго усовершенствованія.

Мыслители и философы, если только они не переступаютъ, ради своего міровоззрѣнія, предѣловъ благоразумія и здравого мысля, не могутъ не согласиться съ указаніемъ Божественнаго Откровенія на то, что существующее въ мірѣ зло имѣетъ универсальный характеръ, что оно разлилось по всему міру безбрежнымъ потокомъ, что скорби и бѣдствія чрезмѣрно отягощаютъ человѣческую жизнь и что въ этой земной жизни человѣкъ обреченъ какъ-бы только на борьбу съ страданіями, горемъ, бѣдствіями и всевозможными несчастіями.

Универсальность зла въ мірѣ и его постоянное развитіе или усиленіе какъ въ жизни людей, такъ и въ окружающей человѣка природѣ признавали уже (за исключеніемъ скептиковъ) почти всѣ древніе языческіе мыслители, какъ, на примѣръ, Гераклитъ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ, Сократъ, Антисѣнъ, Платонъ, Аристотель, стоики, эклектики, неоплатоники и т. п. Но было бы слишкомъ утомительно приводить здѣсь мнѣнія всѣхъ мыслителей, признающихъ за зломъ универсальный характеръ, тѣмъ болѣе, что въ свое время намъ прійдется довольно подробно излагать ученіе философовъ какъ древняго, такъ и новаго времени о томъ, въ чемъ, по ихъ мнѣнію нужно полагать сущность зла и изъ какого источника оно происходитъ. Мы приведемъ поэтому здѣсь только мнѣніе нѣкоторыхъ выдающихся новѣйшихъ мыслителей.

Кантъ, начинаетъ свое сочиненіе „Религія въ границахъ простаго разума“ ¹⁾ такими словами: „Что міръ во злѣ лежитъ, это—жалоба, которая такъ же стара, какъ исторія, даже какъ еще болѣе старо поэтическое искусство, древнѣйшая жреческая религія“. По словамъ Канта, всѣ одинаково думаютъ, что міръ начался добромъ: золотымъ вѣкомъ, райскою жизнью, или какою либо еще болѣе счастливою жизнью въ общеніи съ небеснымъ существомъ. Но это счастье, говоритъ онъ, скоро исчезаетъ, какъ сонъ. Впрочемъ, Кантъ знаетъ и противоположное мнѣніе, менѣе однако-же распространенное и встрѣчающееся

¹⁾ Religion innerh. d. Grenzen d. blossen Vernunft. Herausgeb. von Kirchmann, Heft 25 u. 26. Berlin. 1872.

только у нѣкоторыхъ философовъ и педагоговъ (изъ школы Руссо), по которому міръ непрерывно, хотя и едва замѣтно, движется будто бы какъ разъ въ обратномъ паправленіи: отъ худшаго къ лучшему. Кантъ однако-же не одобряетъ этого мнѣнія, потому, что оно иочерпнуто не изъ опыта и нравственное усовершенствованіе въ добръ смѣшиваетъ съ цивилизаціею,—что, очевидно, далеко не одно и то же.

Впрочемъ, выставлать мрачную сторону міровой жизни въ особенности любятъ философы—пессимисты. По ученію, напр., Шопенгауэра, жизнь міра состоитъ лишь въ постоянномъ страданіи, никогда не удовлетворяемомъ стремленіи, въ борьбѣ, которая никогда не заканчивается, въ лишеніяхъ, скорбяхъ, болѣзняхъ, враждѣ. Такую непрерывную борьбу и враждебность, неудовлетворяемость безпрестаннаго стремленія и безцѣльность жизни Шопенгауэръ усматриваетъ уже въ неорганической природѣ и притомъ даже въ такихъ простыхъ явленіяхъ, какъ тяготѣніе, химическое сродство, электричество, гальванизмъ и т. д. Нѣкоторый родъ физическаго страданія онъ находитъ присущимъ такъ называемымъ инфузоріямъ, лучистымъ и пасѣкомымъ. Но со всею ясностію и въ поразительныхъ, „всепоглощающихъ“ размѣрахъ зло, по его словамъ, обнаруживается въ жизни высшихъ животныхъ и въ особенности въ жизни человѣка. „Мы видимъ, говоритъ Шопенгауэръ, какъ не только каждый старается вырвать у другого то, что онъ самъ хочетъ имѣть, но часто бываетъ даже такъ, что одинъ, чтобы увеличить свое благополучіе хотя на самую незначительную ступень, разрушаетъ все счастье или жизнь другаго. Безграничная и ужасающая сила эгоизма, обнаруживаемаго человѣкомъ, превышаетъ лишь явленіями злости, которая совершенно безкорыстно ищетъ страданія другихъ безъ всякаго расчета на свою собственную выгоду отъ этого“. „Каждый, говоритъ Шопенгауэръ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, кто пробудился отъ первыхъ юношескихъ грезъ, принялъ въ расчетъ собственный и чужой опытъ, оглянулся на жизнь, на исторію минувшихъ и собственнаго вѣковъ, наконецъ, на про-

¹⁾ Міръ, какъ воля и представленіе. Перев. Фета, М. 1888, стр. 395.

изведенія великихъ поэтовъ, безъ сомнѣнія, если только какой либо неизгладимый предразсудокъ не искалѣчилъ его сужденія. признаеть результатъ, что мiръ людской есть царство случайностей и заблужденія, которыя немилосердо въ немъ хозяйничаютъ, въ большомъ, какъ и въ маломъ, но рядомъ съ которыми еще и глупость и злоба взмахиваютъ своими бичами: изъ этого выходитъ, что все лучшее пробивается только съ трудомъ, благородное и мудрое всегда рѣдко доходятъ до проявленія и достигаютъ влiянiя или услышанiя; но безмысленное и превратное въ царствѣ мысли, плоское и безвкусное въ царствѣ искусства, злое и коварное въ царствѣ дѣйствiй собственно владѣютъ вполнѣ, задерживаемыя лишь краткими перерывами; напротивъ превосходное во всякомъ родѣ составляетъ лишь исключенiе, одинъ случай изъ милліоновъ, и потому, если оно высказалось въ додговѣчномъ произведенiи, то послѣднее затѣмъ, переживши ненависть своихъ современниковъ, стоитъ уединенно, хранится, подобно аэролиту, происшедшему изъ другого порядка вещей, чѣмъ здѣсь царствующий. Что касается жизни отдѣльнаго человѣка,—продолжаетъ Шопенгауэръ,—то каждая исторiя жизни есть исторiя страданiя: ибо каждое жизненное поприще—большею частію непрерывный рядъ большихъ и малыхъ невзгодъ, которыя, конечно, каждый по возможности, скрываетъ, зная, что другіе рѣдко должны при этомъ испытывать участіе или сожалѣніе, а почти всегда чувствовать удовлетвореніе, представляя себѣ муки, отъ которыхъ они именно теперь избавлены;—но, быть можетъ, никогда человѣкъ, при концѣ своей жизни, если онъ благоразуменъ и въ то же время чистосердеченъ, не захочетъ пережить ее еще разъ, а скорѣе гораздо охотнѣе предпочтетъ этому совершенное небытіе (?). Сущность содержанiя всемірнаго монолога „Гамлета“ въ сокращенiи слѣдующая: наше состояніе столь жалко, что полное небытіе рѣшительно слѣдовало бы ему предпочесть“. Такимъ образомъ, Шопенгауэръ, конечно, совершенно непреднамеренно приходитъ въ своей оцѣнкѣ мiровой жизни къ такому же заключенiю, какое высказываютъ, какъ мы видѣли, Соломонъ и Іовъ, подъ невыносимымъ гнетомъ страданiй сказавшій: „Погибни день, въ ко-

торый я родился, и почь, въ которую сказано: зачался чловѣкъ!... Для чего не умеръ я, выходя изъ утробы, и не скончался, когда вышелъ изъ чрева“? (Іов. 3, 3. 11).

Оптимизмъ, по мнѣнію Шлейермахера, есть дѣло легкомыслія и непониманія жизни. Столь часто оплакиваемая краткость жизни, говоритъ онъ, быть можетъ, именно и есть самое въ ней лучшее. Если-бы каждому представить воочію ужасныя страданія и муки, коимъ жизнь его постоянно открыта, онъ бы содрогнулся, и если провести упорнѣйшаго оптимиста по больницамъ, лазаретамъ и хирургическимъ камерамъ истязаній, по тюрьмамъ, комнатамъ пытокъ и невольничьимъ хлѣвамъ, черезъ поля сраженій и мѣста казни, затѣмъ раскрыть предъ нимъ всѣ мрачныя обители нищеты, куда она заползаетъ отъ взоровъ холоднаго любопытства, и подѣ конецъ дать ему возможность заглянуть въ башню голода Уголино; то навѣрное и онъ бы напоследокъ убѣдился, какого рода этотъ *meilleur des mondes possibles*. Откуда же иначе Данте взялъ матеріалъ для своего Ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра“?

Вообще, прочитавъ главное сочиненіе Шопенгауэра—„Міръ какъ воля и представленіе“, невольно выносишь впечатлѣніе, что его авторъ только иллюстрируетъ и философски раскрываетъ истину того положенія, которое было высказано еще св. апостоломъ Іоанномъ,—что весь міръ во злѣ лежитъ. Правда, Шопенгауэръ накладываетъ слишкомъ густыя краски на свою картину, изображающую предъ нами господство въ мірѣ зла, скорбей, бѣдствія и страданій, и чрезъ это впадаетъ въ крайность и односторонность, совершенно расходясь уже съ ученіемъ Божественнаго Откровенія. Св. апостоль Іоаннь, указывая на зло, господствующее въ мірѣ, какъ и ветхозавѣтные писатели—Іовъ, Соломонъ и Іисусъ сынъ Сираховъ, имѣетъ въ виду только міръ чловѣческой, царство грѣха. Вообще Св. Писаніе какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта весьма мало говоритъ о злѣ, проявляющемся во внѣшней природѣ; оно указываетъ намъ по преимуществу только на бѣдствія, скорби и страданія чловѣчества и при томъ—именно какъ на послѣдствія грѣха, какъ на наказаніе за нарушеніе и оскорбленіе

воли Божіей. Шопенгауэръ напротивъ всегда имѣетъ въ виду весь міръ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца. Поэтому существенный недостатокъ въ сужденіяхъ Шопенгауэра о свойствахъ и характерѣ міровой жизни состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Шопенгауэръ видитъ въ мірѣ только проявленіе гнѣва Божія, и какъ бы совершенно ничего не хочетъ знать о дѣлахъ Божественной любви, милосердія, премудрости, благодати и святости, слѣды которыхъ въ міровой жизни болѣе замѣтны, чѣмъ даже слѣды гнѣва. Тѣмъ не менѣе, если на время забыть объ этомъ недостаткѣ, то образъ злостраждущаго міра, нарисованный Шопенгауэромъ, производитъ вообще весьма сильное и подавляющее впечатлѣніе. И основаніе для той популярности, какою пользовался и еще теперь пользуется Шопенгауэръ, слѣдуетъ искать, собственно, не въ его философскихъ выводахъ и не въ его пантеистическомъ міровоззрѣніи, которое не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и оригинальнаго въ сравненіи съ философскими міровоззрѣніями элейтовъ, Спинозы, Фихте, Шеллинга, Гегеля и т. п., а именно въ его глубокомъ и смѣломъ раскрытіи мрачной стороны міровой жизни.

Гартманъ, вѣрнѣйшій и послѣдовательнѣйшій изъ учениковъ Шопенгауэра, вполне сходится съ своимъ учителемъ въ указаніи на то зло, скорби, страданія и бѣдствія, которыми переполнена жизнь этого міра. Въ своемъ главномъ сочиненіи „*Philosophie des Unbewussten*“ (Berlin, 1872.) всю двѣнадцатую главу (стр. 629—737) онъ посвящаетъ изображенію тѣневой стороны міра и рѣшенію вопроса: что въ этомъ мірѣ заслуживаетъ предпочтенія—бытіе или небытіе? Само собою понятно, что онъ отдастъ предпочтеніе небытію. При этомъ, какъ на своихъ предшественниковъ и единомышленниковъ онъ указываетъ на Платона, Канта, Фихте, Шеллинга и Шопенгауэра.

Матеріалисты и въ особенности послѣдователи Дарвина—эволюціонисты хотя и признаютъ существующее въ мірѣ зловленіемъ совершенно естественнымъ и потому даже необходимымъ, но также не скупаются на мрачныя краски для изображенія борьбы и враждебности, безгранично будто бы проявляющихся въ міровой жизни.

Какъ увидимъ позже, нельзя согласиться ни съ Шопен-

гауэромъ, ни съ Гартманомъ, ни съ новѣйшими матеріалистами относительно того, въ чемъ слѣдуетъ полагать сущность зла и изъ какого источника оно вытекаетъ; нельзя согласиться съ ихъ выводами и заключеніями; но указываемый ими фактъ существованія въ мірѣ зла въ тѣхъ ужасающихъ размѣрахъ, которые опредѣлить они затрудняются, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и серьезнаго обсужденія. Между прочимъ, мы находимъ совершенно вѣрнымъ замѣчаніе, сдѣланное Шопенгауэромъ,—что зло, мало замѣтно въ неорганическомъ и растительномъ царствѣ, съ бѣльшею силою проявляется въ царствѣ животныхъ, а во всей своей, такъ сказать, наготѣ обнаруживается въ жизни человѣчества. Наконецъ, не безъ основанія поступаетъ Шопенгауэръ и въ томъ случаѣ, когда проявленіе зла ставитъ въ тѣсную внутреннюю связь съ волею и самосознаніемъ человѣка. Для насъ эти положенія весьма важны и намъ прійдется къ нимъ возвратиться еще разъ.

Чтобы правильно судить о сущности зла и вѣрно указать источникъ его происхожденія, намъ необходимо предварительно точно установить самое понятіе о злѣ. Итакъ,—что такое зло? Нельзя не отмѣтить того бросающагося въ глаза обстоятельства, что рѣдкіе изъ философствующихъ мыслителей рѣшаются дать прямой и точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ большинствѣ разсужденій, предметомъ которыхъ служитъ господствующее въ мірѣ зло, отвѣтъ этотъ обыкновенно обходится полнымъ молчаніемъ, какъ нѣчто будто бы само собою совершенно понятное и не требующее никакихъ разъясненій. Но въ дѣйствительности дѣло это находится вовсе не въ такомъ положеніи и вовсе не такъ маловажно, какъ кажется на первый взглядъ, потому что отъ такого или иного понятія о злѣ непосредственно зависитъ рѣшеніе вопроса о сущности и происхожденіи зла, его характерѣ и значеніи въ общемъ теченіи міровой жизни.

Изъ разсужденій различныхъ мыслителей о злѣ съ несомнѣнностію вытекаетъ, что въ большинствѣ случаевъ они (мыслители) разумѣютъ подъ зломъ явленія далеко не одного и того же порядка, а потому естественно часто расходятся между собою и въ своихъ заключеніяхъ о сущности и происхо-

жденіи этихъ явленій. Впрочемъ, есть одинъ пунктъ, относительно котораго достижимо, повидимому, *нѣкоторое* соглашеніе. За исключеніемъ пантеистовъ, матеріалистовъ и атеистовъ почти всѣ философствующіе мыслители болѣе или менѣе склоняются къ тому, что зло вообще есть нѣчто противоположное добру, отрицаніе его; а потому и понятіе о злѣ они ставятъ обыкновенно въ непосредственную зависимость отъ понятія о добрѣ. Но тутъ встрѣчается новое затрудненіе: что нужно разумѣть подъ добромъ? Въ опредѣленіи понятія добра мыслители такъ же далеко расходятся между собою, какъ и въ опредѣленіи зла. Съ увѣренностію можно однако-же сказать, что большинство философствующихъ мыслителей старается опредѣлить добро какъ нѣчто такое, что *необходимо должно быть* или что входитъ въ понятіе *порядка*, а зло—какъ то, чего *не должно быть*, но что въ дѣйствительности существуетъ и что мыслится какъ *нарушеніе порядка*. Такого опредѣленія, между прочимъ, придерживаются *Гегель* и извѣстный христіанскій апологетъ—*Эрнестъ Навиль* ¹⁾. И съ этимъ опредѣленіемъ, конечно, можно было бы согласиться, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, стоитъ выше другихъ ²⁾. Но здѣсь опять рождается вопросъ: чѣмъ мы *должны* руководствоваться при опредѣленіи того, что *должно быть* и чему *не следовало бы быть*? Очевидно, нуженъ твердый и для всѣхъ одинаково обязательный критерій для отличія добра и зла; а его-то, къ сожалѣнію и нѣтъ. Въ отысканіи такого критерія теперь состоитъ новое затрудненіе, и при томъ—затрудненіе такого рода, которое устранить не легко.

Дѣло въ томъ, что представители каждаго философскаго міровоззрѣнія предлагаютъ свой собственный критерій, съ по-

¹⁾ По опредѣленію *Гегеля* зло есть „то, что не должно быть, то есть то, что должно быть уничтожено“ (срав. соч. В. Д. Кудрявцева-Платонова, т. II. Сергіевъ Посадъ. 1893, стр. 101).

²⁾ Вотъ какъ опредѣляетъ, напримѣръ, *Бюхнеръ* (*Kraft und Stoff* 1855, стр. 249), добро и зло: „Добро то, что соответствуетъ (*gemäss ist*) человѣку, что отвѣчаетъ его потребностямъ; зло,—негодно то, что противорѣчитъ ему... Грѣхъ есть только воображаемый разладъ человѣка съ его привычными и чрезъ воспитаніе усвоенными предразсудками... Грѣхъ заключается въ томъ, что неестественно, а не въ волѣ—дѣлать зло.

мощию котораго будто бы только и возможно установить рѣшительную границу между добромъ и зломъ. Но всѣ эти критеріи или находятся въ непримиримомъ противорѣчьи между собою, или не могутъ быть приняты нами потому, что вмѣсто обѣщаемаго различенія приводятъ только къ смѣшенію нравственныхъ началъ, къ сбивчивости представленія о добрѣ и злѣ. Исслѣдователю, не принадлежащему ни къ какому школьно-философскому направленію, грозитъ опасность запутаться въ лабиринтѣ философскихъ гипотезъ и предположеній. Во всякомъ случаѣ, что ему неизбежно предстоитъ сдѣлать, это,—подвергнувъ безпристрастной и всесторонней критической оцѣнкѣ достоинство всѣхъ предлагаемыхъ критеріевъ, выбрать изъ нихъ одинъ, такъ какъ естественно предполагать, что изъ всѣхъ указываемыхъ критеріевъ истиннымъ можетъ быть признанъ только одинъ.

Останавливаемъ вниманіе читателей лишь на важнѣйшихъ и наиболѣе популярныхъ критеріяхъ, которыми руководствуются философствующіе мыслители при опредѣленіи добра и зла.

Эвдемонисты, да и нѣкоторые другіе мыслители какъ древняго, такъ и нашего времени, при опредѣленіи добра и зла совѣтуютъ, напр., руководствоваться идеею счастья и удовольствія. Добро, говорятъ они, есть то, что составляетъ счастье и удовольствіе для людей, зло—то, что составляетъ наше несчастье, а также и всѣ наши злыя (?) склонности ¹⁾. Такъ какъ человѣческой природѣ свойственно стремиться къ счастью и удовольствію, то, по ихъ мнѣнію, *должно быть* (т. е., есть добро) только то, что составляетъ счастье людей; что противодействуетъ ему, тому *не слѣдовало бы быть*, то есть зло. Этотъ критерій, конечно, можно было бы принять; но къ сожалѣнію, самое понятіе о счастьи и несчастьи у людей слишкомъ разнообразно, измѣнчиво, случайно и противорѣчиво.

¹⁾ Vosen, Das Christenthum und die Einspüche seiner Gegner. 1870. стр. 482. По опредѣленію эвдемонистовъ, «зло есть все то, что намъ непріятно». (Von dem Ursprung und den Absichten des Uebels, 1784, В. I. стр. 7). Съ этой точки зрѣнія границы зла указать нельзя: зимою непріятенъ холодъ, лѣтомъ непріятна жара, осенью—дождь и сыкость, больному непріятны лѣкарства, корыстолюбію—дѣла милосерція, эгоисту—ученіе о любви и т. д.

Такъ, напр., одни полагаютъ счастье въ славѣ, богатствѣ, высокомъ общественномъ положеніи, чувственныхъ удовольствіяхъ; другіе съ большимъ основаніемъ считаютъ всѣ эти мнимыя блага напротивъ источникомъ или, по крайней мѣрѣ, почвою, на которой развивается зло, несчастіе и пороки; наконецъ, третьи прямо утверждаютъ, какъ несомнѣнное, что счастья на землѣ вовсе даже и нѣтъ, что здѣсь только одно горе, страданія, скорби, и что этотъ міръ есть самый худшій изъ возможныхъ міровъ, въ которомъ не стоитъ даже и жить (пессимисты). Кому же вѣрить и кто правъ? Ясно, что указываемый эвдемонистами критерій слишкомъ субъективенъ и неустойчивъ.

Пантеисты, увѣренныя, что все въ мірѣ есть только *необходимое* развитіе абсолюта—всеединого (у элеатовъ), абсолютной субстанціи (у Спинозы), *Я* (у Фихте), абсолютной идеи (у Гегеля), абсолютной воли (у Шопенгауэра) или бессознательнаго (у Гартмана),—прямо утверждаютъ, что въ мірѣ *должно* быть все, что есть, такъ какъ все существуетъ по необходимости, а слѣдовательно *должно быть* и то, что мы называемъ *зломъ*. Здѣсь, очевидно, зло совершенно отождествляется съ добромъ, а потому не можетъ быть указанъ и критерій для того, чтобы отличать добро и зло, такъ какъ все существующее необходимо *должно быть*, т. е., *все есть добро*, если подъ добромъ слѣдуетъ разумѣть то, что *должно быть*.

Материалисты и *позитивисты* въ этомъ случаѣ приходятъ къ тому же самому результату, какой получился и у пантеистовъ. Такъ *Вюлнеръ*, напр., высказываетъ слѣдующія положенія: „Идея добра не имѣетъ абсолютнаго значенія“ ¹⁾. „Неопредѣляемость понятія добра—дѣло извѣстное; заповѣди Божіи созданы (gemacht) самими теологами“ ²⁾. „Такъ какъ нѣтъ свободы воли, нѣтъ ответственности, то грѣхъ и виновность—чепуха (Unding)... Общія моральныя понятія до такой степени относительны, противорѣчивы между собою, зависимы отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и индивидуальныхъ воззрѣній, что должно оказаться совершенно невозможнымъ пріобрѣсти какое либо абсолютное опредѣленіе добра“ ³⁾. „Не вслѣд-

¹⁾ Kraft und Stoff, стр. 172.

²⁾ Ibid. стр. 207.

³⁾ Ibid. стр. 244.

ствіе грѣха, а по необходимости жизнь человѣческаго рода есть *bellum omnium contra omnes*, всеобщая война, въ которой каждый всѣми возможными способами старается побѣдить, даже уничтожить другого. Каждый дѣлаетъ, что, по его мнѣнію, можно дѣлать безнаказанно, обманываетъ, эксплуатируетъ другого, въ убѣжденіи, что никто лучше не поступитъ и съ нимъ. И кто вообще не идетъ этимъ путемъ, того по справедливости считаютъ дуракомъ, не могущимъ идти имъ¹⁾. Преступленія суть *естественныя* явленія, вытекающія необходимо изъ неизмѣнныхъ причинъ, какъ круги земного шара²⁾. Спрашивается: какой критерій *могутъ* указать матеріалисты для опредѣленія добра и зла и для точнаго ихъ разграниченія между собою?

У *деистовъ* и *оптимистовъ* также напрасно стали бы мы искать вѣрнаго и для всѣхъ одинаково обязательнаго критерія, руководясь которымъ мы, безъ опасенія какихъ либо возраженій, могли бы сказать: „вотъ это—добро, а это—зло!“ Собственно говоря, и деисты и оптимисты такъ же отрицаютъ существующее въ мірѣ зло, какъ отрицаютъ его всѣ матеріалисты, пантеисты и позитивисты. Впадая въ крайность, противоположную пессимизму, оптимисты утверждаютъ, что этотъ міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, и если пессимисты видятъ въ мірѣ только господство одного зла, то оптимисты, наоборотъ, хотѣли бы видѣть въ немъ только одно добро. Къ такому же заключенію приходятъ и деисты, предполагая, что настоящій міръ такъ прекрасно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что исключается всякая возможность сверхъестественнаго „вмѣшательства“ Божества въ теченіе его жизни,— что ему съ самаго начала даны такіе совершенные и неизмѣнные законы, по которымъ его жизнь можетъ развиваться совершенно самостоятельно, безъ всякихъ уклоненій и нарушеній разъ даннаго порядка. Какъ на критерій для разграниченія областей добра и зла, хотя послѣдняго въ сущности будто бы и нѣтъ, и деисты и оптимисты одинаково указываютъ на прин-

¹⁾ Ibid. стр. 256.

²⁾ Ibid. стр. 249.

ципъ цѣлесообразности. Чтò цѣлесообразно, то—добро и порядокъ, чтò—нецѣлесообразно, то—зло и беспорядокъ.

Но несправедливо смѣшивать добро съ дѣйствіемъ цѣлесообразнымъ, а зло считать за явленіе нецѣлесообразное. И зло можетъ достигать (и достигаетъ) *своей* цѣли, а потому и оно можетъ быть въ своемъ родѣ явленіемъ цѣлесообразнымъ, не становясь однако-же чрезъ это добромъ. Злодѣянія (напр. подлоги, мошенничества, кражи) для своего осуществленія нерѣдко требуютъ гораздо большаго ума и сообразительности, чѣмъ даже совершеніе какого либо добраго дѣла и нравственнаго подвига. Цѣлесообразность предполагаетъ необходимое участіе *ума*, всякое же доброе или злое дѣло должно быть приписываемо прежде всего вліянію доброй или злой *воли*. А такъ какъ цѣлесообразность свидѣтельствуетъ только о мудрости субъекта, производящаго цѣлесообразныя дѣйствія, безразлично относясь къ его волѣ, то съ этой точки зрѣнія всякое зло легко можетъ быть смѣшано съ добромъ или обращено въ него. Здѣсь именно нужно искать основанія и для того всѣмъ извѣстнаго іезуитскаго положенія, по которому цѣль оправдываетъ средства, и которое способно извратить всѣ истинно-нравственныя понятія. И дѣйствительно, у деистовъ и оптимистовъ зло исчезаетъ, превращаясь или въ *развивающееся* добро или въ *простое средство* для достиженія и болѣе яснаго уразумѣнія добра. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково допускается полное смѣшеніе нравственныхъ понятій, безразличіе добра и зла.

Уже у *Лейбница* въ его Теодицеѣ ¹⁾, мы встрѣчаемъ напр. такія мысли: „Какъ меньшее зло *есть* въ нѣкоторомъ родѣ *добро*, такъ и меньшее *добро* *есть* въ нѣкоторомъ родѣ *зло*, если оно полагаетъ препятствіе для появленія большаго добра (значить, добро не всегда остается добромъ, но можетъ *переходитъ* въ зло и наоборотъ). Часто зло служитъ причиною (!) добра, которое совершенно не произошло бы безъ этого зла. Часто даже двойное зло *дастъ бытіе* (!) одному великому добру: Et si fata volunt, vena venena juvant (и если судьбѣ угодно, то помогаетъ и двойной ядъ)... Иногда командующій арміею допускаетъ сча-

¹⁾ Вѣра и Разумъ 1838, т. II, ч. I, стр. 119. 124. 126.

станную ошибку, которая доставляетъ ему побѣду въ большомъ сраженіи“. Немножко кислоты, остроты, и горечи,—говорить Лейбницъ далѣе,—часто нравится намъ больше сахара; тѣни усиливаютъ цвѣта, и даже (музыкальное) разногласіе, появляющееся въ должномъ мѣстѣ, рельефнѣе представляетъ гармонию. Мы хотимъ быть приведенными въ трепеть канатными плясунами, вотъ-вотъ готовыми упасть; и намъ нравится трагедіи, почти заставляющія насъ плакать. Наслаждались ли бы мы здоровьемъ и достаточно ли воздавали бы за него благодареніе Богу, если бы никогда не испытывали болѣзни? И не *подобно* ли, большею частію, немножко скорби для болѣе яснаго ощущенія блага, т. е. для сознанія его болѣе великимъ?“ Странное разсужденіе! Зло оказывается явленіемъ не только необходимымъ, но благотворнымъ и полезнымъ. „Зло *даетъ бытіе* великому добру“. „Зло служитъ *причиною* добра“! Но причина должна заключать въ себѣ болѣе силы, чѣмъ сколько она сообщаетъ своему дѣйствию, или слѣдствию; ясно, что зло уже поставляется выше добра. Какой же здѣсь можетъ быть данъ критерій для отличія добра отъ зла? Но продолжая развивать послѣдовательно положенія Лейбница далѣе, мы можемъ придти къ самымъ ужаснымъ выводамъ. Терзаніе невинныхъ людей дикими звѣрями доставляло звѣроподобнымъ язычникамъ удовольствіе; слѣдовательно, терзаніе невинныхъ людей дикими звѣрями ради удовольствія, подобно плясанію на канатѣ, есть добро? Чтобы достигъ побѣды, полководецъ по отношенію къ врагамъ нерѣдко употребляетъ обманъ, имѣетъ дѣло съ лазутчиками, старается какъ можно болѣе истребить враговъ; слѣдовательно, ложь, обманъ и убійства когда либо могутъ стать добромъ?

Но если выводы Лейбница требуютъ серьезнаго отношенія къ себѣ, то у другихъ писателей, раздѣляющихъ его взгляды, можно встрѣтить разсужденія о злѣ съ точки зрѣнія цѣлесообразности и такого рода, что они могутъ вызвать только улыбку. Такъ, напр., нѣкоторые утверждаютъ ¹⁾, что *болѣзни* людей также приносятъ большую пользу, вслѣдствіе чего ихъ

¹⁾ Vosen, Das Christenthum und die Einsprüche seiner Gegner, стр. 482.

нельзя считать зломъ. „Какимъ же это образомъ“? спроситъ удивленный читатель. „Неужели имѣется въ виду доходъ врачей и аптекарей? Или рѣчь будетъ о нравственномъ усовершенствованіи больныхъ“? Нѣтъ, въ виду имѣется *интеллектуальное* благо всего человѣчества. Эти физическія страданія, — говорятъ, — заставляютъ людей внимательно изучать цѣлительныя силы природы, на которыя они безъ существованія болѣзней, конечно, не обращали бы никакого вниманія. По поводу этого разсужденія можно сказать только вмѣстѣ съ Фозеномъ ¹⁾: „Какая намъ сама по себѣ (безъ отношенія къ болѣзнямъ) польза отъ того, что мы знаемъ, напр., цѣлительную силу хинной коры? „Возьмите отъ насъ наши страданія и болѣзни (конечно, скажетъ каждый оптимистамъ), — и мы охотно отдадимъ вамъ всѣ наши знанія относительно того, какъ и чѣмъ слѣдуетъ ихъ лечить! Если бы въ мірѣ не было болѣзней, то мы совершенно ничего не потеряли бы отъ того, если бы не имѣли никакихъ медицинскихъ познаній. Ни для нравственнаго усовершенствованія, ни для вѣчности они не нужны. А что сказать о болѣзняхъ неизлечимыхъ, о старости, смерти?... Такимъ же поверхностнымъ и неосновательнымъ является разсужденіе нѣкоторыхъ о томъ, что *голодъ* полезенъ для человѣчества, такъ какъ онъ заставляетъ людей работать, трудиться, пріобрѣтать техническія познанія, дѣлать усовершенствованія, культивировать почву и т. д. ²⁾).

Проводя послѣдовательно этотъ принципъ цѣлесообразности въ качествѣ критерія при оцѣнкѣ добра и зла, можно, наконецъ, придти къ совершенному абсурду, т. е., не только къ полному смѣшенію этихъ нравственныхъ понятій, но и къ превознесенію зла предъ добромъ, какъ и преднамѣчено уже Лейбницемъ; можно не только поставить зло выше добра, но и смотрѣть на него не какъ на наказаніе для людей за грѣхи

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Польза войны, по ученію оптимистовъ, состоитъ въ томъ, что чрезъ нее оживляется промышленность, купцами сбываются залежавшіеся товары, усиливается ремесла, пріиходитъ въ возбужденіе денежный рынокъ, обогащаются бѣдныя (евреп?), обнаруживается храбрость солдатъ, облагораживается жизнь человѣчества. (Von dem Ursprung und den Absichten des Uebels. 1787. В. 3. стр. 93).

и дурную жизнь, но какъ на особенное благо, какъ на счастье, ниспосланное на землю Провидѣніемъ ¹⁾. Въ наше время къ такому заключенію нѣкоторые приходятъ подъ вліяніемъ пантеизма. Такъ, на примѣръ, какой-то *Минскій* въ своей книгѣ — „При свѣтѣ совѣсти“ (изд. 1890 г.) пишетъ: „Кому дороги судьбы міра, тотъ пусть благословитъ несовершенство міра и радуется своей печали!“ ²⁾ „Да будутъ они благословенны, страданія несовершеннаго міра! Да будетъ благословенно отсутствіе любви, истины, свободы!“ ³⁾. Что можно сказать легкомысленнѣе этого?

Но страннѣе всего то, что оптимисты и другіе мыслители, разсуждающіе о злѣ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, часто имѣютъ обыкновеніе, для подтвержденія своего взгляда, ссылаться на изреченія св. Писанія. Такъ, они указываютъ на изреченіе Спасителя относительно слѣпородженнаго: „Не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, но это (слѣпота) для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи“ (Іоан. 9, 3). Но неужели кто-либо можетъ утверждать, что слѣпоту отъ рожденія Господь здѣсь назвалъ добромъ, или что слѣпота сама по себѣ, а не милость Божія даровала зрѣніе слѣпому? Не въ пользу приведеннаго взгляда на зло говоритъ и другое изреченіе Спасителя: „Жена, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ“ (Іоан. 16, 21). И здѣсь „болѣзней рожденія“ Господь не назвалъ добромъ и не призналъ даже ихъ причиною появленія

¹⁾ Къ какому абсурду можетъ привести оптимизмъ показываетъ *Villaume* въ своемъ трехтомномъ сочиненіи „Von dem Ursprung und den Absichten des Uebels (Leipzig 1784). Вотъ нѣкоторыя изъ его положеній: „Зло есть слѣдствіе благожеланій Творца“ (В. 1. стр. 5). „Добро есть источникъ зла“ (В. 1. стр. 84). „Добро рождаетъ зло“ (В. 1. стр. 87). „Всякое зло происходитъ изъ добра“ (В. 1. стр. 233). „Нравственное зло необходимо“ (В. 2. стр. 37). „Необходима страсти, а слѣдовательно, необходимо и моральное зло“ (В. 2. стр. 348). „Зло есть дѣло Божіе, слѣдовательно, оно должно быть добрымъ“ (В. 3. стр. 3). „Все доброе происходитъ изъ зла“ (В. 3. стр. 225). „Всякое зло причиняетъ добро“ (В. 3. стр. 239). „Зло совершенно необходимо для образованія человека“ (В. 3. стр. 260) и т. д.

²⁾ Стр. 254.

³⁾ Стр. 260.

человѣка въ міръ. Это изреченіе Спасителя говоритъ скорѣе противъ разбираемаго взгляда, чѣмъ въ пользу его, такъ какъ въ немъ добро—бытіе человѣка—поставлено выше зла—большней рожденія, и Господь вовсе не отождествляетъ ихъ. Такъ же неосновательны и поверхностны и всѣ другія ссылки на св. Писаніе въ защиту указаннаго взгляда оптимистовъ на зло и его характеръ, какъ, напримѣръ, ссылка на изреченіе св. апостола Павла о томъ, что гдѣ умножается грѣхъ, преизбыточествуетъ благодать, и увѣреніе Лейбница, что чрезъ свои грѣхи „мы стяжали Самого Іисуса Христа“. Но кто понимаетъ истинно-христіанское ученіе, тотъ долженъ согласиться съ нами, что не грѣхи наши—*причины* дарованія намъ благодати и пришествія Сына Божія на землю, а единственно безконечная *любовь Божія* къ людямъ, какъ говоритъ объ этомъ Никодиму Самъ истинный Сынъ Божій: „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего едиnorodнаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16), или какъ пишетъ ап. Павелъ: „Богъ Своєю любовью къ намъ доказываетъ тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ“ (Рим. 5, 8). Обращать грѣхъ и зло въ источникъ добра и блага значитъ—совершенно извращать ученіе истинной нравственности. Кромѣ іезуитовъ, такъ поступаютъ еще только невѣжественные раскольники, по мнѣнію которыхъ, „не согрѣшивъ, не покаешься; не покаившись, не спасешься“. Послѣ сказаннаго ясно, что принципъ цѣлесообразности, имѣющій свое полное значеніе въ сужденіи объ умѣ и премудрости, совершенно не можетъ быть принятъ какъ критерій для опредѣленія добра и зла.

Утилитаристы предлагаютъ руководствоваться принципомъ пользы, или выгоды какъ критеріумомъ, при помощи котораго можно будто бы разъ на всегда установить строгое различіе между добромъ и зломъ ¹⁾. Но нельзя признать истиннымъ и этого критеріума, потому что онъ не только слишкомъ субъективенъ, но и грубо-эгоистиченъ, а слѣдовательно—и безнравственъ для того, чтобы имъ можно было руководствоваться въ оцѣнкѣ нравственныхъ дѣйствій и явленій. Съ утилитаристи-

¹⁾ „Зло есть то,—говорятъ утилитаристы,—что причиняетъ намъ вредъ, убытокъ, ущербъ“. (Villaurme).

ческой точки зрѣнія самыя очевидныя добрыя дѣйствія легко можно принять за дѣйствія злыя и—наоборотъ. Не все то, что выгодно, есть добро, и не все то, что убыточно, есть зло. Но при послѣдовательномъ проведеніи этого принципа, не можетъ быть *одобрено* исполненіе даже наивысшей заповѣди Христовой о любви: „нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13). Если врачъ, по христіанской любви пользуя больного, страдающаго, напр., проказою, самъ заражается его болѣзнію и умираетъ; то, съ утилитаристической точки зрѣнія, такое поведеніе врача не можетъ быть одобрено, потому что врачъ въ данномъ случаѣ и больному не могъ принести существенной пользы и слишкомъ много зла причинилъ своею смертію, своимъ дѣтямъ и даже своимъ ближнимъ, которымъ онъ уже не можетъ болѣе сдѣлать никакого добра. Однимъ словомъ,—такой врачъ, если и не будетъ изъ приличія прямо обозванъ глупцомъ, то съ утилитаристической точки зрѣнія онъ во всякомъ случаѣ *неблаго-разуменъ!* Болѣе откровенные изъ утилитаристовъ прямо говорятъ: „Люби самаго себя больше всего. Любовь ко врагамъ есть безсмысліе, потому что такая любовь противна человѣческой природѣ“ (Штирнеръ). „Человѣку позволительно все, что способно удовлетворить его естественныя потребности. Глупо было бы пропускать случай, доставляющій такое удовлетвореніе. Масштабъ нравственности заключается въ измѣнчивыхъ людяхъ, а не въ абсолютномъ Богѣ“ (Вейлеръ). „Язычество прославляло ненависть ко врагамъ; христіанство требуетъ любви даже и въ отношеніи къ врагу; но что разумнѣе и болѣе морально? „Этотъ вопросъ ставитъ матеріалистъ Молешотъ, но оставляетъ его безъ прямого отвѣта. Утилитаристы, какъ бы отвѣчая на этотъ вопросъ, говорятъ: „*Ненависть* ко врагамъ *разумнѣе любви* къ нимъ“, т. е., прямо ставятъ зло выше добра. Ясно, что критерій, указываемый утилитаристами для опредѣленія добра и зла, еще менѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ истины и здравымъ (не эгоистичнымъ) нравственнымъ понятіямъ, чѣмъ принципъ цѣлесообразности.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Вуткевичъ.*

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАА СРЕДНОВѢКОВАА ЖИСТКА

II

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

(Продолженіе *).

II.

Особенности секты Амальриханъ, сравнительно съ сектою Іоахимитовъ. — Жизнь и ученіе главнаго виновника секты Амальриха Бенскаго. — Источники его мистико-пантеистическихъ заблужденій. — Открытіе первыхъ послѣдователей Амальриха и борьбы противъ нихъ. — Ученіе Амальриханъ. — Въ какой степени ученики остались вѣрными своему учителю? — Дальнѣйшее распространеніе мистико-пантеистическихъ заблужденій чрезъ Амальриханъ во Франціи и Германіи. — Вліяніе этихъ заблужденій на народъ и на ученыхъ. — Появленіе въ Германіи секты, извѣстной подъ именемъ Ортлибаръ. — Система сектантовъ. — Можно ли эту секту признать вполне тождественною съ сектою Амальриханъ?

Секта Амальриханъ появилась во Франціи одновременно съ сектою Іоахимитовъ и представляетъ сходство съ послѣднею по стремленію къ спиритуализированію религіи. Подобно Іоахимитамъ, Амальрихане противодѣйствіе одностороннему формализму въ католичествѣ доводили до отмѣненія всѣхъ внѣшнихъ религіозныхъ формъ и превращали религію исключительно въ одно духовное Богопочтаніе. Въ значительной степени у Амальриханъ отрицаніе внѣшнихъ религіозныхъ формъ обуславливалось спиритуалистическою доктриною Іоахимитовъ о прогрессивномъ развитіи религіи въ теченіе трехъ историческихъ періодовъ примѣнительно къ преемственной дѣятельности въ мірѣ Лицъ Пресвятой Троицы. Послѣдній періодъ въ развитіи религіи новые сектанты представляли себѣ также подъ видомъ

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“, за 1895 г. № 23.

непосредственнаго дѣйствія Духа Святаго на человѣка, исключавшаго необходимость руководства церковными постановленіями и средствами. Но если Іоахимиты только ожидали открытія царства духовнаго въ ближайшемъ будущемъ, причѣмъ свои гаданія о началѣ этого царства на землѣ видоизмѣняли сообразно съ обстоятельствами: то Амальрихане признавали его уже открытымъ, въ себѣ самихъ ощущали непосредственное и непрерывное дѣйствіе Духа Святаго. У Іоахимитовъ абсолютное знаніе религіозной истины въ ожидаемомъ духовномъ царствѣ приписывается преимущественно избраннымъ монахамъ—подвижникамъ, какъ особая награда за ихъ высшіе исключительные подвиги благочестія и опредѣленно обусловливается сверхъестественнымъ актомъ—обильнаго изліянія на избранниковъ благодатныхъ даровъ Духа Святаго. У Амальриханъ это постиженіе религіозной истины понимается гораздо шире—переносится на всѣхъ членовъ ихъ общества и въ сущности подъ видомъ Духа Святаго низводится къ общему натуральному пантеистическому основанію—къ духу человѣческому, насколько онъ, отрѣшаясь отъ многообразнаго, всего посредствующаго, объединяется съ Богомъ и воплощаетъ Его въ себѣ. Этотъ грубый пантеизмъ даетъ больше упорной устойчивости для проведенія отрицательныхъ выводовъ по отношенію къ церковности. Потому, если у Іоахимитовъ главнымъ мотивомъ противодѣйствія Церкви остается на практикѣ ненормальное состояніе католичества, нравственная испорченность папства и іерархіи и они повидимому готовы примириться съ церковностію при нравственномъ обновленіи ея; то у Амальриханъ это противодѣйствіе имѣетъ болѣе глубокое основаніе въ томъ, что всякое внѣшнее посредство—выражается ли оно въ руководствѣ іерархіи, или въ таинствахъ и обрядахъ, какъ бы оно ни было возвышено, только ослабляетъ или ограничиваетъ непосредственное духовное общеніе съ Богомъ. Это различіе между двумя сектами еще яснѣе становится при обращеніи вниманія на нравственные ученія ихъ. Іоахимиты по своимъ нравственнымъ воззрѣніямъ являются строгими аскетами и даже какъ-бы законниками, гордящимися своею праведностію: уставъ Франциска, обязывающій къ соблюденію извѣстныхъ обѣтовъ нищеты и цѣ-

ломудрія они ставятъ наравнѣ съ Евангеліемъ Іисуса Христа и не могутъ достаточно оцѣнить своихъ подвиговъ, основанныхъ на предписаніяхъ устава. Что касается Амальриханъ, то они не признаютъ активнаго упражненія въ добродѣтели безусловно обязательнымъ условіемъ для воплощенія въ духѣ чело-вѣческомъ Божества и даже прямо склоняются къ антиномизму, обезразличивающему чело-вѣческія дѣйствія въ нравственномъ отношеніи. Подъ видомъ внушеній духа они явко слѣдуютъ чувственнымъ влеченіямъ своего сердца въ формѣ экстазовъ.

Главнымъ виновникомъ этой секты былъ *Амальрихъ*, родомъ изъ города Бена, въ округѣ Шартре. Въ концѣ XII в. въ царствованіе французскаго короля Филиппа Августа Амальрихъ, преподавалъ въ Парижѣ не безъ успѣха философію, а потомъ и богословіе, примѣнивъ къ послѣдней наукѣ методъ совершенно новый, путемъ котораго онъ скоро пришелъ къ смѣлымъ выводамъ. О его преподавательской дѣятельности не сохранилось частныхъ свѣдѣній; но объ общемъ характерѣ ея мы можемъ судить вѣрно. Амальрихъ въ значительной степени слѣдовалъ тому свободному антицерковному направленію, начало которому положено было въ Парижѣ раньше его Абелярдомъ, хотя основы его были иныя ¹⁾. Ближайшимъ образомъ онъ слѣдовалъ въ своихъ воззрѣніяхъ Іоанну Скотту Эригенѣ, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуется парижскій магистръ и епископъ Оддо Тускуланскій (*Oddo tusulanus*) ²⁾. Очевидно, эти воззрѣнія были мистико-пантеистическія. Насколько рѣшительно Амальрихъ проводилъ эти воззрѣнія въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, трудно объ этомъ судить. Известно только, что идеи Амальриха скоро вызвали противъ него оппозицію со стороны другихъ магистровъ и жалобы на него со стороны парижскаго епископа—канцлера, обязаннаго слѣдить за ходомъ преподаванія. Особенно каза-

¹⁾ *Thurot*, de l'organisation de l'enseignement dans l'université de Paris au moyen-âge. Par. 1850 p. 3. У *Preger'a* op. cit. 1, 178.

²⁾ *Lectura sive Apparatus domini Hostiensis super quinque libris decretalium 1512. Impii Amalrici dogma istud colligitur in libro magistri Iohannis Scoti, qui dicitur peri physion i. e. de natura. Quem secutus est ille Amalricus.... Dictum autem librum exposuit errores singulos condemmando venerabilis pater dominus Oddo, episcopus tusulanus, a quo et habuimus hanc doctrinam* *Preger*, 1, 180.

См. Западная Сред. Мистика. Вып. 1, 70 - 88.

лось опаснымъ слѣдующее двуслышенное положеніе Амальриха: „всякій христіанинъ обязанъ вѣрить, что онъ членъ Христа и не можетъ быть блаженъ, если въ это не вѣритъ такъ же твердо, какъ въ рожденіе и смерть Искупителя, или въ другіе члены вѣры ¹⁾. Положеніе это, имѣющее видимо ортодоксальную форму, несомнѣнно заключало въ себѣ тотъ мистико-пантеистическій смыслъ, что всякій вѣрующій, какъ членъ Иисуса Христа, переживаетъ въ себѣ духовный процессъ, однородный съ дѣятельностію Его, какъ Искупителя человечества, и потому совершаетъ для себя то же, что сдѣлано было Искупителемъ для всего человечества, участвуя съ Нимъ въ силу созерцанія въ страданіи, въ смерти и въ воскресеніи. Это положеніе было осуждено парижскимъ университетомъ, не смотря на то, что Амальрихъ старался устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ ереси, опираясь на французскаго дофина Людовика, покровительствовавшего ему ²⁾. Для оправданія себя Амальрихъ въ 1204 году былъ принужденъ отправиться въ Римъ, но и папа Иннокентій III высказался противъ него, какъ противъ еретика. Тогда Амальрихъ, по возвращеніи изъ Рима, вынужденъ былъ, въ силу настойчивыхъ требованій парижскаго университета, отречься отъ своего ученія. Однако измѣна своимъ убѣжденіямъ не легко обошлась Амальриху. Это была „гордая аристократическая натура“ ³⁾. Угнетенный печалью онъ скоро заболѣлъ и умеръ въ 1207 году. Его похоронили подлѣ Сентъ-Мартенскаго монастыря (de saint-Martin des Champs). Но чрезъ два года, по опредѣленію парижскаго собора, тѣло его

1) Unde et in ipsa theologia avsus est constanter asseverare, quod quilibet Christianus teneatur credere, se esse membrum Christi nec aliquem posse salvari, qui hoc non crederet, non minus, quam si non crederet, Christum esse natum et passum vel alios fidei articulos. Guilelm. Armoric. de rebus gestis Philippi Avgusti. *Bouquet*, Recueil des historiens de Gaules. t. XVII 83. *Kronlein*, Theolog. Studien und Kritiken. 1847 Heft II, 271—360. Amalrich von Bena und David von Dinant. *Baur*, Die Christliche Lehre von Dreinigkeit und Menschenwerdung Gottes. Tübingen 1842, II, 574.

2) *Du Plessis d'Argentré*, Collectio judiciorum 1, f. 130.

3) Er war ein entschieden destructiver Kopf, obereine stolze, aristokratische Natur gewesen. *Reuter*, op. cit. B. II, 218.

было вынута изъ могилы и зарыто за предѣлами общаго кладбища на землѣ неосвященной ¹⁾).

Амальрихъ не оставилъ послѣ себя сочиненій. Этимъ объясняется значительное разногласіе позднѣйшихъ изслѣдователей относительно его ученія. Однако на основаніи современныхъ сообщеній хронистовъ—Цезаря Гейстербахскаго, Вильгельма Арморика, позднѣйшаго свидѣтельства ученаго парижскаго богослова Жерсона, подкрѣпляемаго особыми древнѣйшими документальными данными, а также на основаніи соборныхъ опредѣленій должно считаться несомнѣннымъ, что Амальрихъ былъ крайнимъ пантеистомъ ²⁾. Систему его можно представить въ такомъ видѣ. Богъ есть сущность, заключающая въ себѣ сущности всѣхъ тварей. Богъ есть все и все есть Богъ ³⁾ Какъ свѣтъ можетъ быть видимъ не самъ по себѣ, но въ воздухѣ; такъ и Богъ можетъ быть видимъ не Самъ по Себѣ, но въ тваряхъ. Богъ—бытіе безкопечное и неподвижное открывается въ случайныхъ (акциденціальныхъ) формахъ тварей. Потому Онъ есть формальный принципъ міра, разумъ выдѣляющій изъ себя и осуществляющій (реализирующій) въ сферѣ временной дѣйствительности идеи, или вѣчные типы вещей. Идеямъ, которыя—въ Богѣ, не принадлежитъ вѣчность „онѣ создаютъ и создаются“. Этотъ пантеизмъ, въ основѣ котораго лежитъ эманенція, заканчивается ученіемъ объ обратномъ возвращеніи всего существующаго въ Бога; раздѣленіе, замѣнившее божественное единство, должно прекратиться. Богъ есть конецъ всѣхъ вещей. Потому все опять должно въ него возвратиться, чтобы неизмѣнно успокоиться въ нераздѣльномъ единствѣ ⁴⁾.

¹⁾ Quem non longe ante defunctum, judicaverunt anathemate percellendum, fecerentque corpus illius a tumulo erui et velut hostem fidei extra locum fidelium procul poni *Martene, Thes. nov. anecdot. w, 166. Hahn op. cit. 111, 181.*

²⁾ *Hahn, op. cit III, 182—184. Iund, Histoire pantheisme populaire au moyen age. p. 28. Preger. op. cit. 1, 175.*

³⁾ Omnia sunt Dens, in ipso sunt omnia; creator et creatura idem sunt. *Gerson, op. om. t. w. de concordia metaphisicae cum logica p. 826 edit. de la Haye 1728.*

⁴⁾ Deus ideo dicitur finis omnium, quia omnia reversura sunt in ipsum, ut in Deo incommutabiliter conquiescant et unum individuum atque incommutabile in eo permanebunt. *Gerson, ibid. Hahn, op. cit. III, 182.*

Особенно человѣческой духъ, какъ скоро проникается совершенною любовью къ Богу, утрачиваетъ сознание о своемъ бытіи и возвращается въ вѣчную божественную сущность. Тогда духъ уже перестаетъ быть тварью; онъ уже не видитъ и не любитъ Бога въ твари, но самъ преобразуется въ Бога, вслѣдствіе чего человѣческое и божественное знаніе совпадаютъ между собою ¹⁾). Изъ этого пантеизма вытекаетъ особый выводъ Амальриха о пресуществленіи въ таинствѣ евхаристіи. По его ученію, это пресуществленіе служитъ только однимъ изъ главныхъ моментовъ проявленія Божества во всей видимой природѣ. Пресуществленіе въ евхаристіи какъ бы образно указываетъ на то единство божественнаго и натурального, которое замѣчается во всемъ видимомъ мірѣ ²⁾). Слѣдствіемъ пантеизма Амальриха было извращеніе церковнаго ученія о Троичности лицъ въ Богѣ. Богъ, по его мнѣнію, въ различныхъ формахъ открывался людямъ: какъ Отецъ, онъ сталъ плотию въ Авраамѣ, какъ Сынъ, Онъ воплотился отъ Маріи; какъ Духъ Святой, Онъ ежедневно въ насъ воплощается. Потому каждый въ силу благочестія становится Христомъ или Духомъ Святымъ. Въ этомъ пантеистическомъ смыслѣ нужно понимать его положеніе, что каждый вѣрующій есть членъ Христа ³⁾).

Въ связи съ этимъ пантеистическимъ ученіемъ Амальрихъ показывалъ презрительное отношеніе къ Богослуженію и почитанію святыхъ ⁴⁾). Если каждый человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова членъ Христа, если въ немъ, какъ во Христѣ, Богъ снова рождается, то естественно всякое превосходство предъ обыкновенными людьми со стороны святыхъ не можетъ имѣть

¹⁾ Dicant ergo quod talis anima perdit se et esse suum et accipit verum esse divinum, sic quod jam non est creatura, nec per creaturam videt au tamat Deum, sed est ipse Deus, qui videtur et amatur. Hanc (insaniam) etiam nisus fuit ponere Amalricus haereticus ab ecclesia condemnatus. Gerson. de mystica theologia specul. Opp. III, 394.

²⁾ Bauer, Die christliche Lehre von Dreienigkeit und Menschwerdigung Gottes II, 573.

³⁾ Almaricus cum suis sociis dicebat, nos esse naturalia membra Christi, quia fingebat, eandem animam Christi in omnibus bonis hominibus habitare et corpora ex communi materia fingit. Hahn, III, 184. Krönlein, op. cit. 294.

⁴⁾ Thurificationem qua in ecclesiis utuntur, sanctorumque invocationes idolatriam¹ vocabat. Mansi XXII, t. 1080.

мѣста; тогда всякій человекъ становится наравнѣ со Христомъ и даже открывається возможность для мечтательныхъ представлений превзойти своими заслугами Самого Господа ¹⁾. Этическое ученіе Амальриха намъ неизвѣстно, по конечно, при мистико-пантеистическомъ направленіи, оно не могло удержатъ ортодоксальныхъ особенностей. По одному частному свидѣтельству, Амальрихъ склоненъ былъ чрезмѣрно возвышать дѣйствія человека, происходящія изъ любви. Онъ даже говорилъ, будто тѣмъ лицамъ, которые руководятся любовью не можетъ быть вѣняемъ грѣхъ, почему послѣдователи его оправдывали всякое безстыдство ²⁾. Впрочемъ, большинство изслѣдователей не находятъ достаточныхъ основаній вѣнчать Амальриха въ положительномъ отрицаніи нравственнаго закона. Предполагаютъ, что его этика, не смотря на пантеизмъ, имѣла идеальныя основы. Своимъ ученіемъ о любви, какъ объ одномъ изъ условій конечнаго единенія человека съ Богомъ, Амальрихъ могъ думать отрѣшнить мораль отъ всякихъ практическихъ и утилитарныхъ побужденій, возвысить человека до такой степени совершенства, при которомъ безъ усилій онъ свободно дѣлалъ бы добро, въ своемъ нравственномъ настроеніи имѣлъ бы источникъ жизни и всякаго блага ³⁾. Но, если и такъ, то во всякомъ случаѣ мечтательная теорія могла на дѣлѣ повести къ грубымъ антиномистическимъ крайностямъ, къ которымъ въ дѣйствительности и склонились послѣдователи Амальриха. Всякое даже порочное дѣйствіе, по происходящее изъ любви, они какъ увидѣмъ, признали безгрѣшнымъ.

По ознакомленіи съ системою Амальриха, не должно быть сомнѣній относительно того, что она имѣетъ мало самостоятельнаго, а представляетъ большею частію заимствованія изъ сочиненія Эригены „о раздѣленіи природы“ (de divisione naturae). По свидѣтельству кардинала Остійскаго, (+1271) эти заимствованія были причиною того, что парижскій университетъ поручилъ канцлеру Одону Тускуланскому пересмотрѣть все

¹⁾ Hahn op. cit. III, 185.

²⁾ Dixit etiam, quod in charitate constitutis nullum peccatum imputabatur. Unde sub tali specie pietatis ejus sequaces omnem turpitudinem commitebant. Martene et Durand. Thesaurus novus anecdotorum T. IV, f. 163 Preger, op. cit. I, 168.

³⁾ Iundt, Histoire du pantheisme populaire au moyen age p. 29.

сочиненіе Эригены, извлечь изъ него существенныя положенія и представить на разсмотрѣніе собора, который въ 1209 году осудилъ ихъ, какъ еретическія ¹⁾. Въ 1225 году, вѣроятно, по побужденію того же Одона, папа Гонорій III также осудилъ сочиненіе Эригены. Эту связь между двумя системами признаютъ также позднѣйшіе изслѣдователи: Бауръ, Энгельгардтъ, Ганъ, Прегеръ, Жюндтъ ²⁾. Съ ними до извѣстной степени расходятся Кренлейнъ и Реутеръ, склонные признавать ученіе Амальриха самостоятельнымъ, но не выраженнымъ съ такою логическою послѣдовательностію, какая замѣчается въ сочиненіи Эригены ³⁾. Однако и эти ученые не отрицаютъ общности положеній обоихъ мистиковъ о тождествѣ Бога и міра, о реализаціи божественныхъ идей въ мірѣ путемъ эманенціи, а также объ обратномъ процессѣ возвращенія всего тварнаго въ нераздѣльное и неизмѣнное единство божественной сущности ⁴⁾.

Амальрихъ оставилъ послѣ себя значительное число послѣдователей, въ составъ которыхъ входили преимущественно духовныя лица, хотя были въ средѣ ихъ и ремесленники ⁵⁾. Эти послѣдователи продолжали развивать доктрину своего учителя, дополняя ее новыми заблужденіями спиритуалистическими, апокалиптическими и антиномистическими. Секта въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ укрывалась отъ надзора католической іерархіи до того времени, пока не выдалъ ее одинъ изъ болѣе ревностныхъ пропагандистовъ. Открытіе секты произошло при такихъ обстоятельствахъ. Одинъ ремесленникъ, Вильгельмъ

¹⁾ Impii Amalrici dogma istud colligitur in libro magistri Iohannis Scoti, qui dicitur de natura. Quem secutus est ille Almaricus, de quo hic loquimur.— In quo libro, qui et per magistros damnatus fuit Parisiis... Dictum autem librum. (Iohannis Scoti) exposuit errores singulos condemnando venerabilis pater dominus Oddo episcopus tusculanus, a quo et habuimus hanc doctrinam. Lectura sive Apparatus domini Hostiensis super quinque libris decretalium 1512 cap. 2. Gerson, De concordia metaph cum logica Opp. IV, 826.

²⁾ Baur, Die Christ Lehre von der Dreienigkeit, II, 570. Engelhardt op. cit. 261. Hahn, III, 195. Preger, I, 180. Junlt, Histoire du Pantheisme 26.

³⁾ Krönlein, op. cit 287 u Reuter II, 219.

⁴⁾ Съ особою опредѣленностію эту связь устанавливаетъ Christlib, Leben und Lehre des Iohannes Scotus Erigena 438—439.

⁵⁾ Et ita hujus sectae plures sacerdotes, clerici et laici ac mulieres. Guilelm. Armor I, 1. 83. Hujus opinionis hominum quatuor sacerdotes, duo diaconi, tres subdiaconi... Martene et Durand, Thesavr. Anecd. t. W. 164.

Гольдшмидъ въ 1209 году, въ силу воображаемаго откровенія отъ Господа, отправился къ магистру Рудольфу Немурскому, чтобы возвѣстить ему радостную вѣсть о воспослѣдовавшемъ воплощеніи Святого Духа и открытіи его царства. Себя самого онъ выдалъ за одного изъ семи новыхъ пророковъ, въ которыхъ прежде всего воплотился Духъ Святой. Устами его и другихъ пророковъ Духъ Святой будто бы возвѣщалъ объ отмѣненіи всѣхъ формъ, подъ которыми до сихъ поръ дѣйствовалъ Сынъ Божій, не исключая и таинствъ. Открытіе царства Духа, по словамъ сектанта, должно сопровождаться особыми бѣдствіями. Въ ближайшія пять лѣтъ міръ постигнутъ слѣдующія наказанія: голодъ посѣтитъ народъ, цари падутъ отъ меча, земля разверзнется и поглотитъ жителей, огонь выпадетъ съ неба и сожжетъ прелатовъ. Прелаты должны быть наказаны болѣе всѣхъ, какъ слуги антихриста (т. е. папы), а съ ними и Римъ, какъ новый Вавилонъ. Антихристъ сидитъ на Масличной горѣ, т. е. въ полнотѣ силы ¹⁾). На вопросъ магистра Рудольфа о томъ, кому еще открывался Святой Духъ, мнимый пророкъ назвалъ до тринадцати своихъ товарищей. Рудольфъ притворно показалъ готовность стать членомъ новой секты, а между тѣмъ сообщилъ о своемъ открытіи нѣкоторымъ лицамъ изъ духовенства, а потомъ и парижскому епископу Петру, совѣтнику короля. По распоряженію епископа составила цѣлая тайная коммиссія изъ ученыхъ магистровъ теологій и священниковъ, которая при содѣйствіи Рудольфа, притворно перешла на сторону сектантовъ съ тѣмъ, чтобы исполнѣ изслѣдовать ихъ ученіе и составъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ члены этой коммиссіи прошли епископства парижское, лангренское, тройское и архіепископство сенское, причемъ нашли, что секта насчитываетъ очень многихъ приверженцевъ. Тогда Рудольфъ усилилъ свою ревность въ разслѣдованіи секты до того, что самъ сталъ себя выдавать за восторженнаго экстатика, вмѣняя себѣ въ особенное счастье, что былъ провозвѣстникомъ поваго ученія. Когда собраны были достаточныя данныя для заключеній объ ученіи секты и о ея послѣдователяхъ, созванъ былъ извѣстный уже намъ парижскій соборъ въ 1209 году, на которомъ десять лицъ изъ среды

¹⁾ Caesar Heisterb. *Du Plessis d'Argentré*. *Colletio judiciorum* 1, 130.

духовенства и Вильгельмъ Гольдшмидъ, какъ болѣе упорные еретики, были признаны достойными смертной казни, посредствомъ сожженія на кострѣ, а четверо сектантовъ изъ духовенства приговорены къ пожизненному заключенію въ тюрьму ¹⁾).

Обращаясь къ еретическому ученію Амальриханъ, мы видимъ, что общія основныя пантеистическія положенія учредителя секты не только были удержаны его послѣдователями, но получили у нихъ болѣе широкое развитіе и практическое примѣненіе. Въ цѣльномъ видѣ система Амальриханъ такова. „Все едино, ибо все есть Богъ“ ²⁾). Безконечная сущность Божія въ настоящее время облечена акциденціальными формами, видимыми явленіями природы. Эти явленія уже въ силу того, что служатъ внѣшнимъ Откровеніемъ Бога, могутъ приводить къ *совершенному* познанію Его. Богъ проявляется въ мірѣ въ разныхъ формахъ, а потому воплощеніе Его Сына есть ни что иное, какъ одно изъ безчисленныхъ обнаруженій Безконечнаго въ нѣдрахъ конечнаго ³⁾). Отсюда, конечно, можетъ слѣдовать выводъ, что христіанство въ мірѣ не произвело переворота, или особаго преобразованія. Амальрихане видимо раздѣляли такое мнѣніе когда утверждали, что „Богъ устами Овидія говорилъ точно такъ же, какъ и устами Августина“ ⁴⁾). Мало того. Человѣкъ благочестивый, объединяясь съ Божествомъ, можетъ сдѣлаться Сынѣмъ такимъ же, какимъ былъ Іисусъ Христосъ, или воспринять въ себя въ совершенной степени Духа Святаго. „Онъ можетъ сдѣлаться и Христомъ и Духомъ Святымъ“ ⁵⁾). Эти положенія уже были формулированы Амальрихомъ въ интересѣ философскомъ, но послѣдователи его стремились сдѣлать изъ нихъ преимущественно практическое примѣненіе. Одинъ изъ членовъ секты (Бернардъ) въ своемъ самообожествленіи доходилъ до то-

1) *Preger op. cit 1, 181, Iundt, Histoire du Pantheisme 21—22.*

2) *Omnia unum, quia quidquid est, est Deus. Martene, Thes. nov. anecdot. IV. 163.*

3) *Tum Deus visibilibus erat indutus instrumentis, quibus videri poterat a creaturis. ibid—Alii autem dixerunt, Deum esse principium formale omnium rerum et hoc dicitur fuisse opinio Amalricorum. Thomas Aquinatus. Summa theologiae Patavi 1698 Quaest. III, Art 8.*

4) *Deum sic locutum fuisse in Ovidio, sicut in Augustino Mensi XXII. t. III.*

5) *Ille (spiritus sanctus) operatur omnia in omnibus.—Unde concedebant, quod unusquisque eorum esset Christus et Spiritus Sanctus. Caesar Heisterb—D'Argentré 1, 130.*

го, что позволялъ утверждать, будто онъ даже не можетъ сгорѣть въ огнѣ и вообще физическія мученія не могутъ принести ему, какъ Богу, никакого вреда ¹⁾. вмѣстѣ съ этимъ Амальрихане пошли дальше своего учителя, принявши спиритуалистическую доктрину Іоахима въ постепенномъ раскрытіи Бога въ исторіи міра подъ видомъ Отца, Сына и Духа Святаго. „Съ воплощеніемъ Бога въ Авраамѣ началось время Отца, съ воплощеніемъ въ Маріи Богъ открылся какъ Сынъ, а съ воплощеніемъ въ Амальриханахъ Богъ ежедневно открывається какъ Духъ Святой“ ²⁾. Особымъ дѣйствіемъ Духа Святаго на свое общество Амальрихане объясняли появленіе въ ихъ средѣ цѣлаго ряда пророковъ, предсказывавшихъ въ экстастическомъ состояніи будущее. Этимъ пророкамъ усвоилась миссія въ дальнѣйшемъ расширеніи царства Духа Святаго путемъ пронагадирования сектантскаго ученія.

Какъ у Іоахимитовъ, такъ и у Амальриханъ спиритуалистическая доктрина, обоснованная на пантеистическомъ ученіи о проявленіи Бога въ мірѣ, вела къ отрицанію таинствъ и другихъ церковныхъ формъ. Крещеніе дѣтей они признавали бесполезнымъ обрядомъ, ибо Духъ Святой можетъ сходить на человека и безъ внѣшняго акта ³⁾. Изъ принципа о субстанціональномъ присутствіи Бога во всѣхъ вещахъ міра сектанты, подобно Амальриху, приходили къ отрицанію таинства Евхаристіи. По ихъ мнѣнію, учить о предложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову значило бы ограничивать вездѣприсутствіе Господа особыми освященными въ Евхаристіи веществами и опредѣлять Его узко одними внѣшними формулами. Они говорили, что тѣло Христа не иначе бываетъ въ евхаристическомъ хлѣбѣ, по его освященіи, какъ во всякомъ другомъ хлѣбѣ, потому, что Богъ говорилъ въ Августинѣ точно такъ же, какъ и

¹⁾ Unde quidam eorum, nomine Bernardus, ausus est affirmare, se non posse cremari incendio, nec alio torqueri supplicio, in quantum erat, se deum dicebat. *Martene et Durand*, t. IV. f. 163.

²⁾ Pater in Abraham incarnatus, Filius in Maria, Spiritus Sanctus in nobis quotidie incarnatur. Ibid. thes. 2. Spiritus Sanctus in eis incarnatus, ut dixerant, eis omnia revelabat. Ibid. *D'Argentré* 1. f. 130.

³⁾ Mentiti sunt honorum baptismatis non egere parvulos ex eorum sanguinibus propagatos... *Martene et Durand* f. 163. Dicebant, unumquemque per gratiam Spiritus Sancti interius, sine actu aliquo exteriori, inspiratum salvari posse. *Bouquet* t. XVII, 83.

въ Овидіи“¹⁾). Если въ евхаристіи и можетъ послѣдовать пре-
существованіе, то оно, по взгляду Амальриханъ, будетъ только
чувственнымъ образомъ того, что происходитъ во всей природѣ²⁾).

Но не только эти таинства, а и всѣ вообще, насколько слу-
жать внѣшними средствами къ полученію благодатныхъ да-
ровъ Духа Святаго, оказываются излишними, по ученію Амаль-
риханъ, послѣ того, какъ всякій человѣкъ непосредственно
объединился съ Духомъ Святымъ. „Какъ съ наступленіемъ цар-
ства Христа потерялъ свою силу Моисеевъ законъ; такъ съ на-
ступленіемъ царства Духа Святаго таинства Новаго Завѣта поте-
рали свою силу и значеніе“³⁾). Всѣ стороны религіознаго культа
настолько противоположны мнимому идеальному царству Духа,
что они для амальриханъ казались грубымъ идолопоклонствомъ⁴⁾).
Единственнымъ условіемъ воспріятія Духа Святаго и сохра-
неніемъ его для другихъ Амальрихане признавали знаніе. Но
это знаніе отождествлялось съ откровеніемъ Божественнаго Духа.
Въ обладаніи такимъ знаніемъ Амальрихане лично были вполнѣ
увѣрены и въ немъ-то поставляли воскресеніе изъ мертвыхъ⁵⁾.
Иного воскресенія (по тѣлу) они не ожидали. Рай и адъ они
видѣли исключительно только въ различныхъ душевныхъ со-
стояніяхъ человѣка—примѣнительно къ тому, владѣетъ ли кто
высшимъ знаніемъ, или не владѣетъ и, сообразно съ этимъ, яв-

1) Corpus Christi ante verborum prolationem visibilibus panis accidentibus subesse... Dicebant non aliter esse corpus Christi in pane altaris, quam in alio pane et in qualibet re sicque Deum locutum esse in Ovidio, sicut in Avgustino. Caesar Heiterberg, *Du Plessis d' Argentré* I, f. 130.

2) Baur, *Die christliche Lehre von der Dreienigkeit*. II, 573. Hahn, *op. cit.*, 183.

3) Quod potestas patris duravit quamdiu viguit lex Mosaica; et quia scriptum est: Novis supervenientibus abjicientur vetera, postquam Christus venit, abolerunt omnia Testamenti veteris sacramenta, et viguit nova lex usque ad illud tempus. In hoc ergo tempore, dicebant, Testamenti novi sacramenta finem habere, et tempus sancti Spiritus incepisse, quo, dicebant, confessionem, baptismum, eucharistiam et alia, sine quibus salus haberi non potest, locum de caetero non habere, sed unumquemque tantum per gratiam Spiritus Sancti interius, sine aliquo exteriori inspiratum salvari posse. *Guilelmus Armoricus, Bouquet* XVII, f. 83.

4) Altaria sanctis statui et sacras imagines thurificari, idolatriam esse dicebant. Eos, qui ossa Martyrum deosculabantur, subsannabant Caesar. Heisterb. *Du Plessis d' Argentré* I, f. 130.

5) Spiritus Sanctus in eis incarnatus, ut dixerunt, eis omnia revelabat et revelatio nihil aliud erat, quam mortuorum resurrectio. Inde semetipsos jam resuscitados asserebant, fidem et spem ab eorum cordibus excludebant, se soli scientiae mentientes subjacere.

ляется блаженнымъ, или погибшимъ ¹⁾). Практическіе выводы Амальриханъ имѣли характеръ самаго грубаго антиномизма. Изъ принципа о достиженіи въ этой жизни всецѣлаго единенія съ Богомъ, или отождествленія съ Нимъ, заключали, что при такомъ условіи человѣкъ дѣлается вполнѣ святымъ и можетъ считать себя свободнымъ отъ возможности грѣшиться. „Человѣкъ не грѣшится болѣе“, говорили Амальрихане, „ибо уже не онъ, а Богъ отнынѣ служитъ виновникомъ его дѣйствій“. Исполненіе нравственнаго закона становится излишнимъ. По ихъ воззрѣніямъ, божественная правда—одна иллюзія. Богу принадлежитъ только безпредѣльная благодать, а съ такою благодатію не могутъ быть примирены наказанія за грѣхи въ будущей жизни ²⁾). Отсюда уже легко было послѣдовать и болѣе положительное оправданіе грѣха и поощреніе къ содержанію его. Говорили, что человѣкъ, имѣющій Духа Святаго, не грѣшится болѣе, *что бы онъ ни думалъ*; человѣку, проникнутому любовію, уже никакой грѣхъ не вмѣняется. Послѣднее положеніе, насколько оно имѣетъ связь съ пантеизмомъ, особенно должно было оправдывать всякое беззаконіе. Оно имѣло тотъ смыслъ, что принадлежащія къ сектѣ, какъ воплотившіеся отъ Духа Святаго, какъ новые Христы, могутъ считать себя такими чистыми, что и чувственныя потребности ихъ, въ какой бы формѣ ни проявлялись, могутъ быть вполнѣ чистыми, законными. Потому, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Амальрихане допускали самыя грубыя пороки, совращали къ нимъ другихъ и снимали съ себя совершенно всякую отвѣтственность предъ судомъ Божиимъ за беззаконныя дѣйствія тѣмъ легче, что такого суда въ будущемъ, подобно грубымъ матеріалистамъ, они не признавали ³⁾).

¹⁾ Negabant resurrectionem corporum, dicentes, nihil esse paradysum, neque infernum, sed qui haberet cognitionem Dei in se, quam ipsi habebant, haberet in se paradysum, qui vero mortale peccatum, haberet infernum in se, sicut dentum patridum in ore. *Caes. Heisterb. Du Plessis d' Argenté* 1, 130.

²⁾ *Iundt*, Histoire du panteisme p. 29.

³⁾ Charitatis virtutem sic ampliabant, ut id quod alias peccatum esset, si in virtute fieret charitatis, dicerent jam non esse peccatum. Unde et supra et adulteria et alias corporis voluptates in charitatis nomine commitebant, mulieribus cum quibus peccabant, et simplicibus, quos decipiebant, impunitatem peccati promittentes, Deum tantummodo bonum et non justum praedicantes *Guil. Arm... Bouquet* XVII, 83.—Si aliquis est in Spiritu Sancto ajebant, et faciat fornicationem aut aliqua alia pollutione poluatur, non est ei peccatum, quia ille Spiritus, qui est Deus, omnino separatus a carne, non potest peccare et homo, qui nihil est,

Ознакомленіе съ системою Амальриханъ приводитъ насъ къ выводу, что они были далеко рѣшительнѣе своего учителя. Не безъ основанія и современный лѣтописецъ Вильгельмъ Бретонскій обличаетъ ихъ „въ новыхъ заблужденіяхъ и діавольскихъ вымыслахъ“. Главное различіе между учителемъ и учениками замѣтно въ увлеченіи послѣдними спиритуалистическою доктриною Іоахимитовъ, а также въ грубомъ антиномизмѣ. Того и другого чуждъ былъ Амальрихъ, который, какъ философъ, не былъ склоненъ къ чрезмѣрнымъ фантастическимъ утопіямъ и какъ идеалистъ, не могъ послѣдовательно вывести изъ своихъ пантеистическихъ положеній и оправдывать грубый антиномизмъ, къ чему легко могли придти его ученики, составившіеся изъ различныхъ классовъ и далеко не отличавшіеся образованностію ¹⁾.

(Продолженіе будетъ). *А. Вертеловскій.*

non potest peccare, quam diu ille Spiritus, qui est Deus, est in eo. Ille operatur omnia in omnibus. Unde concedebant, quod unusquisque eorum esset Christus et Spiritus Sanctus Caes. Heist. *Du Plessis d'Argentré*, I. 130. Ils entendaient tellement la vertu de la charité, qu'ils disaient que, si l'action qui autrement serait un péché, était faite en vue de la charité, elle cessait d'être un péché. C'est pourquoi ils commettaient au nom de la charité, des vols, des adulteres et autres voluptes du corps, et promettaient aux femmes avec lesquelles ils pechaient et aux simples, qu'ils trompaient, l'impunité de leur péché, annonçant Dieu comme bon seulement et non comme juste. *Guizot*, collection de Memoires... (Paris 1825) XI, 244. *Hahn*, III, 186. Remplis d'un savoir plus subtil qu'il ne faut, imaginerent des erreurs nouvelles et des inventions diaboliques. *Guizot*, ibid XI, 244.

1) Исключеніе изъ числа учениковъ Амальриха представляетъ магистръ парижскаго университета, Давидъ Динантскій, который, по свидѣтельству Альберта Велякаго, въ сочиненіи de tomis, hoc est de divisionibus, не дошедшемъ до насъ, развивалъ положеніе о томъ, что „Богъ есть не только формальная, но и матеріальная сущность всѣхъ вещей“ (Esse materiale omnium rerum). Но онъ, какъ основательно доказалъ Крönlein, занималъ совершенно самостоятельное положеніе. Между тѣмъ какъ Амальрихъ примыкалъ къ Іоанну С. Эрвевѣ; Давидъ въ формальномъ отношеніи, при раскрытіи своего пантеистическаго ученія, пользуется философіею Аристотеля въ томъ видѣ, какъ она была комментирована Арабскими учеными (Авицепою, Альгальцелемъ и Авцемброномъ). Амальрихъ въ основѣ своей гносеологіи полагаетъ мистическое созерцаніе; а Давидъ Д. употребляетъ для раскрытія своего положенія силлогистику. Первый преимущественно имѣлъ въ виду догматическую и нравственно-практическую сторону христіанства послѣдній обращалъ большее вниманіе на высшіе метафизическіе вопросы. Въ системѣ Амальриха преобладалъ идеалистическій элементъ; въ системѣ Давида Динантскаго элементъ натуралистическій. *Krönlein*, op. cit. 317—318. *Jundt*, Histoire du pantheisme 15—24.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.*)

Начало письменности.

Начало письменности на Руси тѣсно связано съ принятіемъ нашими предками христіанской вѣры изъ Византіи. Принесеніемъ къ намъ чрезъ посредство Болгаріи священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ были положены первыя прочныя основы нашей грамотности и книжнаго образованія. Переводъ церковныхъ книгъ на славянскій языкъ былъ сдѣланъ великими первоучителями славянъ, св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Житіе свв. Кирилла и Меѳодія. Святые Кириллъ (въ мѣрѣ Константинъ, 827—869) и Меѳодій († 885) были сыновья греческаго вельможи Льва. Они родились въ Солуни (Ѳессалоникахъ), главномъ городѣ Македоніи, гдѣ жило очень много славянъ. Славянка была, по преданію, и мать свв. братьевъ. Отъ матери унаслѣдовали они кровную любовь къ славянству, она же впервые зажгла въ ихъ сердцахъ и божественное пламя апостольской ревности. Языкъ славянскій братья знали, какъ родной, а греческому, по многимъ преданіямъ, они должны были еще учиться. Старшій братъ Меѳодій по своему нравственному складу былъ практической дѣятель, человекъ крѣпкой, непоколебимой воли. Неизвѣстно, гдѣ получилъ онъ свое образованіе, но только имѣлъ основательныя познанія въ догматахъ православной церкви. Поступивъ въ военную службу, Меѳодій скоро занялъ мѣсто военачальника въ одной изъ славянскихъ

*) „Очерки“ составлены по трудамъ: Парфирьева, Караузова, Стоюнина, Булаева, О. Миллера, Галахова, Е. Барсова, М. Макаріа, Е. Голубинскаго, Шевырева, Тихооградова, Соловьева, П. Полевого, Смирновскаго, В. Покровскаго и др.

областей, подвластныхъ Византіи. Послѣ десятилѣтняго управленія ввѣренною ему областью, онъ сложилъ свой санъ и постригся въ монахи на горѣ Олимпѣ. Младшій братъ Кириллъ былъ человѣкъ съ пылкою душею, высоко-поэтическимъ и созерцательнымъ направленіемъ мысли. Въ святыхъ братьяхъ такимъ образомъ дивно сочеталось величіе тѣхъ силъ, совокупностию которыхъ успѣшно создается всякое великое дѣло. Безъ Кирилла дѣло славянскаго просвѣщенія не могло бы имѣть своего начала; безъ Меодія оно скоро замерло бы и не получило своего продолженія. Это были великія историческія силы, восполнявшія одна другую ¹⁾. Св. Кириллъ еще въ дѣтствѣ отличался богатыми способностями. Участь въ солунской школѣ благородныхъ дѣтей, онъ являлся „дивомъ“ по изумительной остротѣ и живости своей памяти: „спѣяше паче всѣхъ ученикъ въ книгахъ памятию вельми скорою, яко и диву ему быти“. Необычайный успѣхъ въ наукахъ открылъ Кириллу путь въ цареградскую придворную школу, гдѣ подъ руководствомъ знаменитаго Фотія (впослѣдствіи патріарха константинопольскаго) онъ блистательно окончилъ свое образованіе вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ. Онъ изучилъ здѣсь и богословскія науки, и важнѣйшія произведенія древней эллинской мудрости. Изъ свято-отеческихъ твореній, съ которыми знакомилъ своихъ учениковъ Фотій, творенія Григорія Богослова, этого высокаго поэта-созерцателя, естественно были для Кирилла любимымъ предметомъ изученія. Съ малыхъ лѣтъ, по преданію, Кириллъ читалъ ихъ и училъ наизусть; онъ сроднился съ ними своею поэтическою душею и впослѣдствіи словами и образами Григорія Богослова сталъ выражать свои мысли и свое вѣроученіе. Богатыя способности и обширное образованіе давали Кириллу право на блестящія почести въ свѣтѣ. Но ни блескъ двора, ни почести знатнаго положенія не привлекали его; онъ предпочелъ поступить въ духовное званіе, принялъ санъ священника и занялъ скромное мѣсто бібліотекаря при храмѣ св. Софій; потомъ, стремясь къ уединенію, Кириллъ даже удалился въ монастырь, и только по настоянію

¹⁾ Е. Барсовъ. Кириллъ и Меодій въ ихъ апостольской дѣятельности.

друзей возвратился въ столицу и принялъ должность учителя философіи и званіе философа. Прозваніе философа тѣсно слилось съ его именемъ и на вѣки сохранилось затѣмъ въ потомствѣ. На 24 году своей жизни св. Кириллъ началъ свои апостольскіе подвиги. Первымъ опытомъ его апостольскихъ трудовъ было путешествіе (около 851 г.) въ малоазійскія провинціи Византіи для защиты христіанской вѣры противъ магометанства. По возвращеніи изъ этого путешествія онъ отправился къ брату Меодію на гору Олимпъ. Здѣсь въ тиши монастырскихъ келлій у братьевъ созрѣло рѣшеніе послужить великому дѣлу просвѣщенія славянъ. При этомъ они прежде всего имѣли въ виду религіозныя потребности славянъ византійскихъ. Еще гораздо раньше IX вѣка нѣкоторыя славянскія племена, поселившіяся въ предѣлахъ византійской имперіи, приняли христіанство. Но греческій языкъ, на которомъ совершалось богослуженіе и объяснялось слово Божіе, мало былъ понятенъ славянамъ; поэтому и христіанское ученіе не могло быть воспринято съ надлежащею ясностью и полнотою: многіе изъ нихъ были христіанами только по имени, на самомъ же дѣлѣ оставались по прежнему грубыми и суевѣрными язычниками. Необходимо было священное Писаніе и богослужебныя книги перевести съ греческаго языка на славянскій. Но такъ какъ у славянъ письменности еще не было, то прежде перевода нужно было составить азбуку. Изобрѣтеніе славянской азбуки и первые труды по переводу священныхъ книгъ можно относить именно къ этому времени пребыванія свв. братьевъ на Олимпѣ. Изобрѣтеніе славянской азбуки, по сказанію черноризца Храбра (болгарскаго писателя конца IX или начала X вѣка), относится къ 855 году. Задачу эту выполнилъ св. Кириллъ, по имени котораго и азбука названа „кириллицею“. Въ основу ея онъ принялъ греческій алфавитъ, при чемъ для выраженія тѣхъ звуковъ богатой славянской рѣчи, для которыхъ въ греческомъ алфавитѣ не доставало знаковъ, Кириллъ заимствовалъ знаки изъ другихъ азбукъ: еврейской, армянской, коптской, а частію и самъ составилъ. Всѣхъ буквъ, по сказанію черноризца Храбра, первоначально было 38 ¹⁾. путеше-

1) Кроме „кириллицы“, у нѣкоторыхъ западныхъ славянъ существовала еще другая, неизвѣстно кѣмъ изобрѣтенная, столь же древняя азбука — „глаголица“. Буквы ея отличаются крайнею вычурностью изображенія.

ствіе въ землю Хозарь (нынѣшній Крымъ) для борьбы съ іудеями и магометанами (около 858 г.) прервало на время мирную дѣятельность славянскихъ просвѣтителей. Очень вѣроятно, что во время этого путешествія проповѣдь Кирилла и Меѳодія коснулась и южныхъ предѣловъ нашего отечества, такъ что жившіе здѣсь славяне еще за-долго до князя Владиміра были крещены самими славянскими апостолами. Въ это же путешествіе св. Кирилль открылъ въ Корсунѣ мощи священномученика Климента, папы римскаго. Просвѣтивъ Хозарію свѣтомъ Христовой вѣры, свв. братья мирно возвратились въ отечество. Но вскорѣ они были вызваны на новый апостольскій подвигъ: по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, братья-проповѣдники отправились въ Моравію. Это было въ 862 году. Моравскіе и паннонскіе славяне приняли христіанство отъ латинскихъ проповѣдниковъ южной Германіи; но оно принималось и усвоялось здѣсь съ большимъ трудомъ: латинскій языкъ, на которомъ здѣсь совершалось богослуженіе, для этихъ славянъ былъ еще менѣе понятенъ, чѣмъ греческій для славянъ византійскихъ. Призванные на проповѣдь въ Моравію, свв. Кирилль и Меѳодій принесли съ собою священныя и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ, начали учить народъ и совершать для него богослуженіе на родномъ языкѣ, заводили училища, строили церкви и въ то же время продолжали переводить св. Писаніе. Святое дѣло христіанской проповѣди, требовавшее много энергіи и труда, въ значительной мѣрѣ осложнялось здѣсь противодѣйствіемъ и происками латинскаго духовенства. Успѣхи свв. братьевъ возбуждали въ латинскихъ проповѣдникахъ сильную зависть и опасеніе потерять вліяніе на моравскихъ славянъ,—и вотъ нѣмецкое духовенство обратилось съ жалобами въ Римъ къ папѣ Николаю I. Оно стало доказывать, что богослуженіе и проповѣдь слова Божія возможны только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, такъ какъ надпись на крестѣ Спасителя была написана Пилатомъ только на этихъ трехъ языкахъ, и что славянскіе учителя такимъ образомъ вводятъ новизну, противную римской церкви. Кирилль и Меѳодій вызваны были въ Римъ; но пока они шли туда, папа Николай умеръ. Преемникъ его,

Адрианъ II, привѣтливо встрѣтилъ свв. братьевъ, тѣмъ болѣе, что они принесли съ собою въ даръ римской церкви мощи св. Климента. Богослуженіе на славянскомъ языкѣ онъ призналъ вполне законнымъ и въ доказательство этого положилъ на престолѣ въ храмѣ св. Петра принесенное братьями славянское евангеліе. Въ Римѣ св. Киприлль, изнуренный продолжительными трудами, заболѣлъ и скончался (14 февр. 869 г.), принявъ предъ смертію схиму. Умирая онъ завѣщалъ брату Меѳодію не оставлять начатаго ими дѣла. „Мы съ тобою“, говорилъ онъ, „какъ два вола, тянули одну борозду. Я падаю на своей чертѣ; день мой кончился. Но ты не думай оставлять труды ученія, чтобы удалиться на свою любимую гору. Нѣтъ, здѣсь ты скорѣе можешь обрѣсти спасеніе“. Послѣ кончины брата св. Меѳодій, рукоположенный Адрианомъ въ санъ епископа, возвратился въ Моравію и привезъ съ собою папскую буллу, которою разрѣшалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Шестнадцать лѣтъ еще трудился Меѳодій въ Моравіи и другихъ славянскихъ странахъ, ведя упорную борьбу съ постоянно возобновлявшимися кознями нѣмецкаго духовенства. Но въ продолжительной борьбѣ съ латинствомъ изнемогъ наконецъ и Меѳодій и 6 апр. 885 года окончилъ свою труженническую жизнь въ Велеградскомъ монастырѣ, гдѣ находилась его архієпископская кафедра. По смерти Меѳодія, славянское богослуженіе въ Моравіи было запрещено, и ученики свв. братьевъ (Климентъ, Наумъ, Савва, Ангеларій, Гораздъ), изгнанные отсюда нѣмецкимъ духовенствомъ, должны были искать себѣ убѣжища въ Болгаріи. Память первоучителей славянскихъ празднуется церковію 11 мая.

Языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Языкъ, на который переведены были священныя и богослужебныя книги, былъ, вѣроятно, языкомъ одного изъ тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя жили въ обширной Византійской имперіи, и такъ какъ въ то время всѣ славянскія нарѣчія были очень близки между собою, то языкъ переведенныхъ книгъ сдѣлался общеславянскимъ богослужебнымъ языкомъ. Будучи языкомъ церкви и сохраняясь въ богослуженіи, онъ получилъ названіе *древняго церковно-славянскаго языка*. Съ наибольшею чистотою сохра-

нился онъ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности, Остромировомъ Евангеліи (1056—1057) и двухъ сборникахъ Святослава (1073 и 1076).

Просвѣтительное значеніе Болгаріи. Честь сохраненія трудовъ славянскихъ просвѣтителей принадлежитъ Болгаріи, куда принесли священныя и богослужебныя книги и гдѣ нашли безопасный пріютъ изгнанные изъ Моравіи ученики Кирилла и Меѳодія. Здѣсь, подѣ влияніемъ принятаго изъ Греціи вмѣстѣ съ христіанствомъ образованія, прежде всего начала развиваться славянская письменность и въ X вѣкѣ, въ правленіе просвѣщеннаго царя Свмеона (892—927), достигла высшей степени своего развитія. Въ это время Болгарія не только обладала переводами различныхъ произведеній византійской словесности, но уже имѣла и свою собственную значительную литературу. Сохранивъ и умноживъ наслѣдованную отъ свв. братьевъ духовную письменность, Болгарія передала ее нашему отечеству и такимъ образомъ явилась помощницею Византіи въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія Руси. Эта переводная и заимствованная письменность, во главѣ со священными и богослужебными книгами, и послужила основою нашей древне-русской литературы.

Итакъ: 1) письменность у насъ, а съ нею и наше образованіе, возникаютъ на христіанской почвѣ, и подѣ влияніемъ образцовъ византійскихъ, 2) сначала является, естественно, письменность заимствованная, а потомъ уже на ея основѣ развивается и собственная, оригинальная словесность.

Религіозно-церковное направленіе древней письменности. Возникши изъ началъ христіанской вѣры, образованіе и письменность въ древней Руси получили религіозно-церковное направленіе. Средоточіемъ умственной жизни были церкви и монастыри. При монастыряхъ и церквахъ заводились училища, ученіе совершалось духовенствомъ и по книгамъ церковнымъ, которыя потомъ руководствовали древне-русскаго грамотея въ его дальнѣйшемъ самообученіи. Литературой занимались преимущественно лица духовныя и особенно иноки. Хранилищемъ памятниковъ письменности были монастыри. Сочиненія древне-русскихъ писателей носятъ религіозный характеръ. Не говоря

уже о писателяхъ духовныхъ, сочиненія которыхъ обыкновенно имѣютъ главнѣйшею своею цѣлю распространеніе и утвержденіе въ русскомъ народѣ истинъ христіанской вѣры,—религіознымъ направленіемъ запечатлѣны и всѣ почти произведенія свѣтскихъ писателей древняго періода, почерпавшихъ „мудрость словесную и разумъ“ изъ церковныхъ и духовныхъ книгъ. Произведенія свѣтскаго характера въ древней литературѣ составляютъ исключительныя явленія.

Византійское вліяніе. Произведенія греческой, или частнѣе, византійской литературы, подъ вліяніемъ которыхъ возникла и развилась наша письменность, сообщили ей свой особый характеръ и направленіе. Византійской литературой называется періодъ средневѣковой греческой словесности отъ имп. Юстиніана до паденія Константинополя (526—1453). Эта литература слагалась изъ двухъ элементовъ, христіанскаго и языческаго: она была, съ одной стороны, продолженіемъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ Церкви, съ другой—усвоеніемъ древней классической мудрости. Многія литературныя и философскія произведенія классической мудрости пользовались заслуженнымъ вниманіемъ и уваженіемъ у отцевъ и учителей Церкви, изъ которыхъ большая часть воспитывалась въ школахъ разныхъ философовъ и ораторовъ. Признавая всю пользу правильнаго изученія греко-римской науки и литературы для христіанскаго образованія и успѣшной борьбы съ язычествомъ, они считали языческую философію своею лучшей союзницей и не только сами основательно изучали ее, но совѣтовали и другимъ знакомиться съ лучшими произведеніями классическихъ писателей. Вотъ почему въ христіанскихъ школахъ Византіи, вмѣстѣ съ изученіемъ св. Писанія и отеческихъ твореній, постоянно изучались сочиненія древнихъ греческихъ авторовъ. Эти образовательныя основы, разумно и живо усвояемыя, въ періодъ оживленной борьбы съ еретиками, въ эпоху вселенскихъ соборовъ, во время выясненія и утвержденія истинъ христіанскаго вѣроученія, сослужили христіанству несомнѣнную службу. Со времени же окончанія этой великой борьбы умственные интересы византійскаго общества замѣтно слабѣютъ и мельчаютъ. Духъ пытливости, изслѣдова-

нiя проявляется все менѣе и рѣже, ученость замѣняется простою начитанностью, философская жизненность прекращается. Въмѣсто полнаго и свободнаго изученiя произведенiй знаменитыхъ писателей, стали заниматься тщательнымъ и чрезвычайно мелочнымъ толкованiемъ отдѣльныхъ мѣстъ, выражений и даже словъ. Личная производительность, творчество сильно падаютъ и почти прекращаются. На смѣну ихъ выступаетъ рабская подражательность, передѣлка сочиненiй прежнихъ языческихъ и христіанскихъ писателей, сокращенiя и извлеченiя изъ нихъ, составленiе хрестоматiй и сборниковъ. Авторствъ - творцовъ замѣняютъ компиляторы. Въ это же время вырабатывается и оригинальный слогъ, такъ называемый *византійскій стиль* — цвѣтистый, надутый, напыщенный, изобилующій фигуральными выраженiями, которыя, вмѣсто уясненiя, только лишь затемняютъ смыслъ. Наклонность къ символизму и аллегорiи, употребленiе длинныхъ рѣчей и разговоровъ, постоянныя сравненiя, противоположенiя, вопросы, восклицанiя, обращенiя и другія риторическія формы составляютъ отличительныя свойства византійскаго слога. Этотъ характеръ и направленiе византійской литературы оставили глубокой слѣдъ на произведенiяхъ нашей древней словесности, принявшей отъ Византiи множество произведенiй, какъ духовнаго содержанiя, такъ и другихъ литературныхъ отдѣловъ.

Такъ какъ письменность у насъ возникла путемъ заимствованiя, то, естественно, первыми опытами въ ней были списыванiе и переводы.

Словесность переводная.

Списыванiе книгъ. Въ старину писали не такъ, какъ мы теперь пишемъ. Нашимъ предкамъ неизвѣстны были тѣ облегченныя способы письма, которые доступны теперь каждому грамотному человѣку. Писали они, вмѣсто перьевъ, тростями (каламами); вмѣсто бумаги нынѣшней употребляли пергаментъ, который выдѣлывался изъ свиной и телячьей кожи и привозился къ намъ съ дальняго востока. Нѣсколько позже стали употреблять бумагу изъ хлопка, которая называлась бомбициною; тряпичная же бумага появилась лишь въ XIV вѣкѣ. Первые

листы книгъ и начала главъ писались красною краскою-киноварью и украшались разными фигурами; буквы иногда покрывали дорогою позолотою. До XIV вѣка писали такъ называемымъ *уставнымъ* почеркомъ, или *уставомъ*; это очень красивое, четкое, крупное и прямое письмо. Съ конца XIV вѣка появляется у насъ уже другой почеркъ, гораздо менѣе красивый, не такой четкій, мельче, болѣе косою и кругловатый, т. е. *полууставъ*, которымъ писаны рукописи конца XIV, XV, и XVI вѣковъ. Съ половины XVI вѣка у насъ вводится скоропись и въ XVII вѣкѣ, благодаря большой дѣловой перепискѣ, становится господствующимъ почеркомъ. Списываніе книгъ въ древней Руси имѣло особенно важное и высокое значеніе. Школьное обученіе въ то время обыкновенно не выходило изъ предѣловъ простой грамотности, т. е. умѣнья читать и писать. Поэтому древне-русскій человѣкъ долженъ былъ самъ себя образовывать, и чтеніе книгъ являлось единственнымъ къ тому средствомъ. Начитанность въ древней Руси была мѣриломъ образованности. Люди, свѣдущіе въ книгахъ, пользовались высокимъ уваженіемъ: ихъ величали „зѣло мудрыми“, „великии учеными“, „философами великими“ и т. п. Такое уваженіе къ книгамъ и къ людямъ начитаннымъ становится тѣмъ болѣе понятнымъ, что книга въ то время была своего рода чудомъ. Глядитъ человѣкъ въ книгу—и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человѣкъ сталъ на Руси человекомъ темнымъ. Книга—это была мудрость, предъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга—это были глаголы Самого Бога,—и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ Самимъ Господомъ ¹⁾. Это благоговѣйное отношеніе къ книгѣ, обусловливаемое часто ея священнымъ содержаніемъ, требовало отъ переписчика особенной тщательности и вниманія. Небрежное отношеніе къ дѣлу пе-

¹⁾ Е. Барсовъ.

решски считалось непростительнымъ грѣхомъ. Изыщество и точность работы требовали отъ древне-русскаго переписчика много труда, умѣнья, и терпѣнія. Отсюда понятна та наивная радость, которую испытывалъ этотъ труженикъ послѣ удовлетворительнаго окончанія своей долгой и тяжелой работы: „радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій, во отишье приставъ, и странникъ, въ отечество свое пришедъ; такъ же радуется и книжный писатель, дошедъ конца книгамъ“..., сказано въ послѣсловіи къ одному списку. Понятны и его искреннее чувство благодарности къ Богу за совершенный трудъ, и желаніе помѣстить на рукописи свое имя, и наконецъ забота о точномъ обозначеніи времени начала и окончанія труда. Любопытна въ этомъ отношеніи слѣдующая приписка къ знаменитой рукописи Остромирова Евангелія: „Слава тебѣ, Господи, цезарю небесный, такъ какъ ты сподобилъ меня написать это Евангеліе... Почалъ я его писать въ лѣто 6564-ое, а окончилъ его въ лѣто 6565. Написалъ же Евангеліе это рабу Божию, нареченному во крещеніи Іосифъ, а мірски Остромиръ, родственнику Изяслава князя... Я, Григорій діаконъ, написалъ это Евангеліе... началъ же его писать мѣсяца октября 20-го, а окончилъ мѣсяца мая въ 12-е число“. Трудность книжнаго списыванія, съ одной стороны, и важность священнаго содержанія книгъ—съ другой, ставили дѣло переписки въ рядъ богоугодныхъ подвиговъ, споспѣшествующихъ спасенію души. Съ особенною ревностію занимались списываніемъ книгъ въ монастыряхъ. Въ кельѣ пр. Θεодосія печерскаго постоянно происходила оживленная книжная работа: инокъ Иларіонъ списывалъ книги, самъ Θεодосій прядъ нитки для переплета книгъ, а старецъ Никонъ переплеталъ списанныя книги. Пр. Сергій, основатель Троицкой лавры, за неимѣніемъ бумаги писалъ часто на берестѣ и особенно жаловалъ тѣхъ иноковъ, которые отличались усердіемъ и искусствомъ въ перепискѣ книгъ. Богоугоднымъ дѣломъ книжнаго списыванія занимались даже князья и княгини. Такъ, княжна Полоцкая, св. Ефросинія (XII в.) занималась списываніемъ книгъ. Владиміръ Васильковичъ Волынской, по свидѣтельству лѣтописи, самъ переписывалъ для многихъ церквей своихъ апостольскія посла-

нія, прологи на всѣ мѣсяцы и разныя богослужебныя книги. Неудивительно, что книги въ то время цѣнились очень дорого; такъ напр., извѣстнo, что князь Владиміръ Галицкій за одинъ молитвенникъ заплатилъ восемь гривенъ кунъ (болѣе 11 рублей на наши деньги). Неудивительно и то, что книголюбцы не жалѣли денегъ на прочныя и дорогіе переплеты, часто покрывали переплеты серебряной вызолоченной оправой, украшенной жемчугомъ, дорогими камнями и финифтяными изображеніями святыхъ.

Драгоценный памятникъ древней письменности, сохранившійся до нашихъ дней,—это Остромирово Евангеліе. Оно переписано съ болгарскаго оригинала въ 1056—1057 г. г. діаконѣмъ Григоріемъ, какъ сказано выше, для новгородскаго посадника Остромира и отличается особымъ распредѣленіемъ евангельскаго повѣствованія: оно не расположено по евангелистамъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ главъ, но содержитъ въ себѣ избранныя чтенія изъ Евангелія, по недѣлямъ, т. е. воскресеньямъ (апракосъ—*α* и *πρῶτος*), въ порядкѣ церковныхъ службъ, начиная съ пасхи. Остромирово Евангеліе написано крупнымъ, красивымъ уставомъ, на великолѣпномъ пергаментѣ и украшено раззолоченными заглавіями, фигурными начальными буквами и четырьмя большими изображеніями евангелистовъ. Точность болгарскаго текста по мѣстамъ нарушается русскими формами въ склоненіяхъ, спряженіяхъ и въ употребленіи буквъ. Остромирово Евангеліе тщательно хранится въ Императорской публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургѣ, какъ драгоценный для каждаго русскаго образецъ письменнаго искусства нашихъ предковъ.

Переводы. Кромѣ списыванія книгъ, начатками книжной словесности у насъ были переводы съ греческаго языка на славянскій. Они начались, какъ знаемъ, еще въ Болгаріи, откуда произведенія переводной письменности стали переходить потомъ и на Русь, при самомъ началѣ у насъ христіанства. Съ первыхъ же временъ христіанства, вѣроятно, начались переводы книгъ съ греческаго и въ самой Россіи, при чемъ первыми переводчиками были болгары и греки. Кромѣ того, русскіе просвѣщенные люди отправлялись въ самую Грецію и,

живя по нѣскольку лѣтъ въ греческихъ монастыряхъ, занимались тамъ списываніемъ и переводомъ книгъ. Съ тою же цѣлю совершались изъ Россіи путешествія на Аѳонъ: монастыри св. горы хранили въ себѣ и до сихъ поръ сохраняютъ множество рукописей, перешедшихъ туда изъ Константинополя и другихъ мѣстъ. Произведенія переводной словесности раздѣляются на четыре отдѣла: I) священныя и богослужебныя книги и творенія святыхъ отцевъ (въ сборникахъ), II) сочиненія историческія, III) апокрифы и IV) повѣсти.

I. *Священныя и богослужебныя книги.* Книги Св. Писанія и особенно тѣ, которыя постоянно употребляются при богослуженіи, т. е. Псалтирь, Евангеліе и Апостоль, составляли у нашихъ предковъ самый важный отдѣлъ по своему воспитательному и образовательному значенію. Чтеніе этихъ книгъ начиналось съ самаго дѣтства: по нимъ наши предки учились грамотѣ, ихъ употребляли для назидательнаго домашняго чтенія, къ нимъ прибѣгали во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, съ надеждою найти для себя утѣшеніе, руководство и нравственную поддержку. Съ особенною любовію читали Псалтирь, которая въ древней Руси имѣла значеніе настольной книги, и многіе знали ее наизусть. Кромѣ Псалтири, изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, нашимъ предкамъ нравились, по своей простотѣ и примѣнимости къ жизни, Притчи и Премудрость Соломона, Екклесіастъ и Премудрость Іисуса, сына Сирахова. Священныя книги въ древней Руси употреблялись преимущественно съ толкованіями—св. Аѳанасія александрійскаго, блаж. Теодорита кирскаго, Теофилакта, арх. болгарскаго и др. Этими и объясняются названія: *толковая Псалтирь, толковое Евангеліе, толковый Апостолъ*. вмѣстѣ съ полными книгами Св. Писанія у нашихъ предковъ были еще въ употребленіи извлеченія, выбранныя мѣста изъ этихъ книгъ, такъ называемыя *парамейники*, заключающіе въ себѣ церковныя чтенія, положенныя въ извѣстные дни на утреннихъ и вечернихъ богослуженіяхъ.

Сборники. Послѣ книгъ священнаго Писанія любимымъ чтеніемъ каждаго грамотнаго человѣка въ древней Руси были сочиненія отцевъ и учителей церкви. Отечественія творенія употреблялись обыкновенно въ извлеченіяхъ, въ формѣ разнаго ро-

да сборниковъ или изборниковъ. Сборники были у насъ самою распространенною книжною формою. Одни изъ нихъ представляютъ нѣчто цѣлое и имѣютъ свои названія; другіе, не имѣя опредѣленнаго содержанія, не носятъ и никакого названія. Между сборниками перваго рода замѣчательны слѣдующіе: Златоструй, Шестодневъ, Златоустъ, Измарагдъ, Маргаритъ и Пчела.

Златоструй содержитъ въ себѣ 136 словъ, выбранныхъ изъ разныхъ бесѣдъ Златоуста на книгу Бытія, на посланія апост. Павла и другихъ его твореній. Онъ составленъ въ IX вѣкѣ болгарскимъ царемъ Симеономъ.

Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго, заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ бесѣды Василия Великаго о шестидневномъ твореніи міра, составляющія объясненія первыхъ главъ книги Бытія.

Златоустомъ назывался сборникъ поучительныхъ словъ и бесѣдъ преимущественно Іоанна Златоустаго, расположенныхъ по недѣлямъ, отъ недѣли Мытаря и Фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ включительно. Всѣхъ словъ приблизительно 112. Въ древней Руси Златоустъ былъ въ большомъ употребленіи: его перѣдко читали въ церквахъ, вмѣсто проповѣдей, почему онъ иногда называется „учительнымъ Златоустомъ“.

Измарагдъ (изумрудъ)—сборникъ разныхъ словъ и поученій, не всегда справедливо приписываемыхъ св. Златоусту, Василию Великому, Григорію Двоеслову и др. Въ разныхъ спискахъ число и выборъ словъ и поученій неодинаковы и потому трудно опредѣлить составъ этого сборника.

Маргаритъ (жемчугъ)—особый сборникъ словъ Іоанна Златоуста, раздѣленный на шесть отдѣловъ.

Пчела. Самыми любимыми и распространенными на Руси въ старину сборниками были такъ называемыя „Пчелы“. Это родъ древне-русскихъ энциклопедій, сначала переводныхъ, а потомъ и собственнаго, русскаго состава. Разнообразное содержаніе Пчель распределено по отдѣльнымъ главамъ: о богатствѣ и убожествѣ, о трудолюбіи, о мудрости, о правдѣ, о житейской добродѣтели и злобѣ и т. п. Каждая глава начинается обыкновенно выписками объ извѣстномъ предметѣ изъ Св. Писанія и свято-отеческихъ твореній, за которыми слѣдуютъ потомъ из-

реченія и отрывки изъ греческихъ философовъ и поэтовъ. Основаніемъ подобныхъ сборниковъ послужили Антологіи Максима Исповѣдника (VII в.) и инока Антонія, который за свою любовь къ собранію книжной мудрости получилъ прозвище *μελίσσα*, т. е. пчела. Это названіе, оставшееся сначала за его Антологіями, перешло потомъ и на всѣ подобнаго рода сборники. Чтеніе Пчелъ приносило несомнѣнную пользу древне-русскому человѣку, сообщая его образованію возможно разносторонній характеръ.

Изборники Святослава. Во главѣ сборниковъ второго рода, т. е. не имѣющихъ опредѣленнаго характера и названія, стоятъ два Изборника Святослава: одинъ 1073 года, а другой 1076. Вмѣстѣ съ Остромировымъ Евангеліемъ они принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ нашей письменности. Оба эти сборника, переведенные съ греческаго еще въ Болгаріи, списаны діакономъ Іоанномъ для великаго князя Черниговскаго, Святослава Ярославича. Въ сборникѣ 1073 года содержатся статьи не только духовныя, взятая изъ твореній отцовъ церкви, но и философскія, историческія, описательныя и риторическія. Между послѣдними замѣчательна статья „о образѣхъ“, гдѣ опредѣляется значеніе троповъ и фигуръ, напр. инословія (аллегорій), превода (метафора), изобилія (плеоназмъ), лицетворья (прозопопея) и пр. Сборникъ 1076 г. состоитъ преимущественно изъ статей религіозно-нравственнаго характера. Таковы: о молитвѣ, о постѣ, о чтеніи книгъ, о правой вѣрѣ, поученіе богатымъ, поученіе дѣтямъ Ксенофонта и Θεодоры и т. п. Особеннаго вниманія заслуживаютъ статья о чтеніи книгъ и два поученія дѣтямъ, Ксенофонта и Θεодоры: первая свидѣтельствуется о серьезномъ взглядѣ нашихъ предковъ на книжное чтеніе, послѣднія служатъ образцами для подобнаго рода поученій въ нашей русской литературѣ.

II. Историческія сочиненія. Къ сочиненіямъ историческимъ относятся палеи, хроники и хронографы.

Палея (*ἡ παλαιὰ διαθήκη*—Ветхій Завѣтъ)—первый опытъ христіанской исторіи. Это есть изложеніе ветхозавѣтныхъ событій по библейскимъ книгамъ, съ прибавленіемъ различныхъ замѣчаній, объясненій, разсужденій и статей полемическаго

характера, направленныхъ главнымъ образомъ противъ іудеевъ. Немало находится здѣсь замѣчаній и разсужденій о явленіяхъ физическихъ; таковы, напримѣръ, разсужденія: о тверди небесной, о землѣ, о водахъ воздушныхъ, о кругахъ земли и временахъ года и т. п. Но особенно много помѣщено сказаній апокрифическихъ, изъ которыхъ одни составляютъ дополненіе къ библейскому разсказу, другія являются въ видѣ обширныхъ отдѣльныхъ сочиненій, какъ вставки позднѣйшаго времени.

Хрониками называются византійскія лѣтописи, въ которыхъ разсказъ начинается отъ сотворенія міра, послѣ чего излагается ветхозавѣтная библейская исторія, потомъ исторія древнихъ царствъ и, наконецъ, византійская. Изъ лѣтописей особенно замѣчательны двѣ: Іоанна Малалы и Георгія Амартола.

Хронографы представляютъ собою лѣтописные сборники, заключающіе въ себѣ сначала, подобно хроникамъ, краткую библейскую исторію, потомъ изложеніе всеобщей исторіи до паденія Константинополя и, наконецъ, исторіи славянской и русской. Хронографы появляются позднѣе хроникъ: послѣднія служатъ для хронографовъ источниками. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ помѣщается обыкновенно множество приложеній и выписокъ изъ разныхъ сочиненій. При такомъ составѣ хроники и хронографы доставляли нашимъ предкамъ самыя разнообразныя свѣдѣнія.

III. Апокрифы. Апокрифами ¹⁾ называются сочиненія темнаго происхожденія и сомнительной достовѣрности, заключающія въ себѣ разсказы о библейскихъ лицахъ и событіяхъ. Они представляютъ смѣсь достовѣрныхъ библейскихъ свѣдѣній съ разными вымыслами фантазіи и возникли изъ стремленія восполнить нѣкоторые пробѣлы въ библейскихъ разсказахъ, объяснить неясныя мѣста въ Св. Писаніи и разрѣшить возникающіе при чтеніи ихъ разные вопросы. Важнымъ въ этомъ случаѣ источникомъ служили древне-іудейскія и христіанскія преданія. Первоначально апокрифы не имѣли того дурного значенія, какое они получили впослѣдствіи, напротивъ — какъ

¹⁾ Слово «апокрифъ» (отъ гр. ἀποκρύπτειν скрывать) собственно означаетъ *тайную, сокровенную* книгу. По первоначальному значенію, это тайная религіозная книга, доступная только жрецамъ.

разказы интересные, поучительныя, они пользовались уваженіемъ даже у просвѣщенныхъ пастырей церкви. Но когда разные еретики стали злоупотреблять ими для своихъ цѣлей и составлять изъ нихъ новыя книги, апокрифы стали подвергаться осужденію и запрещенію. Отсюда явился индексъ, т. е. указатель, списокъ апокрифическихъ книгъ, которымъ онѣ запрещались на ряду съ книгами еретическими. Къ намъ апокрифы переходили изъ Греціи въ сербскихъ и болгарскихъ переводахъ; съ теченіемъ времени они измѣнялись, допуская разныя вставки и примѣненія сообразно съ характеромъ русской жизни и русскаго міровоззрѣнія. Апокрифическія сказанія получили у насъ широкое развитіе и имѣли большое вліяніе на русское образованіе и русскую словесность. Это вліяніе вполне понятно: съ одной стороны, апокрифы, какъ нельзя болѣе, подходили подъ религіозный складъ древне-русской жизни и образованія, съ другой—увлекали древне-русскаго читателя раскрытіемъ такихъ непроницаемыхъ тайнъ, какихъ не могла ему повѣдать ни одна книга; наконецъ, обаятельно дѣйствовали и поэтическія достоинства пѣкоторыхъ апокрифовъ. Вотъ почему въ рѣдкомъ памятникѣ древней русской письменности не встрѣчается какого нибудь апокрифическаго сказанія; вотъ почему апокрифическія представленія, создавши цѣлый рядъ произведеній книжной легендарной словесности, изъ книги потомъ перешли у насъ въ самую жизнь народа и послужили основою для созданія *духовныхъ стиховъ* и *народныхъ легендъ*, изъ которыхъ многіе и до сихъ поръ еще живутъ въ народной памяти. Важнѣйшія изъ произведеній апокрифической литературы суть слѣдующія: Сказаніе объ Адамѣ и Евѣ, О древѣ крестномъ, Соломоновы суды, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Сонъ Богородицы, Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской, Бесѣда трехъ святителей и Луцидарій.

Въ первомъ апокрифѣ изображаются послѣднія минуты жизни Адама, излагается разказъ Адама (по другимъ спискамъ—Евы) объ изгнаніи изъ рая, повѣствуется о смерти Адама и Евы и ихъ погребеніи. Проживъ 930 лѣтъ, говорится здѣсь, Адамъ почувствовалъ впервые болѣзнь—и ужаснулся. Онъ велѣлъ обратиться къ нему чадамъ своимъ и всему потомству.

Сиѡъ предлагаетъ ему для утоленія болѣзни принести масляную вѣтвь изъ рая. Далѣе идетъ разсказъ объ изгнаніи прародителей изъ рая. Когда они согрѣшили, всѣ райскія деревья, кромѣ смоковницы, сложили съ себя листья; изъ листьевъ смоковницы они сшили себѣ одежды. Тогда послышался гласъ архангела, призывающаго ангеловъ съ неба, и Господь сошелъ на землю судить людей. По изгнаніи, Адамъ и Ева сѣли противъ рая и, прикинувъ къ землѣ, плакали нѣсколько дней. Изнемогши отъ голода, они начали искать себѣ пищи, но ничего не нашли; тогда они снова вернулись ко вратамъ рая и снова начали плачь: „раю мой, раю, пресвѣтлый раю,—зывалъ Адамъ—красота неизреченная; мене ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; милосердіе, помилуй мя падшаго!“ Богъ умилосердился надъ первыми людьми и послалъ ангела съ плодами терноваго дерева. Потомъ архангелъ Михаилъ принесъ имъ пшеницы и меду и научилъ обрабатывать землю. Здѣсь явился діаволъ и хотѣлъ снова соблазнить ихъ, сказавъ, что небо и рай Божьи, а земля принадлежитъ ему. Адамъ уже было далъ ему па себя рукописаніе, но потомъ раскаялся. Передъ смертію Сиѡъ принесъ Адаму вѣтвь отъ дерева познанія добра и зла. Адамъ узналъ то дерево, изъ-за котораго лишился рая... сдѣлалъ изъ вѣтви себѣ вѣнецъ и надѣлъ его на голову. Тогда онъ увидѣлъ руку Божию, пріемлющую его душу, и услышалъ голосъ: „земля еси и въ землю отыдеши“. Душа Адама взята была на третье небо. Ева начала молиться, чтобы Богъ присоединилъ и ее къ Адаму, такъ какъ она сотворена изъ ребра его. Сиѡъ, по совѣту архангела Михаила, погребаетъ ее тамъ же, гдѣ были погребены тѣла Адама и Авеля. На мѣстѣ погребенія Адама, изъ главы его выросло дерево, на которомъ былъ распятъ Спаситель. (Апокрифъ „О дровѣ крестномъ“).

По образцу библейскаго разсказа о мудрости Соломона, выказанной при рѣшеніи имъ спора между двумя матерями (3 кн. Царствъ, гл. III, 16—27) составлены апокрифы: „Суды царя Соломона“. Одинъ изъ нихъ содержитъ въ себѣ слѣдующій разсказъ: отецъ, умирая, призвалъ троихъ сыновей своихъ и сказалъ имъ: „въ землѣ, въ такомъ-то мѣстѣ, у меня

скрыто сокровище—три посуды, стоящія одна надъ другой. По смерти моей, старшій сынъ пусть возьметъ верхнюю посудину, средній—среднюю, младшій—нижнюю“. Когда открыли посуды, то въ первой оказалось золото, во второй кости, въ третьей земля. Братья начали спорить. Они явились къ Соломону, и царь разсудилъ ихъ такимъ образомъ: сосудъ съ золотомъ—старшему; съ костями—среднему; а съ землею—младшему. „Отецъ вашъ былъ мудръ“, прибавилъ царь. То есть: отецъ завѣщалъ одному изъ сыновей деньги, другому—богатство, состоящее въ скотѣ и рабахъ, а третьему свои земли.—Другой апокрифъ: „О царицѣ Южической или Южной“ основанъ на томъ мѣстѣ 2 книги Паралипоменонъ (гл. 9), гдѣ повѣствуется о посѣщеніи Соломона царицею Савскою (изъ Савы, части Аравіи между Москатомъ и Іеменомъ), прибывшей въ Іерусалимъ препираться съ царемъ въ мудрости загадками. Первая загадка ея состояла въ томъ, что она одѣла отроковъ и дѣвочекъ въ одинаковое платье и просила Соломона угадать, которые изъ нихъ мальчики и которыя дѣвочки. Соломонъ велѣлъ имъ умыться: мальчики пачали умываться быстро и сильно, а дѣвочки—тихо и нѣжно. Въ другой разъ Соломонъ велѣлъ принести орѣховъ и разсыпать передъ ними: мальчики стали собирать орѣхи въ полы, а дѣвочки въ рукава. И Соломонъ сказалъ: вотъ отроки и вотъ дѣвицы. Царицыны мудрецы также загадываютъ загадки мудрецамъ Соломона: „Есть у насъ кладязь далеко отъ города“, говорятъ первые: „какъ его привезти въ городъ?“ Вторые отвѣчали: „сплетите веревку изъ отрубей, и мы привлечемъ вашъ кладязь ко граду“. „Если соль загниетъ, чѣмъ ее исправить?“—Коневымъ рогомъ.—„А когда у коня рогъ бываетъ?“—А когда соль гниетъ?—„Если на нивѣ выростутъ ножи, чѣмъ ихъ сжать?“—Ослинымъ рогомъ.—„Развѣ у осла есть рогъ?“—А развѣ нива родитъ ножи?—„Коли мертвецъ восплачется, чѣмъ его утѣшить?“—Дать ему мгляное яйцо.—„Какъ можетъ изъ мглы сдѣлаться яйцо?“—А какъ можетъ смѣяться мертвецъ?

„Хожденіе Богородицы по мукамъ“ было очень распространено и извѣстно въ народѣ даже и теперь. Пр. Богородица пожелала видѣть мученія грѣшниковъ въ аду. Богъ посылаетъ

къ ней архангела Михаила и съ нимъ 400 ангеловъ, по сту отъ каждой страны свѣта. Ангелы открываютъ передъ Богоматерью различныя стороны ада,—и взору ея представляются многообразныя мученія грѣшниковъ. Тамъ въ огненную рѣку погружены тѣ, которые проклинали отца и мать и ложно клялись святымъ крестомъ; въ огненномъ облакѣ на огненныхъ ложахъ лежатъ грѣшники, которые по лѣности во святую недѣлю не вставали на заутреню; на вѣтвяхъ желѣзнаго дерева повѣшено за языки множество мужей и женъ, клеветавшихъ на ближнихъ своихъ; въ смоляномъ клокочущемъ озерѣ кипятъ, какъ зерна горчичныя, то всплывая на верхъ, то погружаясь въ самую глубь, жидовья, распявшіе Христа, и всѣ челоуѣкоубійцы и т. д. Пр. Дѣва, растроганная зрѣлищемъ адскихъ мученій и мольбами грѣшниковъ о помилованіи, проситъ божественнаго Сына своего облегчить ихъ муки. Иисусъ Христосъ, внявъ мольбамъ матери, даетъ грѣшникамъ временное облегченіе отъ мученій: „за многіе слезы моей матери—говоритъ Онъ—даю грѣшникамъ покой отъ великаго четверга до дня всѣхъ святыхъ“. Преданіе о хожденіи по мукамъ и по раю обще, кажется, всему христіанскому міру¹⁾. Оно послужило главной основой и для знаменитой поэмы Данта: „Божественная комедія“. Составитель апокрифа: „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, при изображеніи адскихъ мученій, очень удачно воспользовался отношеніями Богородицы къ Иисусу Христу, отношеніями матери къ сыну, и сумѣлъ довольно поэтически изобразить чувства Богоматери, внушенныя ей страшнымъ зрѣлищемъ адскихъ мученій.

„Сонъ Богородицы“ извѣстенъ въ народѣ почти всѣмъ грамотнымъ людямъ. Это одинъ изъ болѣе всего распространенныхъ у насъ апокрифовъ, до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества „Сонъ Богородицы“ учатъ наизусть и читаютъ вмѣстѣ съ молитвами. Содержаніе его составляютъ подробности страданій Спасителя, которыя Богоматерь видитъ ранѣе въ сновидѣніи: „Ложилась Владычица спать и почивать; Владычицѣ мало спалось и во спѣ много видѣ-

¹⁾ Карауловъ. Очерки исторіи русской литературы. 68 стр.

лось; видѣла вельми сонъ страшенъ и грозенъ, и чуденъ... Спаситель объясняетъ ей, что ея сонъ не ложенъ, что все, видѣнное ею во снѣ, надъ Нимъ сбудется и пр. Произведеніе это не лишено нѣкоторыхъ поэтическихъ частныхъ, особенно въ изображеніи материнскихъ чувствъ Богородицы, но тѣмъ не менѣе оно произведеніе до крайности вычурное и суевѣрное¹⁾.

Въ „Вопросахъ Іоанна Богослова“ Господу на горѣ Фаворской изображается страшный судъ. На этомъ судѣ прежде всего будутъ вопрошены нечестивые съ антихристомъ; потомъ эллины (т. е. язычники), вѣровавшіе въ солнце, луну, звѣзды, идоловъ; далѣе—жиды, распявшіе Христа; наконецъ родъ христіанскій. Первые будутъ изгнаны во тьму кромѣшную, вторые въ адъ, христіане же раздѣлятся на праведныхъ и грѣшныхъ. Праведники просвѣтятся аки солнце, а грѣшные будутъ мучиться различными муками въ огненной рѣкѣ, неусыпающимъ червемъ, зубовнымъ скрежетомъ, седмиустнымъ пламенемъ. За симъ откроется рай на земли: не будетъ ни дьявола, ни смерти, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная, будетъ едино стадо и единъ пастырь.

Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ знаменитые отцы церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ бесѣдуютъ о происхожденіи всего существующаго и конечныхъ судьбахъ міра. Они задаютъ другъ другу вопросы, загадки и рѣшаютъ ихъ. Напримѣръ: Что четыре орла одно яйцо снесли? Четыре евангелиста св. Евангеліе списаша. Какая мать пожираетъ дѣтей своихъ? Море, принимающее въ себя рѣки. Отчего луна сотворена бысть? Отъ аера, отъ воздуха и отъ престола Господня. Отчего громъ и молнія сотворена бысть? Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ и ангелы громная приставлена. Отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? Отъ восьми частей: тѣло—отъ земли, кости—отъ камня, кровь—отъ Чернаго моря, очи—отъ солнца, мысль—отъ облакъ, власы—отъ востока дыханія, духъ—отъ свѣта, Самъ Господь вдунулъ ему душу. Сколько времени пробылъ Адамъ въ раю? Отъ 6-го часу до 9-го и т. д. Апокрифъ этотъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на Голубиную книгу.

¹⁾ Карауловъ. 69 стр.

Луцидарій. Среди памятниковъ апокрифической литературы особое мѣсто занимаетъ такъ называемый Луцидаріустъ или Луцидарій, переведенный въ XVI вѣкѣ съ нѣмецкаго языка на славянскій какимъ-то Георгіемъ. Это цѣлая энциклопедія общихъ свѣдѣній о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ, планетахъ, звѣздахъ и т. п., изложенная въ формѣ діалоговъ между ученикомъ и учителемъ.

IV. Повѣсти. Наконецъ, между памятниками переводной словесности въ древнемъ періодѣ замѣчательны произведенія литературы повѣствовательной, доставлявшей нашимъ предкамъ мірское развлеченіе и соотвѣтствовавшей тому, что у насъ теперь называется беллетристикой. Эти повѣсти переходили къ намъ сначала изъ Византіи, главнымъ образомъ въ южно-славянскихъ переводахъ, а потомъ съ XVI—XVII в., при посредствѣ Польши, стали появляться западныя переводныя сказанія. Изъ этихъ повѣстей замѣчательны: „Александрія“, „Сказаніе о войнѣ Троянской“, „Римскія Дѣянія“ и др.

Александрія, повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, была весьма распространена у нашихъ предковъ, которыхъ она интересовала какъ привлекательными чертами Александра, такъ и множествомъ разнаго рода баснословныхъ рассказовъ. Настоящее имя составителя этой повѣсти неизвѣстно; по всей вѣроятности, она составлялась въ разныя времена, подъ вліяніемъ разныхъ сказаній объ Александрѣ Великомъ, который изъ историческаго лица мало-по-малу превратился въ баснословнаго героя. Рассказы о его жизни и подвигахъ представляютъ рядъ непрерывныхъ чудесъ. Онъ побѣждаетъ индійскаго царя Пору, и беретъ отъ него несмѣтныя сокровища, бесѣдуетъ съ Брахманами (браминами), которые удивляютъ его своею мудростью, такъ что онъ не рѣшился воевать противъ нихъ. Во время своихъ походовъ онъ встрѣчаетъ необыкновенныхъ людей и животныхъ: это люди съ собачьими головами и птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ртомъ на груди, одноногіе, циклопы, велканы, пигмеи. Онъ приходитъ въ страну, гдѣ его войско томится отъ жестокаго зноя, или теряетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землѣ, совершенно покрытой драгоцѣнными камнями. Рассказывается даже

о воздушномъ путешествіи Александра на грифахъ; онъ прислушивается къ говору птицъ, которыхъ спрашиваетъ о ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ нему. На дальнемъ востокѣ Александръ доходилъ до рая и видѣлъ страну, гдѣ мучились грѣшники; тамъ же онъ видѣлъ двухъ колоссальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди. Наконецъ, онъ приходитъ къ солнечному городу (Гелиополь), откуда солнце восходитъ, и встрѣчаетъ Гога и Магога, царей ужасныхъ нечистыхъ народовъ, и, чтобы избавить отъ нихъ міръ, заключаетъ ихъ въ сѣверныхъ горахъ, откуда они выйдутъ при кончинѣ міра. Встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ вмѣсто себя копье, какъ царя; говорящія деревья предсказываютъ ему смерть въ Вавилонѣ и т. д. ¹⁾.

Сказаніе о войнѣ Троянской основано не на поэмахъ Гамера, а на позднѣйшихъ подложныхъ сочиненіяхъ о троянской войнѣ. Въ сказаніи указываются причины троянской войны, перечислены греческіе и троянскіе герои — участники войны, причемъ представлена краткая характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣ описанія войны рассказаны разныя геройскія преданія, напримѣръ, о судьбѣ Агамемнона и его дѣтей. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказаніе оканчивается мыслью о смиреніи: „Такъ скончася Тройское королевство! Тако Богъ смиряетъ возносящихся и потребляетъ сѣмя нечестивыхъ“.

Римскія Дѣянія (*Gesta Romanorum*)—рядъ рассказовъ преимущественно изъ Римской исторіи. Они перешли къ намъ съ запада и были переведены на русскій языкъ съ польскаго, во второй половинѣ XVII вѣка. Эти повѣсти служили не одному развлеченію, но имѣли въ виду и нравоучительную цѣль, которая достигалась аллегорическимъ толкованіемъ рассказа примѣнительно къ ученію христіанскому. Императоръ Веспасіанъ, рассказывается въ одной повѣсти, женился, по совѣту мудрецовъ, на дѣвушкѣ изъ дальнихъ странъ и съ нею, на ея родинѣ, прижилъ дѣтей. Когда онъ захотѣлъ вернуться въ свое царство, жена сказала ему: если ты удалишься, я убью себя.

¹⁾ Порфирьевъ. Исторія русской словесности, ч. I, 224—225 стр.

Тогда императоръ приказалъ изготавить два одинаковыхъ перстня и на одномъ изъ нихъ изобразить Память, а на другомъ Забвеніе; первый взялъ себѣ, а другой отдалъ женѣ. Какъ только жена получила перстень, такъ тотчасъ же стала забывать о любви своей къ мужу. Увидавъ это, Веспасіанъ возрадовался; онъ вернулся въ свое царство, гдѣ и кончилъ свою жизнь въ мирѣ. „Братія! подѣ императоромъ слѣдуетъ разумѣть человѣческую душу, которой подобаетъ возвратиться въ ея исконное отечество, въ царствіе небесное. Жена—наша плоть, удерживающая душу многими наслажденіями, почему душа и не можетъ удостоиться жизни вѣчной, гдѣ ея обитель, ея родина и всѣ помышленія. Потому поступи, какъ императоръ: сотвори два перстня, Памяти и Забвенія, т. е., Молитвы и Поста“.

Такимъ образомъ, переводная словесность была довольно богата. Она имѣла весьма важное вліяніе на развитіе русскаго человѣка въ продолженіе всего древняго періода его исторіи, воспитавши тотъ складъ понятій и стремленій, который выражается въ древне-русской жизни и словесности.

Н. Протопоповъ.

(Продолженіе будетъ).

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТЮАРТА МИЛЛЯ

ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА II.

Установленіе существеннѣйшихъ философскихъ терминовъ.

Спеціальное употребленіе какого нибудь слова, съ его строгимъ и однажды навсегда опредѣленнымъ значеніемъ, есть дѣло величайшей научной важности. Наука, чимѣющая признанное право гордиться точностью содержанія, владѣетъ въ то же время и соотвѣтствующимъ точнымъ языкомъ. Мысли сбивчивыя и положенія полусознанныя, не продуманныя высказываются въ такихъ же сбивчивыхъ, не продуманныхъ словахъ. Такимъ образомъ тутъ полная взаимность: строго опредѣленное точное слово есть знакъ такой же строго опредѣленной точной мысли.

Важность строгаго опредѣленія терминовъ вытекаетъ изъ ихъ употребленія. Будучи названіями предметовъ, термины составляютъ, такъ сказать, ихъ словесный знакъ; цѣль терминовъ— доставить средство мыслить о предметахъ. Предметъ же мыслится всегда въ своихъ свойствахъ; такимъ образомъ, замѣняя предметы, термины должны указывать всѣ, требующіяся свойства ихъ. Въ исполненіи этого условія и будетъ заключаться опредѣленность термина, строгость его употребленія.

Для нашего труда необходимо разяснить тѣ термины, которые входятъ въ составъ первоначальныхъ данныхъ, лежа-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1895 г. № 13.

щихъ въ основѣ познанія. Разъясненіе это важно для насъ особенно потому, что наше изслѣдованіе касается вопросовъ, лежащихъ, такъ сказать, въ одной плоскости съ вопросами о глубочайшихъ основаніяхъ человѣческаго познанія; такъ что, не установивъ опредѣленныхъ понятій здѣсь, мы тѣмъ самымъ во многомъ затруднимъ свое изслѣдованіе въ послѣдующихъ частяхъ. Напротивъ, предварительное раскрытіе нѣкоторыхъ гносеологическихъ началъ дастъ намъ возможность съ меньшей трудностью придти потомъ къ заключеніямъ, составляющимъ главный предметъ нашихъ изслѣдованій. Мы рассмотримъ сначала, что такое *предметъ*, т. е., то, что познается, включая сюда и все связанное съ нимъ: названія, предложенія и пр.; затѣмъ *пространство* и *время*, эти необходимѣйшія условія какъ самаго познанія, такъ равно и познаваемаго.

Предметъ.

Если мы станемъ мыслить о какомъ либо предметѣ, или представлять въ умѣ его свойства, то ничего не найдемъ въ немъ, кромѣ собственныхъ нашихъ душевныхъ (субъективныхъ) состояній. Нечего говорить о такихъ предметахъ, какъ, напри- мѣръ, мысль, чувство,—это несомнѣнно душевныя состоянія. Между тѣмъ и предметы, такъ называемаго, внѣшняго міра такой же субъективной природы. Снѣгъ, напри- мѣръ, по справедливому замѣчанію Милля, вполне разложимъ на рядъ свойствъ, изъ которыхъ каждое окажется ощущеніемъ, либо сочетаніемъ отдѣльныхъ ощущеній. Цвѣтъ, степень холода, форма—все это ощущенія или сочетанія ихъ. Предметовъ въ мірѣ неисчислимое множество и всѣ они даны раздѣльно; спрашивается: что составляетъ границы или предѣлы, раздѣляющіе предметы другъ отъ друга?

Рѣшая этотъ вопросъ, мы должны замѣтить, что грамматика, разговорная рѣчь и философія не соглашаются между собой во мнѣніи о томъ, на чемъ утверждается обособленность другъ отъ друга предметовъ. Первая обходитъ вопросъ тѣмъ, что даетъ мыслителю существительную форму, которая и есть для него указаніе „предметности“ предмета. Снѣгъ

обладаетъ *близною*; *близна* — предметъ и, по грамматикѣ, потому предметъ, что здѣсь употреблена существительная форма. Но предмета уже не будетъ, если то же самое душевное состояніе, означенное во взятомъ случаѣ словомъ „близна“, назвать словомъ „бѣлый“. Въ предложеніи: „снѣгъ бѣлый“, бѣлый—уже не предметъ. Въ разговорной рѣчи названіе „предметъ“ большею частію придаютъ такимъ состояніямъ, которыя связаны въ пространственныхъ отношеніяхъ или границахъ. Столъ—предметъ, ножка отъ стола—предметъ и все это потому, что тутъ на лицо границы или доли пространства. Но ни грамматика, ни разговорная рѣчь не содержатъ въ понятіи о предметѣ надлежащей научной точности. Грамматика, мѣняя названіе, но оставляя въ неизмѣненномъ видѣ означаемое имъ, — о томъ, что до этого было предметомъ, принуждаетъ рассуждать уже не какъ о предметѣ. Разговорная рѣчь придаетъ названіе „предметъ“, тому, что лучше назвать „тѣломъ“. Вслѣдствіе этой неточности грамматическаго и разговорнаго словоупотребленія, философія не можетъ принять услугъ ни того, ни другаго. Впрочемъ съ помощію грамматическаго словоразличенія есть надежда разрѣшить разсматриваемый вопросъ. Кажется, существительная форма словъ падаетъ на такія душевныя состоянія, въ которыхъ, въ качествѣ существеннаго признака, выступаетъ 1) отдѣльность, 2) единичность. Близна, радость, звукъ—существительныя и предметы потому, что въ основѣ ихъ лежитъ именно не только *отдѣльно*, но и *единично* сознаваемое душевное состояніе. Бѣлый, радостный, громкій—уже измѣняютъ мысль и указываютъ на что-то другое. Чувствуется, что здѣсь удареніе переносится съ предмета на *явленіе*, на какой-нибудь *фактъ*. Прилагательное сдѣлалось нужнымъ не для выраженія отдѣльнаго душевнаго состоянія, а для указанія того, что данъ цѣлый *рядъ* душевныхъ состояній, что эти состоянія *связаны* между собою. Въ виду этого на нашей сторонѣ полное основаніе сказать, что *предметность* предмета, т. е., его *содержаніе* во всѣхъ частяхъ совпадаетъ съ содержаніемъ отдѣльнаго, единично сознаваемаго душевнаго состоянія; это можно выразить еще такъ: *крайнія границы предмета суть границы единичнаго душевнаго состоянія*. Что-

же касается того, отъ какихъ причинъ зависитъ сама обособленность, а также единичность означенныхъ душевныхъ состояній, то мы можемъ сказать только, что причиною этого является съ одной стороны обособленность органовъ внѣшнихъ чувствъ, съ другой непонятный по своимъ основаніямъ, но зато хорошо извѣстный фактъ, что и такъ называемыя внутреннія состоянія наши даны рядами вполне различныхъ мгновеній. Каждому душевному состоянію, связанному-ли съ дѣятельностью какого-нибудь отдѣльнаго внѣшняго органа, или же принадлежащему къ отдѣлу внутреннихъ состояній, и соотвѣтствуетъ предметъ. Вижу-ли я *цвѣтъ*, слышу-ли *звукъ*, ощущаю-ли *гладкость* или *шероховатость* ощупываемой поверхности, я испытываю ощущенія, въ которыхъ или посредствомъ которыхъ воспринимается *предметъ*. *Предметомъ* будутъ также и такія состоянія, какъ: радость, горе, печаль и пр.

Если-бы возникъ вопросъ о количествѣ предметовъ, то на это надо замѣтить, что *число* предметовъ и *число* отдѣловъ душевныхъ состояній не совмѣстимы. Предметовъ, вызывающихъ одно и то же душевное состояніе, можетъ быть безчисленное множество: никто не въ состояніи указать, на примѣръ, предѣла зеленымъ предметамъ; можно сдѣлать безконечное число скрипокъ одного тона. Равнымъ образомъ, чувство, положимъ, радости можетъ быть испытано неисчерпаемое число разъ. Но число отдѣловъ душевныхъ состояній и число родовъ предметовъ совпадаетъ. Всѣ предметы, сколько бы ихъ ни было, обладаютъ свойствами, данными въ какихъ-нибудь состояніяхъ души; и если не каждый предметъ имѣетъ всѣ свойства, какія доступны воспріятіямъ нашимъ, то только тѣ свойства и могутъ принадлежать предметамъ, какія извѣстны намъ изъ состояній нашей души. Предметы либо окрашены въ какой-нибудь *цвѣтъ*, либо способны издавать опредѣленный *звукъ*, либо они *нажмутъ*, либо дѣйствуютъ на *вкусъ*, на *осязаніе*, на *мышечное чувство*, либо, наконецъ, суть *внутреннія* состоянія души. Внѣ этихъ рамокъ нельзя познать или воспринять ни одного предмета.

Когда рѣчь идетъ о предметѣ и рѣшается вопросъ, что онъ такое, приходится не только имѣть дѣло съ его содержаніемъ или свойствами, но и разсуждать о его объективности. Спра-

шивается: какой причиной вызываются тѣ душевныя состоянія, которыми исчерпываются свойства предмета? Объ этомъ всѣ философы, мнѣніе которыхъ въ данномъ случаѣ заслуживаетъ довѣрія, единогласно утверждаютъ, что есть основаніе допускать только *существованіе* внѣшней причины предмета, но нельзя ничего знать о ея *свойствахъ*. Она есть неизвѣстное „нѣчто“, и мы обречены на вѣчное неждѣніе ея объективныхъ признаковъ,—какова она *сама по себѣ*.

Наша рѣчь, неточность которой въ силу необходимости вкрадывается и въ философскія сочиненія, различаетъ *пр. мнѣніе* и *свойство*. Строго говоря, такое различеніе есть образецъ самого выдающагося произвола, который вноситъ несовершенный человѣческій языкъ въ область существующаго. Это мы сразу поймемъ, взявъ какой-нибудь примѣръ. Говорятъ: снѣгъ—предметъ; бѣлизна, форма, температура—его свойства. Основаніемъ подобнаго различенія, очевидно, служитъ *собраніе, группировка* нашихъ воспріятій. Въ самомъ дѣлѣ, если цвѣтъ снѣга, форма его кристалловъ или какого нибудь пространства, покрытаго имъ, наконецъ, его температура суть свойства, то на долю содержанія другаго названія, прилагаемаго къ снѣгу, не остается вѣдь ничего, кромѣ группировки этихъ свойствъ, т. е. факта, что они именно *соединены* въ пространствѣ и, пожалуй, во времени. Не будь цвѣта, формы и температуры въ тѣхъ сочетаніяхъ, въ какихъ эти свойства образуютъ то, что принято называть „снѣгомъ“, послѣдній перестаетъ существовать для нашихъ воспріятій. Когда же помянутое сочетание дано, появляется и означенный „предметъ“. Легко замѣтить, что въ данномъ случаѣ названіе „предметъ“ придается означаемой имъ вещи независимо ни отъ какого постояннаго критерія. Если бы кто вздумалъ спросить объ основаніи, почему такъ дѣлается, то, навѣрное, не получилъ бы другаго отвѣта, какъ—таково было желаніе говорившаго. И мы, вообще говоря, не имѣемъ логическаго основанія оспаривать это право каждаго мыслителя на выборъ имъ своихъ терминовъ; однако здѣсь можемъ указать, что разбираемое употребленіе термина неудобно и ведетъ къ сбивчивости. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, употребляющій слово „предметъ“ въ означенномъ смыслѣ пазоветь

напримѣръ „бѣлизну“? Развѣ это также не предметъ! Намъ думается, что одинаково можно назвать предметомъ какъ „спѣгъ“, т. е., совокупность или связь свойствъ, такъ и „бѣлизну“—его свойство.

Избѣжать этого неудобства можно, по нашему мнѣнiю, только въ томъ случаѣ, если мы словомъ „предметъ“ станемъ называть тотъ или тѣ начальные психическiе моменты, раздѣльно сознаваемые, изъ которыхъ слагалось наше познание о существующемъ. Гдѣ данъ единый, нераздѣльный и однако же особо сознаваемый моментъ психическаго состоянiя, тутъ, по нашему, и есть *предметъ*. Съ этимъ какъ разъ совпадаетъ сказанное нами о *границахъ* или *предѣлахъ* предмета.

Итакъ, въ концѣ концовъ мы получаемъ слѣдующее полное опредѣленiе предмета: предметъ есть или означаетъ первоначальный психическiй *моментъ*, являющiйся главнымъ элементомъ нашего познаниа действительности, которое состоитъ изъ множества такихъ элементовъ. Отличительный признакъ его—нераздѣльность въ связи съ обособленностью отъ другихъ подобныхъ моментовъ.

Такъ мы смотримъ на содержанiе названiя „предметъ“. Послѣ того, какъ это уяснено въ достаточной, что-бы устранить сбивчивость, степени, безопасно будетъ допустить къ употребленiю и слово „свойство“. Всѣ предметы можно раздѣлить на простые и сложные. Къ первымъ отойдутъ предметы, состоящiе изъ одного первоначальнаго воспрiятiя; ко вторымъ, само собой, тѣ, которые состоятъ изъ нѣсколькихъ воспрiятiй. Такъ, сообразно этому дѣленiю, „бѣлизна“ есть простой предметъ, но „дерево“ будетъ предметъ сложный, въ составъ котораго входятъ много другихъ цѣльныхъ предметовъ (прямызна, двѣтъ, высота и т. д.). Послѣднiе предметы суть свойства дерева. Однако дерево состоитъ не только изъ поименованныхъ предметовъ, являющихся его свойствами, но изъ многихъ другихъ, которые свойствами не будутъ. Напримѣръ, сукъ или стволъ, принадлежа дереву, не могутъ быть названы его свойствами. Причина этого заключается въ томъ, что сукъ, стволъ и другiе подобные предметы могутъ существовать сами по себѣ и восприниматься нами независимо, тогда какъ—бѣлизна, высота, прямызна и

подобные, могутъ существовать, а затѣмъ и восприниматься только въ связи съ другими предметами. Предметы отдѣльно не существующіе и воспринимающіеся только въ связи съ другими, изъ нихъ состоящими, и надо называть „свойствами“. Такимъ образомъ „свойство“ имѣетъ значеніе чисто словесное, это названіе употребляется въ рѣчи ради словеснаго удобства, ради облегченія службы языка, между тѣмъ какъ „предметъ“ есть названіе безотносительное, ибо служитъ именемъ отдѣльному душевному моменту.

Н а з в а н і я .

Содержаніе предмета есть единичное душевное состояніе. Такъ какъ все, что нами ощущается и сознательно различается, обладаетъ тѣмъ общимъ свойствомъ, что поддается указанію, а затѣмъ и названію, то каждый предметъ можетъ быть названъ. Но съ другой стороны только то и называется, что сознается. Отсюда: названію всегда соотвѣтствуетъ опредѣленное душевное состояніе или предметъ; по крайней мѣрѣ такъ должно быть. Если же случится, что у названія нѣтъ предмета, оно лишается смысла, перестаетъ быть понятнымъ, а потому подлежитъ изъятію. Научное употребленіе названій исключительно и должно обращать вниманіе не на ихъ звуковыя сочетанія, не на словесное ихъ значеніе, а на тотъ предметъ, который появляется предъ мыслью съ его именемъ. Въ этихъ случаяхъ принято выражаться, что достоинство и цѣль научнаго употребленія названій заключается въ ихъ „значеніи“ или „созначеніи“ (для извѣстнаго рода обстоятельствъ). Само по себѣ названіе, слово, не имѣетъ никакого значенія; помимо выражаемаго имъ душевнаго состоянія оно—ничто, простое сочетаніе звуковъ—не болѣе. Мы поймемъ слово только тогда, когда намъ будетъ указано то душевное состояніе, которое ему служитъ содержаніемъ. Вслѣдствіе этого возникаетъ неоспоримое право, прежде чѣмъ начинать говорить о какомъ-либо предметѣ, вдуматься, имѣетъ ли его названіе соотвѣтствующее душевное состояніе; и только когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ положительно, приступать къ изслѣдованію. До какой степени не безнаказанно проходитъ злоупотребленіе словомъ, когда упу-

скается изъ виду его настоящее значеніе и смыслъ, это ниже съ наглядностью покажетъ намъ критика ученія Милля о силлогизмѣ. Силлогизмъ—эта весьма важная и удобная форма научной мысли—достигаетъ своей цѣли именно только подъ условіемъ, если съ словами, входящими въ составъ его посылокъ, обращаются какъ со знаками чего-либо, т. е., если имѣютъ въ виду ихъ содержаніе. Забывъ это непремѣнное условіе, Милль на самомъ себѣ обнаружилъ всю его научную важность, такъ какъ его теорія силлогизма приводитъ, какъ увидимъ, къ несообразностямъ, оказывающимся разрушительными не только для логики, но и для науки вообще.

Но существующія слова, служа названіями для предметовъ или душевныхъ состояній, очевидно не исчерпываютъ собою количества всѣхъ предметовъ; поэтому къ прежнимъ словамъ всегда могутъ быть присоединены вновь изобрѣтенныя, по мѣрѣ того, какъ будутъ открывать новые предметы и новыя душевныя состоянія. При томъ, такъ какъ законы языка часто не позволяютъ придумать какое-либо слово, котораго дотолѣ еще не было въ употребленіи, то иногда приходится пользоваться словомъ уже существующимъ, измѣнивъ лишь сообразно новой цѣли его созначеніе. Отъ этого возникаетъ такое обстоятельство: слово оказывается съ двойнымъ смысломъ; одинъ смыслъ образованъ произвольнымъ, самобытнымъ путемъ и потѣму долженъ быть отысканъ въ своемъ, такъ сказать, историческомъ созначеніи, т. е., въ томъ, къ какимъ предметамъ и по поводу какихъ свойствъ ихъ слово первоначально прилагалось; другой же заключается уже въ волѣ лица, которое прибѣгаетъ къ существующему слову ради своихъ цѣлей, придавая ему, такимъ образомъ, видоизмѣненное значеніе. У нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей утвердился пріемъ, въ случаѣ туманности предмета изученія, обращаться къ раскрытію его свойствъ посредствомъ указанія созначенія того слова, которымъ предметъ названъ; и здѣсь часто останавливаются на первомъ созначеніи слова, забывая второе и тѣмъ суживая кругъ свойствъ изслѣдуемаго предмета, что, разумѣется, всегда невыгодно отразится на выводѣ, какъ и бываетъ. Понятно, что осторожное мышленіе не упуститъ изъ виду указаннаго характера словъ и

воспользуется имъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ, какъ всякій и обязанъ сдѣлать.

Между названіями въ научномъ отношеніи весьма важно отличить названія „общія“ и „единичныя“. Свойство первыхъ то, что они приложимы не къ одному какому-либо предмету, какъ это дѣлается съ единичными названіями, но за разъ къ неопредѣленному количеству ихъ; при этомъ они даютъ возможность утверждать или обозначать качества, свойства предметовъ. „Такъ, слово „человѣкъ“, по словамъ Милля, можетъ быть истинно употреблено относительно Ивана, Егора, Марьи и другихъ лицъ, безъ опредѣленной границы, и придается всѣмъ имъ въ томъ же самомъ смыслѣ; оно выражаетъ *известныя качества* (подчеркиваемъ мы), и мы, относя его сказуемымъ къ исчисляемымъ лицамъ, утверждаемъ, что всѣ они обладаютъ этимъ качествомъ“. (Милль; Логика, т. I, стр. 33). Единичныя названія, какъ показываетъ уже самое наименованіе ихъ, придаютъ предметамъ единичнымъ же; впрочемъ существенное отличіе этихъ названій состоитъ въ томъ, что они не выражаютъ собою качествъ или свойствъ. „Имя „Иванъ“ можетъ быть истинно утверждаемо объ одномъ только лицѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ же смыслѣ. Хотя есть много лицъ, означаемыхъ этимъ именемъ, но оно придается имъ не для указанія какихъ либо качествъ, ни чего либо общаго между этими лицами; нельзя сказать, чтобы оно было утверждаемо за ними въ какомъ бы то ни было смыслѣ, а слѣдовательно и въ одномъ и томъ же“. (Ibid. стр. 33).

Предложенія.

Умъ нашъ, послѣ того какъ образовалось въ душѣ понятіе о предметѣ, приступаетъ къ постройкѣ познанія—этого сложнаго и, быть можетъ, самаго любопытнаго психическаго зданія; необходимую часть его составляетъ названіе. Но собственно *познаніе* начинается съ утвержденія, въ чемъ и должны состоять основной его типъ. Если я скажу „солнце“, слушатель еще ничего не пойметъ; чтобы названіе или предметъ (по взгляду Милля и нашему, эти двѣ вещи замѣнимы, потому—что названіе служитъ именемъ предмету) доставили

какое нибудь познаніе, требуется что нибудь относительно его или утверждать или отрицать. Утвержденіе „солнце свѣтитъ“ доставляетъ познаніе, такъ какъ здѣсь относительно солнца утверждается фактъ освѣщенія или солнцу придается свойство освѣщать. Словесная форма, въ которой выражается утвержденіе или отрицаніе, есть предложеніе. Отсюда предложеніе есть утвержденіе или отрицаніе чего либо о какомъ нибудь предметѣ. Для означенія утвержденія или отрицанія служитъ глаголь „быть“—въ утвердительной формѣ въ случаяхъ утвержденія и въ отрицательной—въ случаяхъ отрицанія. Съ такимъ значеніемъ этотъ глаголь можно назвать связкой; всегда необходимо различать еще другое заключающееся въ немъ значеніе, которое проявляется въ случаяхъ, когда онъ значитъ—существовать. Въ предложеніяхъ, какъ и въ названіяхъ, нашего вниманія преимущественно заслуживаетъ дѣленіе ихъ на предложенія „общія“ и „единичныя“. Означенное „дѣленіе предложеній, основано на степени общности, въ которой должно быть понимаемо названіе, служащее предложенію подлежащимъ. Вотъ на примѣръ:

Всѣ люди смертны—общее.

. . . . .

Юлій Цезарь смертенъ—единичное“. (стр. 104).

Каждое предложеніе выражаетъ собою не что иное, какъ рядъ явленій, будутъ ли то явленія міра внѣшняго или внутренняго—все равно. Можно сказать даже гораздо общѣе: вся область доступнаго человѣческому познанію, если ее разложить на отдѣльные предметы, приметъ форму предложеній, въ которыхъ будетъ обозначено: послѣдовательность, существованіе, просто бытіе, связь причины со слѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что утверждаемъ мы, когда высказываемъ, на примѣръ, предложеніе „всѣ люди смертны“? Какой единственно понятный и единственно возможный смыслъ содержитъ оно въ себѣ? Во первыхъ, подлежащее „люди“ съ присоединеніемъ къ нему опредѣленнаго мѣстоименія „всѣ“, какъ можно было бы заключать по поверхностному взгляду на предложеніе, вовсе не даетъ намъ знать о *количествѣ* предметовъ. Всѣхъ людей очевидно мы не знаемъ, стало быть не то и должно разумѣть подъ мѣстоименіемъ „всѣ“. Во вторыхъ,

если мы и имѣемъ право утверждать, что всѣ существовавшіе доселѣ люди подверглись смерти, то не можемъ сказать того же о людяхъ настоящихъ и тѣмъ болѣе о будущихъ. Умрутъ ли живущіе теперь люди и затѣмъ имѣющіе родиться, дать на это рѣшительный отвѣтъ на основаніи извѣстныхъ случаевъ смертности нельзя. Юлій Цезарь умеръ, понятно, не потому, что умеръ Антоній, Марій, Ксерксъ, Сократъ, но совершенно по иной причинѣ; по иной же причинѣ, или въ силу иной же связи явленій, конечно, умрутъ и всѣ будущіе люди. И Юлій Цезарь, и Сократъ, и вообще какъ бывшіе, такъ еще живущіе и имѣющіе явиться на свѣтъ люди смертны вслѣдствіе того, что всѣ они „люди“, т. е., вслѣдствіе извѣстныхъ свойствъ, обозначаемыхъ словомъ „человѣкъ“. Созначеніе этого слова и только оно одно и позволяетъ раскрыть, въ самомъ дѣлѣ, очень запутанный смыслъ разсматриваемаго общаго предложенія. Итакъ выраженіе всѣ „люди“ надо понимать: совокупность свойствъ, соозначаемыхъ словомъ *человѣкъ* или *люди* (все равно). Если мы сопоставимъ съ этимъ сказуемое смертны, уже зная на основаніи предыдущаго, что слово смертны, какъ названіе, означаетъ свойство и именно смертность, то получимъ: совокупность свойствъ, соозначаемая словомъ *люди*, связана съ свойствомъ смертности. Ту же мысль вмѣстѣ съ Миллемъ можно выразить еще слѣдующими словами: „всякій, обладающій свойствами, которыя означены подлежащимъ, обладаетъ также и свойствами, которыя соозначены сказуемымъ; что послѣдній рядъ свойствъ *постоянно сопровождаетъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) первый рядъ. Всякій, въ комъ есть свойства *человѣка*, представляетъ и свойства смертности; смертность всегда сопровождаетъ свойства *человѣка*“ (Логика; т. I, стр. 118 и 119). Такимъ образомъ, предложеніе „всѣ люди смертны“ служитъ выраженіемъ постоянной связи между явленіями или, точнѣе, свойствами, означенными съ одной стороны подлежащимъ предложенія, а съ другой—его сказуемымъ.

Разобранный примѣръ показываетъ, а равно и доказываетъ, что всякое общее предложеніе не только имѣетъ, но и *должно* имѣть цѣлью доставить познаніе о какой-либо связи явленій, при чемъ количество предметовъ или *объемъ* подлежащаго не

входитъ въ его означеніе ¹⁾, хотя та несовершенная форма рѣчи, какую принимаютъ обыкновенно общія предложенія, показываетъ какъ будто, что объемъ подлежащаго также составляетъ предметъ высказываемаго утвержденія.

Что справедливо относительно общихъ предложеній, то же самое слѣдуетъ сказать и относительно всякаго другого. Всѣ предложенія выражаютъ лишь связь явленій: „ихъ послѣдовательность или существованіе“ (стр. 120). „Возьмемъ слѣдующій примѣръ: „человѣкъ великодушный достоинъ уваженія“. Кто бы надѣялся найти въ этомъ предложеніи случай одновременности или сосуществованія явленій? Однако, оно такъ. Свойство, по которому лицо называется великодушнымъ, приписывается ему на основаніи состояній его духа и частныхъ его поведенія. И то, и другое явленія: состоянія его духа суть факты внутренняго сознанія; частности поведенія, насколько онѣ отличны отъ первыхъ, суть факты физическіе или воспріятія внѣшнихъ чувствъ. Такимъ же образомъ можетъ быть анализировано и сказуемое „достоинъ уваженія“. Подъ уваженіемъ, какъ это слово употреблено въ нашемъ примѣрѣ, разумѣется состояніе одобряющаго и почтительнаго душевнаго движенія, которое сопровождается, при случаѣ, соответственными внѣшними дѣйствіями. Все это вмѣстѣ съ нашимъ одобреніемъ дѣйствій, обнаруживающихъ уваженіе, соозначается словами „достоинъ уваженія“. Все это явленія: состоянія внутренняго сознанія, сопровождаемыя фактами физическими... Мы утверждаемъ, что гдѣ бы и когда бы ни обнаруживались внутреннія чувства и внѣшніе факты, обнимаемые словомъ „великодушіе“, тамъ, тогда же существованіе и проявленіе внутренняго чувства, уваженія, сопровождаются въ нашемъ духѣ другимъ внутреннимъ чувствомъ, одобреніемъ“ (120 и 121). Точно въ такомъ же родѣ должно понимать содержаніе и единичныхъ предложеній. Утвержденіе „вершина Чимборасо бѣла“ обозначаетъ также совокупность фактовъ, показывая, что предметъ, названный словомъ „вершина Чимборасо“, связанъ съ явленіемъ, вызывающимъ въ человѣческомъ сознаніи

¹⁾ Изложенный взглядъ заимствованъ изъ разныхъ частей Логики, а потому въ нѣтъ возможности указать точныхъ цитатъ.

ощущеніе блага цвѣта, что и указывается въ означеніи сказуемаго. Такова природа утвержденія, заключающагося въ каждомъ предложеніи. При помощи изложенныхъ понятій о предложеніяхъ легко уясняются нѣкоторыя темныя стороны въ процессѣ познанія, отъ чего они заслуживаютъ полнаго признанія со стороны науки.

З а к л ю ч е н і е.

Посредствомъ названія и предложенія человѣческое познаніе приближается къ своему главному орудію—*заключенію*. Какъ надо понимать это послѣднее? Заключение есть выводъ истинъ неизвѣстныхъ изъ истинъ извѣстныхъ; оно имѣетъ двоякую логическую форму: одна изъ нихъ называется „наведеніемъ“, другая „умозаключеніемъ“ или „силлогизмомъ“. Въ ученіи о природѣ вывода, составляющаго существенную часть Логики, встрѣчается у Милля столько неопредѣленнаго, неяснаго и даже противорѣчиваго, что почти невозможно вступить съ нимъ въ споръ. Поэтому мы вынуждены прибѣгнуть здѣсь къ критическому изложенію нашихъ мыслей.—Въ глубинѣ основаній, на которыхъ утверждается ученіе Милля о выводѣ, лежитъ изреченіе, очень любимое нашимъ философомъ и занимающее въ его сужденіяхъ важнѣйшее мѣсто, это—восхожденіе отъ „истинъ извѣстныхъ“ къ „истинамъ неизвѣстнымъ“. Попробуемъ опредѣлить, съ точки зрѣнія самого Милля, что значитъ слово „истина“. Хотя Милль нигдѣ не говоритъ объ этомъ ни полслова, однако сдѣлать означенное опредѣленіе, въ виду уясненія могущихъ возникнуть двусмысленностей, необходимо. Разумѣется, когда Милль произноситъ слово „истина“, онъ совершенно не думаетъ соединять съ нимъ какой либо высшій метафизическій смыслъ; метафизики онъ опасается больше всего, о чемъ и заявляетъ неоднократно въ своей Логикѣ. Стало бытъ здѣсь нужно видѣть нѣсколько иное значеніе, далекое отъ метафизики и ближе стоящее къ факту. Немного выше, знакомясь съ содержаніемъ предложеній по Миллю, мы имѣли случай убѣдиться, что съ нашей стороны согласіе или несогласіе, пониманіе или непониманіе могутъ возбуждать только такія слова и названія, которыя

связаны между собою. Говоря „солнце“, мы не въ состояніи сказать ни того, что понимаемъ что-либо въ этомъ случаѣ, ни того, что не понимаемъ. Напротивъ, если мы слово „солнце“ соединимъ съ какимъ либо другимъ словомъ, то получимъ возможность понять сказываемое. Такъ связь словъ „солнце свѣтитъ“ заключаетъ въ себѣ понятную мысль, съ которой мы соглашаемся. Относительно ея мы имѣемъ возможность не только поставить вопросъ: правильна она или неправильна? Истинна или ложна? но и дать на него отвѣтъ. Мы почти безъ колебанія, которое если и овладѣваетъ нами на нѣкоторое время, то развѣ лишь до тѣхъ поръ, пока не понять смыслъ предложенія, скажемъ, что содержащаяся въ предложеніи мысль правильна, истинна. Иначе мы поступили бы, если бы намъ дали другое предложеніе, положимъ такое: „солнце производитъ темноту“. Слыша и понявъ его, мы несомнѣнно отвѣтили бы, что съ нимъ никакъ нельзя согласиться, что оно ложно. Такимъ образомъ въ первомъ предложеніи мы признали-бы истину, во второмъ увидали бы ложь. Но что утверждаютъ оба разсматриваемыя предложенія? Отвѣтъ на это готовъ въ ученіи Милля. Такъ какъ во всякомъ предложеніи выражается или утверждается либо временная, либо пространственная связь какихъ либо явленій изъ всей возможной области познаваемаго; то и въ предложеніяхъ, сей часъ нами приведенныхъ, утверждается подобная же связь физическихъ фактовъ. Какъ въ первомъ предложеніи говорится, что предметъ или, сообразно съ нѣкоторыми положеніями, изложенными въ началѣ главы, неизвѣстная вѣшняя причина, названная нами „солнце“, обладаетъ свойствомъ, ипаче: связана со свойствомъ распространять освѣщеніе; такъ, на подобіе этого, и во второмъ предложеніи утверждается, что предметъ, носящій названіе „солнце“, связанъ со свойствомъ производить темноту. Однако эти предложенія, будучи одинаковы по способу сочетанія выражаемыхъ ими фактовъ, различны по тому состоянію, какое они возбуждаютъ въ насъ; съ первымъ мы соглашаемся, называя его истиннымъ, второе отвергаемъ, признавая ложнымъ. Спрашивается: на какомъ основаніи мы такъ поступаемъ? Почему въ одномъ предложеніи видимъ истину, а въ другомъ ложь? Нѣтъ сомнѣ-

нія, по той простой причинѣ, что одна связь фактовъ произвольна и заимствована изъ внѣшняго міра, другая образована прихотью нашего воображенія, соединившаго между собою два явленія, никогда въ дѣйствительности не данныя ни рядомъ, ни другъ за другомъ, а всегда существующія отдѣльно. Отсюда выходитъ, что истина есть указаніе дѣйствительной связи явленій, ложь—выраженіе такой связи, которая не только не дана въ дѣйствительности, но которая и противорѣчитъ послѣдней.

Тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи еще не все раскрыто съ желаемой ясностью. Есть безспорное основаніе спросить: какъ смотрѣть, на примѣръ, на такое предложеніе: „Жарь-птица имѣетъ перья огненнаго цвѣта“? истинно оно или ложно? Намъ думается, что это предложеніе, смотря по точкѣ зрѣнія, можно считать и истиннымъ и ложнымъ. Оно ложно въ томъ смыслѣ, что та связь явленій, которая выражается ими, существуетъ только въ воображеніи; но оно можетъ быть и истиннымъ, если имъ хотятъ указать совокупность явленій именно въ томъ ихъ видѣ, какъ они существуютъ въ воображеніи, т. е., когда имъ намѣренно желаютъ выразить явленія, вполне соответствующія явленіямъ воображаемымъ,—и только. Что это правда, будетъ ясно, если мы скажемъ, положимъ, слѣдующее предложеніе: жарь-птица имѣетъ сизочерныя перья. Мы тотчасъ замѣтимъ, что въ этомъ предложеніи говорится неправда, ложь. А тѣмъ самымъ мы покажемъ, что смыслъ предложенія не соответствуетъ воображаемой связи явленій, что мы желали, при помощи фантазіи, создать такую совокупность образовъ, которая не утверждается даннымъ предложеніемъ и ему противорѣчитъ. Итакъ, можетъ быть еще родъ истины, это—указаніе такой связи явленій, какой мы желали бы соединить ихъ въ нашемъ воображеніи, значитъ—утвержденіе, согласное съ чѣмъ либо намѣреніемъ или волей.

Все сказанное нами объ „истинѣ“ есть необходимое слѣдствіе изъ тѣхъ главъ Логики Милля, гдѣ рѣчь идетъ о предложеніяхъ. Относительно первой половины нашихъ разсужденій это, какъ кажется, очевидно будетъ для всякаго, кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ указанной частью Логики. Сомнѣ-

ніе можетъ возбуждать вторая половина, такъ какъ изложенныя въ ней мысли не содержатся прямо ни въ одной части Логики. Но все таки и онѣ не только примиримы или согласны съ ученіемъ Милля, а и суть неоспоримый выводъ изъ VI и VIII главъ первой книги его Логики. Поэтому мы считаемъ себя обезпеченными отъ возможнаго упрека въ перетолкованіи или навязываніи Миллю выводовъ, какихъ у него самого нѣтъ.

Уяснивъ, что слѣдуетъ, по Миллю, разумѣть подъ названіемъ „истина“, мы можемъ переиначить данное имъ опредѣленіе заключенія такимъ образомъ: „оно есть выводъ изъ извѣстной связи явленій неизвѣстной“. Такимъ образомъ цѣль науки, какими бы призранными задачами она ни обуревалась, сводится въ концѣ концовъ къ открытію связи явленій, съ помощью заключенія, т. е., вывода къ ней отъ связи уже извѣстной, изученной, опредѣленной. Это открытіе новой связи явленій возможно вести двоякимъ путемъ: путемъ „наведенія“ (индукціи) и путемъ „умозаключенія“, „силлогизма“, откуда образуется дедукція (выводъ), которую по Миллю лучше назвать „подведеніемъ“. Но, наблюдая за явленіями, мы находимъ, что между ними существуетъ различная связь; нѣкоторыя явленія связаны такимъ образомъ, что, уничтоживъ одно изъ нихъ, мы уничтожимъ и другое—сосѣднее съ нимъ, сопутствующее ему или слѣдующее за нимъ; другія же наоборотъ не потерпятъ ни сколько, хотя бы какое либо изъ нихъ мы и подвергли измѣненію. Если бы въ комнатѣ уничтожили всѣ источники свѣта, то въ ней распространился бы мракъ; но освѣщеніе ея, конечно, осталось бы неизмѣннымъ, если бы мы усилили, напирмѣрь, теплоту. Отсюда мы заключили бы, что явленіе—освѣщеніе комнаты связано съ другимъ явленіемъ—источникомъ свѣта: солнечнымъ лучомъ, лампой, свѣчей и т. д.; тогда какъ этого вывода мы не сдѣлали бы о второмъ случаѣ. Хотя освѣщеніе и теплота и могутъ существовать вмѣстѣ, сосуществовать, какъ выразился бы Милль, однако связь ихъ совсѣмъ иная. Связь, соединяющую освѣщеніе и свѣтовой источникъ, изслѣдователь назоветъ постоянной, необходимой, неразрывной, безусловной; связь же второго рода будетъ случайна, расторгима. Безусловную связь Милль называетъ связью причинной;

слѣдовательно причина, по нему, есть одно изъ явленій, связанныхъ между собою нерасторжимой связью. Говоря общѣе, причиною можно назвать нерасторжимую связь двухъ какихъ либо реальностей. Примѣняя это къ опредѣленію заключенія, мы получаемъ: заключеніе есть выводъ отъ извѣстной причинной связи къ другой, неизвѣстной причинной, т. е., открытіе неизвѣстной причинной связи посредствомъ извѣстной. Какъ сдѣлать это открытіе указаніями могутъ и должны служить, по Миллю, изложенные въ его Логикѣ и дѣйствительно принятые наукою, четыре метода опытнаго изслѣдованія природы съ своими пятью правилами. Передавать ихъ здѣсь мы считаемъ ненужнымъ.

И непродолжительное размышленіе убѣдитъ всякаго, что выводъ, какъ его надо понимать соотвѣтственно Миллевой гносеологіи, т. е., какъ открытіе истинъ неизвѣстныхъ посредствомъ извѣстныхъ, доступенъ обѣимъ формамъ заключенія, какъ индуктивной, такъ въ равной мѣрѣ и дедуктивной. Примѣръ уяснить дѣло. Положимъ, мы имѣемъ такую цѣпь предложеній:

Петръ, Иванъ, Сократъ и многое множество подобныхъ особей умерли;
 Всѣ означенныя особи—люди;
 Слѣдовательно, всѣ люди смертны.

Это видъ наведенія. А вотъ видъ умозаключенія:

Всѣ люди смертны;
 Сократъ—человѣкъ;
 Слѣдовательно, Сократъ смертенъ.

Если мы припомнимъ, въ чемъ состоитъ содержаніе предложеній, чего мы отъ него въ правѣ ожидать и спрашивать, то мы найдемъ, что въ обоихъ приведенныхъ заключеніяхъ одинаково есть выводъ. Посылки въ наведеніи утверждаютъ связь между свойствами, соозначенными словомъ „человѣкъ“ (люди), и свойствомъ, означеннымъ сказуемымъ „смертенъ“, что и выражаетъ заключеніе. Говоря первую посылку, мы выражаемъ одну извѣстную истину; говоря вторую, выражаемъ другую тоже извѣстную истину; въ заключеніи утверждается, что связь свойствъ, данная въ первой посылкѣ, и связь свойствъ, данная во второй, въ свою очередь могутъ быть соединены и между

собою. Общее предложеніе „всѣ люди смертны“ показываетъ не болѣе, какъ эту связь, такъ какъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ объемѣ подлежащаго, а все сводится къ его означенію. Обращаясь къ силлогизму, мы и въ немъ находимъ подобный же выводъ. Мы уже знаемъ, что высказываемъ, когда произносится нами предложеніе: „всѣ люди смертны“; указываемъ имъ лишь на тѣсную связь свойствъ, съ одной стороны заключающихся въ означеніи названія „люди“, съ другой стороны означенныхъ сказуемымъ „смертны“. И такъ свойства, означенныя словами: человекъ и смертенъ, связаны другъ съ другомъ; т. е., гдѣ встрѣчается первая совокупность свойствъ, тамъ непременно появится и вторая ихъ группа,—вотъ что утверждаетъ большая посылка. Меньшая посылка показываетъ новую группу свойствъ, обнимающуюся словами „Сократъ“ и „человекъ“. Заключение точно такъ же, какъ и въ наведеніи, находитъ возможнымъ двѣ связи свойствъ, данныя порознь въ различныхъ посылкахъ, соединить другъ съ другомъ и этимъ заканчивается. Такимъ образомъ мы видимъ, что здѣсь дѣло обстоитъ точъ въ точъ такъ же, какъ и въ наведеніи. И тамъ, и тутъ сущность заключенія состоитъ въ томъ, что съ помощію извѣстныхъ истинъ или данныхъ извлекаются истины неизвѣстныя. Разница лишь въ томъ, что наведеніе, чтобы имѣть право на выводъ, должно всѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи, не только открыть, но и доказать безусловность связи свойствъ, утверждающейся въ посылкахъ. Собственно для этой цѣли и придуманы тѣ методы, о которыхъ мы говорили выше. Нѣсколько иначе поступаетъ силлогизмъ. Онъ пользуется истинами, уже открытыми наведеніемъ, которое въ то же время засвидѣтельствовало и ихъ безусловность, и дѣлаетъ выводъ съ ихъ помощію въ тѣхъ случаяхъ, когда данъ только одинъ ихъ рядъ. Силлогизмъ всегда *предполагаетъ*, его заключеніе указываетъ не на фактъ, а на его возможность или необходимость на основаніи того, что утверждаютъ посылки. Тогда какъ наведеніе имѣетъ дѣло исключительно съ тѣмъ, что существуетъ на лицо; въ его посылкахъ содержится все количество изученнаго и наблюденнаго матеріала и дѣло заключенія его только связать извѣстнымъ образомъ то, что высказываютъ посылки.

Въ наведеніи предположенія нѣтъ. Различіе между наведеніемъ и силлогизмомъ всего лучше выяснится въ такомъ примѣрѣ:

Всѣ люди смертны;
 Президентъ Французской республики,
 Карно—человѣкъ,
 слѣдовательно
 Карно смертенъ или умретъ.

Меньшая посылка этого силлогизма даетъ знать лишь объ одной группѣ свойствъ, которую мы можемъ наблюдать, т. е., открыть опытнымъ путемъ. Заключение на основаніи большей посылки утверждаетъ то, что въ настоящую пору не откроетъ ни наблюденіе, ни опытъ—главнѣйшія орудія наведенія. (Это почти теорія самого Милля. См. 1-й т. Логики стр. 203 по изданію 1878 года). Отсюда можно извлечь то основное различіе между наведеніемъ и силлогизмомъ, что второй вступаетъ въ свои права тамъ, гдѣ не приложимы ни опытъ, ни наблюденіе; напротивъ наведеніе только и дѣйствуетъ съ помощью указанныхъ двухъ своихъ орудій. Вотъ почему справедливо сказать, что кто *изобрѣтаетъ* или открываетъ, не случайно разумѣется, тотъ умозаключаетъ при пособіи силлогизма, а кто изучаетъ, тотъ пользуется наведеніемъ. (См. Логики I т. стр. 234 § I; по переводу 1878 года).

Таковъ, по нашему мнѣнію, единственно правильный взглядъ на наведеніе и силлогизмъ, если допустить то, что толкуется Миллемъ о содержаніи предложеній, какъ первоначальныхъ и основныхъ элементовъ человѣческаго познанія. Усвоивши эту вступительную часть Логики Милля, мы не въ силахъ составить иного. Между тѣмъ въ ученіи о силлогизмѣ у Милля разбросано множество такихъ положеній, которыхъ никакъ нельзя согласить съ сейчасъ изложенными. Прежде всего надо замѣтить, что, говоря о силлогизмѣ, о его научномъ достоинствѣ и сравнительномъ значеніи съ наведеніемъ, Милль сбивается съ твердой почвы разъ навсегда установленныхъ началъ и тотъ-часъ же попадаетъ въ неустойчивое равновѣсіе, безпрестанно колеблясь и теряя опредѣленность. Ему предварительно слѣдовало бы установить какое нибудь общее начало

для того, чтобы найти ту черту, которая раздѣляетъ всю совокупность душевныхъ явленій, сопровождающую, а съ другой стороны составляющую мыслительный процессъ,—на то, что должно быть, и на то, что можетъ и не быть; иными словами, Миллю, необходимо было во главѣ труда указать на рядъ, такъ сказать, логическихъ аксіомъ, какъ это дѣлается въ геометріяхъ, и потомъ въ виду этихъ аксіомъ судить о всѣхъ формахъ логической мысли. Но Милль, неоднократно заявивъ въ предварительныхъ замѣчаніяхъ, что онъ будетъ простираť свои изслѣдованія въ области Логики только до тѣхъ предѣловъ, какіе требуются границами его труда, собственно ограничился или подобнымъ тождесловіемъ, или общими словами, отнесши все, о чемъ онъ не говоритъ и о чемъ бы слѣдовало сказать, въ область психологіи и столь нелюбимой имъ метафизики. Не хотимъ мы сказать, что Миллю слѣдовало заниматься вопросами метафизическими, но для труда, задуманнаго въ такомъ объемѣ, необходимо было глубже проникнуть въ психологическую природу мысли и этимъ путемъ установить для нея первыя начала. Сдѣлавъ это, Милль, навѣрное, оказалъ бы большую услугу наукѣ и своему труду, который выигралъ бы оттого въ ясности и послѣдовательности. Отсутствие строго психологическаго начала и послужило причиною того, что Милль наговорилъ объ общей природѣ заключенія много такого, чего никакъ нельзя примирить съ другими частями его Логики. Мы уже знаемъ, какъ надо смотрѣть, по нему, на заключеніе, принимая во вниманіе и его ученіе о предложеніяхъ, а затѣмъ далѣе—о названіяхъ. Но Милль скоро впадаетъ въ противорѣчіе. Уже на страницѣ 198 въ § 3, стараясь указать различіе между наведеніемъ и силлогизмомъ, онъ сбился на *объемъ* подлежащаго заключенія, придавъ ему значеніе, какого онъ не долженъ былъ бы имѣть, такъ какъ сущность всякаго предложенія состоитъ не въ томъ, сколько предметовъ оно означаетъ, а въ томъ, какъ учитъ самъ Милль, *какія свойства* въ нихъ оно указываетъ ¹⁾. Дозволивъ себѣ, не

¹⁾ Если Милль поступилъ такъ въ угоду общепринтому взгляду, то его обязанность была не поддаваться ходячему заблужденію, а исправить его, что дѣлаетъ же онъ въ другихъ мѣстахъ своего труда.

говоримъ—наибренное, отступленіе отъ своихъ воззрѣній въ этомъ случаѣ, Милль пошелъ въ томъ же направленіи еще далѣе. Какъ проницательный умъ, онъ не могъ, по крайней мѣрѣ, не чувствовать, что какъ бы то ни было, а силлогизмъ даетъ все таки выводъ; между тѣмъ въ то же время онъ принимаетъ мнѣніе, что большая посылка силлогизма утверждаетъ *объемъ* обозначаемого подлежащаго, т. е., указываетъ на *количество* предметовъ. Но отсюда выходило, что силлогизмъ и есть „торжественный пустякъ“, потому, что заключеніе его дается уже въ большой посылкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если предложеніе „всѣ люди смертны“ слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, что подъ всѣми должно разумѣть дѣйствительно всѣхъ существовавшихъ, существующихъ и будущихъ людей, то и безъ дальнихъ словъ ясно, что и Сократъ смертенъ и Карно умереть. Слѣдовательно силлогизмъ оказывается ненужнымъ. Милль рѣшился его спасти. Но вмѣсто того, чтобы исправить его старую форму сообразно своему собственному объясненію смысла предложеній, Милль оставилъ его въ прежнемъ видѣ. Вслѣдствіе этого онъ пришелъ къ тремъ несообразностямъ: 1) будто силлогизмъ есть заключеніе отъ частнаго къ частному; 2) будто общая его посылка есть только „реэстръ“ частныхъ фактовъ; 3) будто силлогизмъ не типъ умозаключенія, а испытаніе его, т. е., иными словами, будто въ немъ настоящаго вывода нѣтъ. Всѣ эти три положенія не мирятся съ предыдущимъ. Что заключеніе силлогизма вытекаетъ не изъ частныхъ фактовъ, это будетъ понятно, если мы спросимъ, на примѣръ,—почему помереть Карно? потому ли, что умеръ Цезарь, Сократъ и др., или почему либо другому? Мы полагаемъ, что всякій на этотъ вопросъ далъ бы такой отвѣтъ: потому, что всѣ люди смертны, неточно выразивъ этимъ убѣжденіе въ неразрывной связи свойствъ, обозначенныхъ словами „человѣкъ“ и „смертенъ“. Само по себѣ количество наблюдаемыхъ случаевъ не составитъ никакого основанія для заключенія; оно станетъ возможнымъ только тогда, когда будетъ засвидѣтельствована *связь* двухъ рядовъ явленій. Эту весьма важную научную обязанность исполняетъ ббольшая посылка; вотъ почему становится не просто полезной, какъ допускаетъ Милль, но и прямо необходимой и

эта послѣдняя. Она совсѣмъ не есть реэстръ или общая записъ частныхъ случаевъ; нѣтъ, она является настоящимъ общимъ предложеніемъ со всѣмъ тѣмъ значеніемъ, какое придано общимъ предложеніямъ самимъ же Миллемъ. Милль и самъ очень хорошо понимаетъ это, когда совѣтуетъ, для проверки основательности заключенія изъ частныхъ фактовъ, прибѣгать къ большей посылкѣ, которая, по нему, служить имъ не болѣе, какъ общимъ названіемъ. На стр. 235, 236 и слѣдующій пространно объясняетъ, какимъ образомъ большая посылка, какъ только ее введутъ въ дѣло, вдругъ освѣтитъ все содержаніе умозаключенія, сразу обнаруживъ, что въ немъ составлено основательно, и чему не достаетъ доказательствъ. Но если бы въ большей посылкѣ было только то, что есть и въ частныхъ изслѣдованныхъ фактахъ, изученіе которыхъ ей предшествовало, то не понятно, почему она дѣлаетъ то, чего не въ состояніи сдѣлать то же самое ея содержаніе, только выраженное иначе? Неужели этой волшебной силой—сразу измѣнять сущность умозаключенія—обладаютъ простыя слова, изъ которыхъ состоитъ большая посылка? Едва ли бы такъ сказалъ Милль, а между тѣмъ это вытекаетъ изъ его разсужденій съ очевидной ясностью. На страницѣ 239 Милль говоритъ уже нѣчто совсѣмъ другое. „Полезъ силлогизма, собственно тождественна съ пользой общихъ предложеній. Мы можемъ заключать и безъ нихъ“. Итакъ силлогизмъ не нуженъ? Зачѣмъ же отстаивать его значеніе? Ошибка этой мысли зависитъ отъ того, что Милль не разграничилъ въ процессѣ мысли, какъ мы уже и говорили, должное, необходимое отъ побочнаго. Притомъ Милль смѣшиваетъ здѣсь два явленія: одно то, что мы иногда при умозаключеніи не высказываемъ словами каждой части процесса мысли, хотя это, очевидно, не служитъ признакомъ отсутствія которой либо неназванной части; другое—самое отсутствіе какого либо члена. Мы можемъ не произносить общихъ предложеній, это правда, равно какъ правда и то, что и въ наведеніи мы можемъ умолчать о какомъ нибудь членѣ, напримѣръ о меньшей посылкѣ, и сказать прямо совершенно правильный выводъ. Однако это не значитъ, что неназваннаго члена не должно быть. Названія нѣтъ, но то,

что оно выражаетъ, несомнѣнно присутствуетъ въ умѣ, и только по этой причинѣ умозаключеніе становится основательнымъ, а не въ силу волшебнаго дѣйствія словъ, образующихъ общее предложеніе или большую посылку.

Если, какъ полагаетъ Милль, большая посылка есть простой приѣмъ рѣчи, если ея значеніе сводится на значеніе словеснаго измѣненія названія, то Милль долженъ будетъ отказаться отъ всѣхъ своихъ разсужденій касательно содержанія предложеній; мало того, тогда онъ долженъ будетъ признать, что и заключеніе наведенія есть не болѣе, какъ такой же реэстръ; но это испровергаетъ всю его обширную теорію наведенія, а потомъ не только составленную имъ Логику, но даже и всю индуктивную науку, такъ какъ при его взглядѣ на основаніе для заключенія силлогизма вмѣстѣ съ послѣднимъ падаетъ и индукція. Если заключеніе: „С. Карно умретъ“ выводится не изъ общаго предложенія, а изъ отдѣльныхъ частныхъ фактовъ смертности, то изъ тѣхъ же самыхъ фактовъ вытекаетъ заключеніе и наведенія, что всѣ люди смертны. Кроме того, это заключеніе, будучи реэстромъ, не можетъ притязать на большій объемъ или на иное содержаніе, чѣмъ какое способны сообщить ему частные факты. А это противорѣчитъ и теоріи предложеній, данной Миллемъ, и его взгляду на выводъ индукціи, совершенно даже разрушая послѣднюю. Индукція съ такимъ выводомъ есть не что иное какъ *inductio per enumerationem simplicem*—родъ заключенія, который Милль всячески старается отличить отъ настоящей индукціи, отчисляя его къ заблужденіямъ, связаннымъ съ представленіями о послѣдней. Третье положеніе Милля, относящееся къ силлогизму, конечно, справедливо, пока большая посылка будетъ реэстромъ, но реэстромъ уже не тѣхъ только фактовъ, которые наблюдались и изучены, а и тѣхъ, которыхъ еще никогда не было, но которые будутъ. Что же выходитъ? То, что не годится тотъ взглядъ на большую посылку, какой дается во второмъ пунктѣ; оказывается, его нужно мѣнять, такъ какъ, чтобы „испытать“ умозаключеніе, т. е., здѣсь, очевидно, предшествующую индукцію, требуется имѣть его въ такомъ объемѣ, который бы захватывалъ всѣ возможные факты. Положимъ, мы

имѣемъ испытать заключеніе: „всѣ люди смертны“ фактомъ, еще не бывшимъ, смертности Карно. Это будетъ возможно и позволительно только тогда, когда онъ войдетъ въ само заключеніе, иначе получится вѣдь въ силлогизмѣ выводъ, котораго не должно быть. Слѣдовательно, этотъ пунктъ не мирится и съ двумя, съ нимъ сосѣдними.

Вотъ сколько разъ приходится Миллю отказаться отъ собственныхъ положеній, чтобы отстоять вещь, съ которой было бы легче справиться, если бы ее нѣсколько измѣнить! Стоило Миллю только оставить рѣчь о количествѣ фактовъ и сосредоточить все вниманіе, какъ того и надо было ожидать въ виду вступительныхъ замѣчаній, на связи фактовъ, свойствъ, какъ тотчасъ все дѣло приняло бы другой оборотъ. Тогда бы ему не довелось такъ неудачно отстаивать научныя права силлогизма; они и безъ того должны быть, какъ то уяснено выше, представлены ему на совершенно законномъ основаніи, потому что имъ вполне заслужены.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

ДАРВИНИЗМЪ.

(КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

(Продолженіе *).

IV.

Критика естественнаго подбора.

Прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію главнаго вопроса нашего настоящаго изслѣдованія, а именно—вопроса о томъ, реальна или фиктивна теорія естественнаго подбора, мы считаемъ необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, нѣсколько пояснить и обосновать данное нами во „введеніи“ понятіе объ естественномъ подборѣ.

Мы опредѣлили естественный подборъ, какъ процессъ сохраненія и накопленія безконечно малыхъ наслѣдственныхъ видоизмѣненій, выгодныхъ для сохраненнаго организма, а также—какъ процессъ уничтоженія измѣненій, для организма почему—либо вредныхъ. Но такое опредѣленіе естественнаго подбора въ дарвинистической литературѣ обыкновенно не употребляется, а замѣняется другимъ, даннымъ Гербертомъ Спенсеромъ и принятымъ потомъ какъ самимъ Дарвиномъ, такъ и всѣми сторонниками, а равно—и противниками его теоріи. Это общепринятое опредѣленіе естественнаго подбора таково: „естественный подборъ есть переживаніе наиболѣе приспособленнаго къ условіямъ существованія“. Мы съ своей стороны во „введеніи“ же намекнули, что такое отождествленіе есте-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1895 г. № 10.

ственного подбора съ переживаніями наиболѣе приспособленнаго намъ не представляется точнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и тотъ начальный фазисъ процесса трансформациі органическихъ существъ, который, по мнѣнію дарвинистовъ, является первымъ результатомъ совмѣстнаго дѣйствія борьбы за существованіе и условій измѣнчивости, также будетъ переживаніемъ наиболѣе приспособленнаго. Но такое переживаніе еще нельзя назвать естественнымъ подборомъ. Это будетъ именно только начальный фазисъ, только исходная точка процесса естественнаго подбора. Здѣсь являются дѣйствующими и производящими причинами только законы измѣнчивости, снабжающіе тотъ или иной организмъ той или иной особенностью, выгодной ему въ борьбѣ за существованіе, и—эта послѣдняя, пускающая его на племя ради этой выгодной для него особенности. О наследственной же передачѣ образовавшейся особенности, о ея постепенномъ возрастаніи и закрѣпленіи за слѣдующими поколѣніями здѣсь пока нѣтъ и рѣчи. И приспособленіе организма къ окружающей средѣ въ данномъ случаѣ совершается только въ одной, такъ сказать, его точкѣ, и поэтому же является полнымъ и законченнымъ. Между тѣмъ въ понятіи о естественномъ подборѣ мыслятся всѣ факторы, его производящіе, то есть, измѣнчивость, дающая матеріалъ для трансформациі органическихъ существъ, наследственность, закрѣпляющая всѣ полезныя въ борьбѣ за существованіе измѣненія въ организаціи существъ за ихъ потомствомъ и, наконецъ, борьба за существованіе, уничтожающая всѣ органическія существа, строеніе которыхъ оказывается не приспособленнымъ къ окружающимъ ихъ условіямъ ихъ жизни. Въ концѣ концовъ и въ результатѣ процесса естественнаго подбора является переживаніе приспособленнѣйшаго, какъ и въ результатѣ дѣятельности однихъ только измѣнчивости и борьбы за существованіе; но это переживаніе уже не то, что въ послѣднемъ случаѣ. Если въ результатѣ дѣятельности однихъ только измѣнчивости и борьбы за существованіе является переживаніе приспособленнѣйшаго только въ одной точкѣ его организаціи, если эти приспособленія являются сравнительно очень недолговѣчными,

имѣющими значеніе лишь въ качествѣ переходовъ къ формамъ болѣе совершеннымъ, такъ что обладающія ими органическія существа являются лишь тѣмъ, что въ наукѣ принято называть типами или формами переходными; то переживаніе приспособленнѣйшаго, являющееся въ конечномъ результатѣ процесса естественнаго подбора, предполагаетъ полное приспособленіе того или иного организма къ окружающимъ его жизненнымъ условіямъ на болѣе или менѣе продолжительную геологическую эпоху, и органическія существа въ данномъ случаѣ являются уже не переходными формами, а такъ называемыми въ наукѣ типами стаціонарными, вполне установившимися, переставшими, по крайней мѣрѣ, повидимому, вновь измѣняться. Въ виду-то сказаннаго мы и сочли себя въ правѣ предпочесть данное нами опредѣленіе естественнаго подбора всякому другому.

А теперь перейдемъ къ вопросу о томъ, реальна ли, какъ доказываютъ дарвинисты, или, напротивъ, фиктивна, какъ утверждаютъ антидарвинисты, фигура естественнаго подбора? Какъ мы уже знаемъ, фигура естественнаго подбора есть фигура условная, зависящая въ своемъ бытіи, свойствахъ и дѣятельности отъ другихъ явленій природы, а именно—измѣнчивости, послѣдственности и борьбы за существованіе. Если угодно, она даже и не фигура, не какая-нибудь самостоятельно существующая матеріальная субстанція, могущая быть предметомъ непосредственнаго эмпирическаго наблюденія (въ родѣ напр. водорода, электричества и т. под.), а только теоретическій выводъ или результатъ изъ физическихъ посылокъ или условій. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о томъ, реальна или фиктивна фигура естественнаго подбора, сводится въ данномъ случаѣ къ рѣшенію вопроса о томъ, согласно ли или несогласно съ законами здравой человѣческой логики вышеприведенное уже нами умозаключеніе дарвинистовъ: „измѣнчивость—фактъ, послѣдственность—фактъ; геометрическая прогрессія размноженія органическихъ существъ и борьба за существованіе—тоже факты; слѣдовательно, и естественный подборъ—фактъ“. Но чтобы судить о логической доброкачественности этого умозаключенія,

намъ, очевидно, необходимо рѣшить вопросъ о томъ, таковы ли на самомъ дѣлѣ свойства явленій—измѣнчивости, наследственности и борьбы за существованіе, чтобы въ результатѣ ихъ наличной воокупности необходимо являлась фигура естественнаго подбора съ тѣми именно свойствами и дѣятельностію, которыя ей приписываются дарвинистами.

А.

1. *Измѣнчивость*. Факты говорятъ намъ, что измѣнчивость органическихъ существъ можетъ совершаться или *постепенно*, путемъ нечувствительныхъ переходовъ отъ одной мелкой, нерѣдко едва уловимой для глаза, а то и прямо таки незамѣтной особенности къ другой такой же особенности въ строеніи органическаго существа, или же она можетъ совершаться *скачками*, путемъ болѣе или менѣе рѣзкихъ переходовъ отъ одной болѣе или менѣе крупной къ другой такой же особенности въ строеніи органическихъ существъ. Дарвинъ, а за нимъ и его послѣдователи, въ интересахъ своей теоріи, не придаютъ никакого значенія послѣдняго рода измѣнчивости и даже какъ будто отвергаютъ ее, признавая лишь измѣнчивость перваго рода, то есть, измѣнчивость постепенную. Такъ напр. Дарвинъ говоритъ: „Почти каждая часть каждаго органическаго существа такъ превосходно прилажена къ сложнымъ условіямъ его жизни, что кажется столь же невѣроятнымъ, чтобы какая-нибудь часть внезапно произошла совершенною, какъ то, чтобы сложная машина могла быть изобрѣтена человѣкомъ въ совершенномъ состояніи“... „Естественный подборъ дѣйствуетъ только сохраненіемъ и накопленіемъ мелкихъ наследуемыхъ измѣненій, изъ коихъ каждое выгодно для сохраняемаго существа, и подобно тому, какъ новѣйшая геологія изгнала такія представленія, какъ вырытіе большой долины одной дилювіальнойю волною, такъ и естественный подборъ изгоняетъ вѣрованіе въ продолжающееся твореніе новыхъ органическихъ существъ, или въ какія-нибудь крупныя и внезапныя измѣненія ихъ строенія“¹⁾. Не станемъ пока спорить съ Дарвиномъ

¹⁾ См. у Давилевскаго—*ibid.* т. I, ч. I, стр. 148—149.

и его послѣдователями и признаемъ, что измѣнчивость органическихъ существъ совершается только постепенно, шагъ за шагомъ, путемъ переходовъ отъ одной какой-либо незначительной особенности къ образованію другой такой же особенности, пока, путемъ накопленія такихъ особенностей при посредствѣ закона наследственности, получится стаціонарный типъ того или иного распорядка—разновидностный, видовой и т. д. Но если измѣнчивость органическихъ существъ можетъ совершаться лишь съ указанною постепенностію, то неизбѣжны слѣдующія два возраженія противъ возможности дѣятельности естественнаго подбора,—возраженія, давно уже выставленныя антидарвинистами. Такъ, во-первыхъ если *„естественный подборъ дѣйствуетъ сохраненіемъ и накопленіемъ только мелкихъ наследуемыхъ измѣненій“*, черѣдко *„едва уловимыхъ для глаза“* и прямо таки незамѣтныхъ по своей микроскопичности, и если, съ другой стороны, *естественный подборъ можетъ дѣйствовать только на пользу органическаго существа*, то есть, накапливать и подбирать въ немъ только особенности, полезныя для этого существа въ борьбѣ за существованіе: то очевидно, что *естественный подборъ не можетъ подбирать этихъ мелкихъ наследуемыхъ измѣненій въ строеніи органическихъ существъ, потому что онъ для этихъ послѣднихъ совершенно бесполезны въ борьбѣ за существованіе*. Возьмите напр. зачатокъ рога у животнаго какой-нибудь обыкновенно безрогой породы,—вѣдь это будетъ нѣчто весьма микроскопичное, въ родѣ напр. атома, клѣтки, молекулы и т. под. Какая же отъ него польза для обладающаго имъ? Да ровно никакой. А разъ такой зачатокъ бесполезенъ для животнаго, естественный подборъ не можетъ, такъ сказать, и взяться за этотъ зачатокъ, чтобы потомъ образовать изъ него настоящій совершенный рогъ, вполне пригодный животному для защиты и нападенія. Во вторыхъ, *если измѣненія въ строеніи органическихъ существъ должны совершаться съ тою строгою постепенностію, на которой настаиваютъ Дарвинъ и его послѣдователи, то, спрашивается, какимъ образомъ можетъ имѣть мѣсто дѣятельность естественнаго подбора во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуется*

приспособить строение известнаго органическаго существа къ какому-нибудь новому, сравнительно съ прежнимъ, образу жизни? Для того, чтобы оцѣнить всю силу этого возраженія, обратимся здѣсь къ Данилевскому. Онъ говоритъ: „Конечности высшихъ классовъ позвоночныхъ животныхъ, то есть—всѣхъ, кромѣ рыбъ, мы можемъ представить себѣ какъ систему сочлененныхъ другъ съ другомъ четырехъ рычаговъ, состоящихъ каждый изъ одной или нѣсколькихъ костей, одѣтыхъ мускулами. Эти рычаги, начиная отъ туловища, которое они должны поддерживать и двигать, суть: для заднихъ конечностей—тазъ, бедро, голень и собственно нога (или ступня); для переднихъ конечностей—плечевой поясъ (лопатка одна или съ ключицею), плечевая кость, предплечіе или локтевая часть, и кисть руки или соотвѣтствующая ей часть). Ступня и кисть руки, въ свою очередь, состоятъ изъ рычажковъ, сочлененныхъ между собою... Рычаги эти направлены слѣдующимъ образомъ: тазъ—назадъ, плечевой поясъ—впередъ; бедро—впередъ, плечевая кость—назадъ; голень—назадъ, локтевая часть—впередъ; слѣдовательно, въ заднихъ и въ переднихъ конечностяхъ эти рычаги направлены въ противоположныя стороны; но ступня и рука (лапа и вообще замѣняющая ее часть)—обѣ впередъ, ибо, такъ какъ онѣ касаются почвы и должны подвигать тѣло впередъ, то не могутъ быть обращаемы въ противоположныя стороны. Соотвѣтственно этому и сочлененія ихъ (углы, ими образуемые) обращены: таза съ бедромъ—назадъ; лопатки съ плечевой частью—впередъ; бедра съ голенью, (то есть колѣно)—впередъ; плечевой части съ локтевой (т. е. локоть)—назадъ; но углы сочлененій голени со ступней и локтевой части съ рукою оба обращены назадъ. Такъ у всѣхъ животныхъ бѣгающихъ, ходящихъ, лазающихъ, плавающихъ и даже летающихъ млекопитающихъ, то есть—у летучихъ мышей; но у настоящихъ летающихъ, то есть, у птицъ и послѣдніе рычаги крыла, соотвѣтствующіе рукѣ, обращены назадъ, а уголъ сочлененія его—впередъ, то есть, вполне сообразно симметрической схемѣ. Теперь спрашивается, какъ могли, рядомъ постепенныхъ измѣненій, измѣниться направленіе рычага и угла

сочлененія его? Очевидно, что для этого сочлененія должно было перейти черезъ нейтрально мертвую точку, то есть, не сгибаться ни назадъ, ни впередъ, и во все это время конечность должна бы оставаться безполезнымъ и даже вреднымъ органомъ“. Данилевскій добавляетъ къ этому слова академика Бэра, который говоритъ: „Конечный членъ передней конечности не можетъ совершенно постепенно перейти, чрезъ посредство длиннаго ряда живыхъ существъ, изъ одного направленія въ противоположное. На промежуточныхъ ступеняхъ онъ только мѣшалъ бы и ни къ чему бы не служилъ“. Затѣмъ Данилевскій приводитъ и примѣръ невозможности перехода какаго-либо органическаго существа отъ одного образа жизни къ другому именно вслѣдствіе того, что, при указанной постепенности измѣнчивости, всегда, въ процессѣ приспособленія органическихъ существъ къ какимъ-либо новымъ условіямъ жизни, неизбежна та „нейтральная мертвая точка“, на которой, по пословицѣ, любое органическое существо является „ни павой, ни вороной“. Примѣръ Данилевскаго касается перехода нашихъ древнихъ предковъ (по генеалогіи дарвинистовъ) изъ животныхъ лазавшихъ и жившихъ на деревьяхъ (обезьянъ) въ существа, ходящія по землѣ и на ней живущія. По Дарвину, человѣкъ произошелъ отъ какой-нибудь обезьяны Стараго свѣта. Этотъ предокъ человѣка имѣлъ ногу обхватывающую и велъ „образъ жизни безъ сомнѣнія древесный въ какой-нибудь теплой, лѣсомъ покрытой странѣ“. „Для того“, говоритъ Данилевскій, „чтобы такому животному перейти къ хожденію на плоской поверхности, нужно, чтобы ноги расширились (у лазящей обезьяны онѣ узки), подошвой обратились прямо внизъ (а не внутрь, какъ у обезьянъ, что обусловлено положеніемъ сочленяющихся поверхностей); чтобы большой палецъ сталъ въ одну плоскость съ прочими ножными пальцами, а не противопоставлялся имъ. Но всякое такое измѣненіе дѣлаетъ уже нашу обезьяну менѣе способною къ лазанью, прежде чѣмъ она достаточно измѣнится для того, чтобы быть пригодною къ новымъ условіямъ передвиженія; слѣдовательно, всѣ такія измѣненія сдѣлаютъ обезьяну сначала дурнымъ лазателемъ, прежде чѣмъ хорошимъ хо-

докомъ, и въ теченіе длиннаго ряда поколѣній послужать животному во вредъ,—поведутъ его не къ побѣдѣ, а къ пораженію въ борьбѣ за существованіе“¹⁾. Изъ сказаннаго, кажется, очевидно, что естественный подборъ никакъ не можетъ миновать этой „мертвой нейтральной точки“, на которой животное, постепенно отклоняемое отъ своего прежняго образа жизни, обладаетъ признаками, дѣлающими его негоднымъ ни къ тому, ни къ другому образу жизни: означенные признаки несомнѣнно вредны, и естественный подборъ, накаплиющій и фиксирующій признаки *только полезные*, долженъ на этой точкѣ прекратить, такъ сказать, свою дѣятельность и предоставить органическому существу—безпомощно погибать въ борьбѣ за существованіе.

Желая устранить это возраженіе, проф. Тимирязевъ, напомнивъ о томъ, что Дарвинъ нерѣдко высказывалъ ту мысль, что „переходъ, вѣроятно, очень рѣдко совершается отъ вполне обособившагося и приспособленнаго органа въ другой, также рѣзко обособившійся, а обыкновенно оба происходили изъ такой средней формы, которая въ менѣе рѣзкой степени совмѣщала признаки и той и другой“, говоритъ: „говоря иносказательно, и пава, и ворона произошли отъ дальняго предка, который былъ именно ни павой, ни вороной, а въ силу этого обстоятельства и долженъ былъ уступить свое мѣсто каждой изъ нихъ, какъ болѣе совершенной въ смыслѣ спеціального приспособленія къ условіямъ существованія. Это—такъ называемое начало расхожденія признаковъ, такъ талантливо развитое Дарвиномъ и обыкновенно не оцѣниваемое его противниками“²⁾. Мы съ своей стороны позволяемъ себѣ думать здѣсь иначе. Дарвинова „ни пава, ни ворона“, то есть, та средняя форма, изъ которой потомъ обособились и пава, и ворона, вовсе не то, что „ни пава, ни ворона“, о которой мы говоримъ. А именно, Дарвинова средняя форма есть именно то, что называется коллективной формой, совмѣщающей въ себѣ

¹⁾ Ibid. ч. II, стр. 20—21.

²⁾ „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“, стр. 247—248.

и паву, и ворону и дебутирующей въ борьбѣ за существованіе, смотря по обстоятельствамъ, то какъ пава, то какъ ворона. А та „ни пава, ни ворона“, о которой мы говоримъ, есть именно ни то, ни другое,—существо, не способное жить и дѣйствовать ни какъ пава, ни какъ ворона, слѣдовательно, существо совершенно беззащитное и беспомощное въ борьбѣ за существованіе, обреченное на гибель и потому не могущее быть признаннымъ за произведеніе дѣятельности естественнаго подбора.

Чтобы доставить естественному подбору возможность—образовать весь органическій міръ изъ одной или нѣсколькихъ простѣйшихъ органическихъ формъ, не стѣсняясь никакими границами, существующими между различными коллективными единицами классификаціи, *измѣнчивость*, очевидно, *должна быть безграничною*. Но факты и наблюденія, приведенныя нами въ доказательство истинны неизмѣняемости видовъ, а также—въ главахъ объ искусственномъ подборѣ и объ измѣнчивости, говорятъ намъ, что измѣнчивость хотя и можетъ имѣть иногда весьма значительные размѣры, однако же она не переступаетъ даже видовыхъ границъ. Если же такъ, то она не могла и не можетъ дать естественному подбору и матеріала для образованія даже видовъ изъ видовъ, не говоря уже объ образованіи одного изъ другаго родовъ, семействъ, отрядовъ и т. д.

Наконецъ, по самымъ свойствамъ условій, ее вызывающихъ, *измѣнчивость можетъ быть только неопредѣленною*. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить это въ критикѣ ученія о борьбѣ за существованіе, условія измѣнчивости въ высшей степени непостоянны, и характеръ и результаты ихъ вліяній на органическія существа въ высшей степени разнообразны и неопредѣленны. Въ виду-то этого нашъ разумъ и не можетъ допустить, чтобы въ результатѣ столь разнообразныхъ и неопредѣленныхъ вліяній условій измѣнчивости получились, безъ участія какой-либо разумной силы, столь совершенныя и художественныя произведенія, какими являются органическія существа. И разъ дарвинисты согласны съ тѣмъ, что никакого разумнаго начала, которое направляло бы дѣятельность усло-

вѣй измѣнчивости на достиженіе извѣстныхъ разумныхъ цѣлей, по извѣстному разумному плану,—начала, подобнаго напр., разумной человѣческой волѣ, регулирующей измѣнчивость органическихъ существъ въ домашнемъ состояніи,—въ природѣ нѣтъ и быть не можетъ: то имѣ, то есть, дарвинистамъ, опять таки некуда дѣваться отъ стараго, но досихъ поръ не устраненнаго ими возраженія Руссо. Въ самомъ дѣлѣ, пусть каждое изъ условій измѣнчивости будетъ стереотипной дощечкой, на которой отлита одна изъ буквъ, составляющихъ Энеиду, а органическая матерія пусть будетъ однимъ листомъ бумаги исполнинскихъ размѣровъ: каждая буква, соприкасаясь съ бумагой, оставитъ на ней свой отпечатокъ, но за отсутствіемъ разумнаго наборщика, Энеиды на листѣ бумаги все таки не получится. Но допустимъ, что иногда условія измѣнчивости могутъ, хотя бы совершенно случайно, комбинироваться нужнымъ для дарвинистовъ образомъ и дѣйствовать вполнѣ цѣлесообразно: спрашивается, какое же количество недѣлимыхъ того или иного вида должно подвергнуться такому одинаковому для всѣхъ ихъ и цѣлесообразному воздѣйствію условій измѣнчивости, чтобы эти недѣлимые могли потомъ образовать изъ себя какую-либо новую породу? Воззрѣнія Дарвина на этотъ счетъ довольно неопредѣленны, а именно, онъ считаетъ достаточнымъ условіемъ для образованія новой породы измѣненіе въ одномъ опредѣленномъ направленіи только нѣсколькихъ индивидуумовъ какой-либо прежде существовавшей породы. Но когда Флимингъ Дженкинсъ сдѣлалъ Дарвину возраженіе, что надежды на побѣду потомства одного индивидуума, который „измѣнился бы какимъ-нибудь образомъ, доставившимъ ему вдвое болѣе шансовъ жизни, чѣмъ у прочихъ индивидуумовъ“, должны быть очень сомнительны, Дарвинъ, въ своемъ отвѣтѣ на это возраженіе, выражается по означенному вопросу уже гораздо опредѣленнѣе. Онъ именно говоритъ: „Я полагаю, что справедливость этого замѣчанія не можетъ быть оспариваема. Если бы напр. какая-нибудь птица могла бы легче добывать себѣ кормъ, когда клювъ ея былъ бы загнутъ, и если бы одна родилась съ клювомъ сильно загну-

тымъ и вслѣдствіе этого благоденствовала бы, то тѣмъ не менѣе былъ бы очень малый шансъ на то, чтобы эта единственная особь продолжала свою породу и привела къ уничтоженію обыкновенной формы. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе, судя по тому, что мы видимъ въ домашнемъ состояніи, что этотъ результатъ послѣдовалъ бы отъ сохраненія, въ теченіе многихъ поколѣній, *большаго числа особей* съ болѣе или менѣе загнутыми клювами, и отъ гибели гораздо большаго числа птицъ съ прямыми клювами“. И непосредственно за этимъ Дарвинъ говоритъ: „Также мало можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что стремленіе измѣняться одинаковымъ образомъ было часто столь сильно, что всѣ особи того же вида были одинаково измѣнены *безъ помощи какой бы то ни было формы подбора, если только третья, пятая, десятая доля индивидуумовъ могла подвергнуться такому воздѣйствію*, чему могли бы быть представлены многіе примѣры“ ¹⁾. Изъ этихъ примѣровъ Дарвинъ въ указанномъ мѣстѣ приводитъ только одинъ,—примѣръ кайръ Фаро-эрскихъ острововъ, которыя, по предположенію Граба, измѣнились одинаковымъ образомъ въ количествѣ именно одной пятой доли и образовали изъ себя новую разновидность кайръ. Констатировавъ недоказанность предположенія Граба, чтобы такимъ образомъ измѣнилась одновременно именно пятая доля кайръ и именно путемъ Дарвиновой теоріи, Данилевскій совершенно основательно замѣчаетъ: „Очевидно, что... вся эта значительная степень вѣроятности (образованія такимъ путемъ новой разновидности кайръ) пропадаетъ, коль скоро мы... потребуемъ отъ природы, чтобы эти выгодныя измѣненія разомъ охватили хоть десятую долю всѣхъ особей вида; да чтобы это же самое повторялось десять и болѣе (можетъ быть 50 или 100) разъ (столько потребуется, какъ ниже увидимъ, поколѣній для образованія хорошаго вида) надъ потомками все тѣхъ же, уже разъ благопріятно измѣнившихся, существъ; да чтобы не случалось измѣненій въ противоположномъ направленіи столь же значительнаго числа особей; да что-

¹⁾ См. у Данилевскаго—*ibid.* ч. II, стр. 123, 128.

бы такъ было со всѣми видами, сколько ихъ ни было, ни есть и ни будетъ на землѣ. Не очевидно ли, что... вся вѣроятность выполненія (означенныхъ условій) природою исчезаетъ... и все, что мы можемъ сказать, будетъ: да, такъ, пожалуй, могли бы образовываться виды, если бы существовали для этого невозможныя, по ихъ крайней невѣроятности, условія“¹⁾. Но если бы мы и допустили, что благопріятнымъ измѣненіямъ въ одномъ и томъ же направленіи могутъ дѣйствительно подвергаться индивидуумы въ количествѣ пятой, десятой, даже третьей доли всего числа особей того же вида, то и тогда, какъ ниже увидимъ, изъ нихъ не можетъ образоваться, путемъ Дарвиновой теоріи, не только новый видъ, но и новая разновидность.

Защищая теорію Дарвина, профессоръ Тимиразевъ ссылается, между прочимъ, на статью Дельбефа, „простыми математическими соображеніями доказывающаго, что какъ бы ничтожно ни было число измѣняющихся существъ, но если причина, ихъ вызывающая, дѣйствуетъ постоянно, то, рано или поздно, число измѣненныхъ осилитъ число неизмѣненныхъ“. Но, во-первыхъ, едва ли возможно въ томъ случаѣ, „если причина, вызывающая (измѣненія), дѣйствуетъ постоянно“, чтобы „число измѣняющихся существъ было ничтожно“: вѣдь такая причина, полагаемъ, будетъ дѣйствовать *на всѣхъ особей данной породы*, какъ дѣйствуютъ напр., при образованіи различныхъ разновидностей (напр. *segetalis*, *aquatiles*), постоянная сухость воздуха, влажность почвы и т. под. Во вторыхъ, въ примѣчаніи къ приведенной ссылкѣ почтенный профессоръ сейчасъ же и оговаривается: „Конечно, если нѣтъ причины, дѣйствующей въ противномъ смыслѣ“²⁾. Но вѣдь въ этомъ-то „если“ и заключается вся суть дѣла. Органическія существа, конечно, измѣнятся въ одномъ опредѣленномъ направленіи, если причины, вызывающія эти измѣненія, будутъ дѣйствовать постоянно (а ужъ тогда естественный подборъ будетъ здѣсь, очевидно, не при чемъ) и если, *за что ни коимъ образомъ поручиться*

¹⁾ Ibid. стр. 133.

²⁾ Ibid. стр. 260.

нельзя, не будетъ причинъ, дѣйствующихъ въ другихъ направ-
леніяхъ. Конечно, за это послѣднее обстоятельство можно было
бы поручиться... въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что
естественный подборъ можетъ оказывать свое вліяніе и на са-
мыя условія измѣнчивости и—заставлять ихъ дѣйствовать цѣ-
лесообразно. Но вѣдь если бы это и было доказано, то есте-
ственный подборъ оказался бы уже не *естественнымъ* подбо-
ромъ, а чѣмъ-то совершенно другимъ.

2. Что касается *наслѣдственности*, то выше мы уже видѣ-
ли, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время воп-
росъ объ ея явленіяхъ: ничего или очень мало опредѣленнаго,
научно объясненнаго и несомнѣннаго, и—очень много темнаго,
совершенно непонятнаго и догматичнаго. Тѣмъ не менѣе можно
съ несомнѣнностію доказать, что дарвинисты сдѣлали изъ за-
кона наслѣдственности такого усерднаго слугу естественнаго
подбора, такого покладистаго, въ отношеніи къ ихъ теоріи,
фактора, какимъ онъ въ сущности быть не можетъ. Мы ука-
жемъ здѣсь лишь на одно обстоятельство, которое дѣлаетъ реаль-
ность фигуры естественнаго подбора совершенно невѣроятною.
Дѣло касается передачи индивидуальных особенностей. Дар-
винъ и его послѣдователи признаютъ, что такая передача есть
всеобщій и необходимый законъ, почти не допускающій ника-
кихъ исключеній. Между тѣмъ это совершенно невѣрно. Опытъ
показываетъ совершенно обратное, то есть, передача инди-
видуальныхъ особенностей есть законъ, а ихъ передача—исклю-
ченіе изъ него. Правда, можно указать примѣры такой пере-
дачи, напр. передача у людей лишняго пальца, роговидныхъ
наростовъ на кожѣ и т. под. Но если собрать и всѣ по-
добные случаи, то количество ихъ, въ сравненіи съ факта-
ми противоположными, настолько ничтожно, что они являются
именно исключеніями изъ общаго правила. Такимъ образомъ
наслѣдственная передача индивидуальных особенностей, со-
ставляющая одну изъ главнѣйшихъ опоръ, одинъ изъ дви-
жущихъ нервовъ Дарвиновой теоріи, является чисто услов-
ной и случайной потому, что она можетъ случиться, но мо-
жетъ, что всего вѣроятнѣе, и не случиться. Далѣе, опытъ

говорить, что могутъ передаваться, хотя опять таки не всегда, не только особенности полезныя, но и вредныя въ борьбѣ за существованіе,—напр., различныя патологическія разстройства и пораженія организма. Что же ручается за то, что будутъ передаваться и фиксироваться, въ ряду безчисленныхъ поколѣній, только именно полезныя, а и не вредныя особенности? Естественный подборъ? Но вѣдь самъ получая свое бытіе отчасти благодаря закону наслѣдственности, онъ, очевидно, не можетъ, такъ сказать, заставить послѣдній—дѣйствовать такъ, чтобы передавались и фиксировались только полезныя особенности въ строеніи органическихъ существъ. Затѣмъ, несомнѣнно, что чѣмъ въ большемъ ряду поколѣній передавался извѣстный признакъ, чѣмъ онъ, слѣдовательно, древнѣе, тѣмъ вѣрнѣе онъ будетъ передаваться потомству. Это какъ будто признаетъ и самъ Дарвинъ, когда говоритъ на примѣръ: „Можетъ быть, будетъ слишкомъ поспѣшно отрицать, что признаки становятся тѣмъ прочнѣе, чѣмъ дольше они передавались“.... „Новый признакъ или какое-либо усовершенствованіе въ строеніи *сначала* выдается очень слабо и *передается по наслѣдству непрочно*“. Это признаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, и современные эволюціонисты. Такъ напр. Вейсманъ пользуется этимъ закономъ, въ его обратномъ видѣ (т. е. чѣмъ устойчивѣе извѣстные признаки, тѣмъ они древнѣе), для опредѣленія формы—родоначальницы и формъ—потомковъ ея. Онъ именно доказываетъ, что упомянутая уже нами *Vanessa proorsa* произошла отъ *V. levana*, а не наоборотъ, потому что при опытахъ, какіе производилъ онъ надъ обѣими формами, оказалась болѣе податливою на измѣненія первая, а не вторая. Но несомнѣнно, что виды древнѣе разновидностей; слѣдовательно, и видовые признаки должны оказаться устойчивѣе и постояннѣе въ своей передачѣ, нежели особенности индивидуальныя. Если же такъ, то для послѣднихъ остается очень мало шансовъ быть переданными по наслѣдству,—онѣ всегда могутъ быть затушеваны въ данномъ случаѣ признаками видовыми. И дѣйствительно, заводчики—спеціалисты чуть не ежедневно видятъ, какъ нежелатель-

ные иногда для нихъ видовые признаки, даже и постоянные признаки разновидностей упорно передаются потомкамъ, даже, путемъ атавизма или реверси, нерѣдко вновь прокидываются тѣ изъ нихъ, которые считались уже уничтоженными; и наоборотъ, они видятъ, какъ непостоянные признаки разновидностей и породъ, а особенно—признаки индивидуальныя, исчезаютъ на ихъ глазахъ. Итакъ, если, согласно Дарвиновой теоріи, считать индивидуальныя особенности исходными и начальными точками процесса образованія новыхъ видовъ изъ прежде существовавшихъ, то законъ наследственности является, по отношенію къ этимъ особенностямъ, закономъ враждебнымъ, дѣлающимъ всякій прогрессъ въ дѣлѣ образованія новыхъ видовъ, а слѣдовательно—и дѣятельность естественнаго подбора, а отсюда—и самую реальность его фигуры, весьма мало вѣроятными. Но съ другой стороны Дарвинъ какъ будто и не признаетъ, что давность наследованія укрѣпляетъ признаки и слѣдовательно даетъ видовымъ признакамъ преимущество предъ индивидуальными въ наследственной передачѣ ихъ потомству. Такъ, онъ говоритъ на примѣръ: „Впрочемъ, сомнительно, придаетъ ли древность наследственности, сама по себѣ, постоянство признаковъ“... „Всѣ признаки всякаго рода, какъ новые, такъ и старыя, стремятся къ наследственной передачѣ, и тѣ, которые уже противостояли всѣмъ противодѣйствующимъ вліяніямъ и были переданы прочно (видовые?), будутъ въ послѣдствіи сопротивляться этимъ вліяніямъ и слѣдовательно передаваться весьма прочно“¹⁾. Допустимъ (хотя, въ виду фактовъ, извѣстныхъ каждому хозяину и заводчику, это и недопустимо), что давность наследственности не укрѣпляетъ признаковъ. Въ такомъ случаѣ является вопросъ: какимъ образомъ естественный подборъ можетъ постепенно накоплять появляющіяся въ органическихъ существахъ измѣненія и фиксировать ихъ настолько, чтобы въ результатъ его дѣятельности появлялись типы не переходные, а стаціонарные,

¹⁾ Приведенные здѣсь выдержки изъ Дарвина см. у Данилевскаго—*ibid* ч. I, стр. 502 и 505.

напримѣръ видовые, родовые и т. под.? Очевидно, что при допущеніи означеннаго положенія, образованіе различныхъ коллективныхъ единицъ классификаціи для естественнаго подбора было бы невозможно.

Такимъ образомъ, допустимъ ли мы, что давность наследственной передачи укрѣпляетъ признаки, или не допустимъ (ничего третьяго здѣсь придумать и принять нельзя), дарвинисты, благодаря закону наследственности, попадаютъ съ своей теоріей въ такую дилемму, благополучный выходъ изъ которой для нихъ невозможенъ: *въ первомъ случаѣ дѣятельность естественнаго подбора представляется невѣроятною вслѣдствіе уничтоженія индивидуальныхъ изменений, съ которыхъ она только и можетъ начинаться; во второмъ случаѣ—для естественнаго подбора невозможна фиксация признаковъ, благодаря которой только и могутъ образоваться разновидности, виды, роды и все другія коллективныя единицы классификаціи.*

3) Что касается *борьбы за существованіе*, то въ критикѣ ученія о ней, мы уже показали, что критическимъ и отбирающимъ началомъ она быть не можетъ, потому что не имѣетъ необходимыхъ для этого свойствъ—постоянства въ своей напряженности и опредѣленности въ своемъ направленіи и—потому, что она не ведетъ за собою съ необходимостію ни переживанія приспособленнѣйшихъ, ни вымиранія органическихъ существъ, менѣе приспособленныхъ къ условіямъ существованія. Къ этому мы прибавимъ здѣсь, что борьба за существованіе является нерѣдко началомъ не прогрессивнымъ, а консервативнымъ, ведущимъ даже къ регрессу въ дѣлѣ образованія новыхъ видовъ. Извѣстно, что если пустить въ какой-нибудь маленькій водный бассейнъ, напр. въ небольшой прудъ или въ сажалку, какихъ-нибудь рыбъ, напр. карасей въ большомъ количествѣ, то съ теченіемъ времени рыбы начинаютъ мельчать: это происходитъ оттого, что между рыбами начинается при данныхъ условіяхъ сильнѣйшая конкуренція изъ-за пищи, т. е., начинается борьба за существованіе въ самой ожесточенной ея формѣ. Но если впустить въ бассейнъ нѣсколько хищныхъ рыбъ, напр. щуку, то чрезъ нѣсколько времени караси опять начи-

наютъ увеличиваться въ своемъ ростѣ и наконецъ достигаютъ своей нормальной величины. Это объясняется тѣмъ, что щуки, уменьшая количество конкурентовъ на пищу, тѣмъ самымъ увеличиваютъ количество послѣдней для остающихся въ живыхъ соискателей. Почти то же самое случилось съ кроликами съ острова Порто-Санто. Завезенные на островъ въ количествѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, они, по отсутствію опасныхъ для нихъ хищниковъ, размножились тамъ до чрезвычайности и вслѣдствіе недостатка пищи, измельчали. Но когда нѣкоторые изъ нихъ были перевезены въ Англію и здѣсь начали получать пищу въ нормальномъ количествѣ, то они возвратились къ своему первоначальному росту. Такіе случаи указываютъ на то, что пока борьба за существованіе имѣетъ надлежащую степень интенсивности, то органическія существа начинаютъ такъ или иначе измѣняться; но какъ только напряженность борьбы ослабѣла,—что, какъ мы видѣли изъ предшествовавшей главы, можетъ случаться и случается очень часто,—начавшія было измѣняться органическія существа возвращаются къ своему первоначальному типу.

В.

Выше, доказывая нелогичность умозаключенія отъ существованія искусственнаго подбора къ существованію подбора естественнаго—и разбирая попытку профессора Темиряева—установить средній терминъ между этими двумя понятіями чрезъ отождествленіе роли естественнаго подбора съ ролью типографскаго наборщика—автомата ¹⁾, мы сказали, что для роли наборщика въ типографіи природы „будетъ правоспособнымъ лишь Существо, обладающее необъятнымъ умомъ и всемогущею волею, а никакъ не естественный подборъ“. И дѣйствительно, всякій непредубѣжденный человѣкъ, прочитавъ теорію Дарвина и комментаріи къ ней его послѣдователей, увидитъ, что естественный подборъ является естественнымъ только по названію, а по свойствамъ своей дѣятельности онъ является началомъ

¹⁾ См. „Вѣра и Разумъ“ № 3, стр. 166—170.

чисто телеологическимъ, подобнымъ именно „Существу, обладающему необъятнымъ умомъ и всемогущею волею“, такъ что въ сущности фигура естественнаго подбора такъ же недопустима, немислима и фиктивна, какъ недопустимы, немислимы и фиктивны напр. холодный огонь или горячій ледъ. Приведемъ здѣсь, въ доказательство нашей мысли, примѣры вполне цѣлесообразной и могущественной дѣятельности естественнаго подбора.

Извѣстно, что многія растенія оплодотворяются при помощи насѣкомыхъ, которыя переносятъ оплодотворяющій элементъ (цвѣточную пыль или цвѣтень) на рыльце цвѣтка растенія. Но такой способъ оплодотворенія, будучи для растенія весьма полезнымъ, въ то же время могъ бы оказаться и неудобнымъ для насѣкомыхъ и въ извѣстной степени опаснымъ для растенія при лучистомъ расположеніи лепестковъ его цвѣтка. И вотъ, естественный подборъ дѣлаетъ въ цвѣткахъ такихъ растеній приспособленія, которыя и для насѣкомыхъ дѣлаютъ весьма удобнымъ способъ перенесенія цвѣточной пыли на рыльце цвѣтка, да и предохраняютъ отъ опасности поврежденія самые нѣжные и важные цвѣточные органы. Эти приспособленія достигнуты путемъ измѣненія лучистаго расположенія цвѣтковыхъ лепестковъ на расположеніе симметричное, при чемъ лепестки располагаются въ двѣ группы, образующія какъ бы двѣ губы: нижнюю, служащую балкончикомъ, на которую садится насѣкомое, и верхнюю, служащую колпачкомъ для защиты тычинокъ и рыльца ¹⁾. Скажите, развѣ въ дѣятельности естественнаго подбора по устройству сейчасъ описанныхъ приспособленій не замѣтно разумности, цѣлесообразности, предвидѣнія, соображенія и т. под.? Несомнѣнно, что естественный подборъ въ данномъ случаѣ *предвидитъ* неудобства и даже опасности перекрестнаго оплодотворенія растеній чрезъ посредство насѣкомыхъ, могущихъ вытекать изъ лучистаго расположенія цвѣтковыхъ лепестковъ растеній, какъ бы *вырабатываетъ предварительно идеалъ* приспособленій, необходимыхъ для устраненія означенныхъ неудобствъ и опасностей, а затѣмъ

¹⁾ Проф. Тимяризева: «Факторы органической эволюціи».

постепенно, шагъ за шагомъ, въ высшей степени разумно и остроумно стремится къ воплощенію этого идеала въ двугубой формѣ цвѣтка. Но этого мало. Проявивъ въ данномъ случаѣ известную разумность и цѣлесообразность въ своей дѣятельности, естественный подборъ проявилъ и известную разумную волю, близкую къ всемогуществу. Какъ известно изъ опытовъ профессора Фѣхтинга, правильная или симметричная форма цвѣтковъ зависитъ отъ характера воздѣйствія на нихъ силы тяжести. Значить, естественный подборъ, рѣшивъ, такъ сказать измѣнить, въ видахъ приспособленія цвѣтковъ къ перекрестному оплодотворенію ихъ при посредствѣ насѣкомыхъ, форму этихъ цвѣтковъ изъ правильной на симметричную, оказалъ, если можно такъ выразиться, известное давленіе и на міровой законъ тяготѣнія, дабы заставить его вызвать въ формѣ цвѣтковъ измѣненія, которыя воплотили бы идеаль означенныхъ приспособленій. Но вотъ еще болѣе паразительный примѣръ цѣлесообразной и премудрой дѣятельности естественнаго подбора. Известно, что кукушка по своему ви́шнему виду очень походить на ястреба; спрашивается: чѣмъ объяснить это сходство? Дарвинисты рѣшаютъ этотъ вопросъ приблизительно такъ. Мы знаемъ, что кукушка имѣетъ одну невыгодную особенность, касающуюся кладки яицъ, а именно: промежутки времени между снесеніемъ каждаго яйца такъ велики, что если бы кукушка, по примѣру другихъ птицъ, должна была, положивъ всѣ свои яйца въ собственное гнѣздо, сама высидывать ихъ, то прежде, чѣмъ она могла бы начать высидываніе, большинство яицъ испортилось бы. Во избѣжаніе такой порчи своего будущаго потомства, кукушка, строго говоря, должна бы высидывать каждое яйцо отдѣльно, какъ только снесла его, а это лишало бы ее, по снесеніи напр. перваго яйца, возможности кладки другихъ яицъ. Понятно, что такая особенность въ кладкѣ яицъ весьма невыгодна для дѣла размноженія кукушки и устойчивости ея вида въ борьбѣ за существованіе. Но вотъ одна кукушка какъ-то случайно положила одно свое яйцо въ чужое гнѣздо. Сообразивъ, что поступать такъ для нея гораздо легче и выгоднѣе, нежели самой заботиться о своемъ потомствѣ, она

стала и всегда такъ поступать. Естественный подборъ, оставшійся до сихъ поръ равнодушнымъ къ положенію кукушки, теперь приходитъ ей на помощь. Сообразивъ какъ бы, что развитіе и укрѣпленіе въ кукушкѣ инстинкта—класть свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ очень выгодно для нея въ борьбѣ за существованіе, естественный подборъ началъ, посредствомъ этой самой борьбы, уничтожать всѣхъ кукушекъ, не имѣвшихъ означеннаго инстинкта, а посредствомъ законовъ воспроизведенія и наследственности въ большомъ числѣ поколѣній—размножать только кукушекъ, ставшихъ класть яйца въ чужія гнѣзда. Но этого мало. Естественный подборъ *напередъ зналъ*, что и кладка яицъ въ чужія гнѣзда не принесетъ кукушкѣ пользы при ея прежнемъ внѣшнемъ видѣ: другія птицы, видя, какъ она откладываетъ въ ихъ гнѣзда свои яйца, по ея отлетѣ, выкинули бы послѣднія вонъ, а высиживать бы ихъ не стали. И вотъ естественный подборъ, развивая и закрѣпляя въ кукушкѣ инстинктъ—класть яйца въ чужія гнѣзда, въ то же время находитъ необходимымъ сдѣлать ее по ея внѣшнему виду возможно болѣе похожей на ястреба, чтобы другія птицы, при ея прилетахъ къ ихъ гнѣздамъ для кладки яицъ, въ страхѣ разлетались бы куда-нибудь подальше отъ своихъ жилищъ, не видали бы, такимъ образомъ, какъ она кладетъ въ ихъ гнѣзда свои яйца и, при возвращеніи, послѣ ея отлета, не выкидывали бы ихъ вонъ, а высиживали бы вмѣстѣ съ своими яйцами. И силы природы, вполне послушныя, такъ сказать, мановенію мысли естественнаго подбора, входятъ въ такія сочетанія и соотношенія другъ съ другомъ и вліяютъ такимъ образомъ на кукушку, что она, дѣйствительно, по смѣнѣ извѣстнаго числа поколѣній, становится настолько похожей на ястреба, что другія птицы принимаютъ ее за настоящаго ястреба и, при ея появленіи вблизи ихъ гнѣздъ, въ ужасѣ разлетаются куда ни попало. Это ли не дѣлесообразность, это ли не сверхъестественныя, прямо таки—божественныя—мудрость, всевѣдѣніе и всемогущество въ дѣятельности естественнаго подбора! И можно ли послѣ этого утверждать, что естественный подборъ есть начало именно естественное? Очевидно, что утверждать это—то же

самое, что утверждать, будто огонь может морозить, а ледь может сожигать.

Итакъ, хотя измѣнчивость, наслѣдственность и борьба за существованіе и факты, однако же отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы и естественный подборъ можно было считать фактомъ. Напротивъ, принимая во вниманіе нѣкоторыя свойства и детали явленій измѣнчивости, наслѣдственности и борьбы за существованіе, а также—имѣя въ виду свойства самой фигуры естественнаго подбора и свойства ея дѣятельности, по представленіямъ дарвинистовъ, гораздо логичнѣе будетъ утверждать, что естественный подборъ—не фактъ, фигура не реальная, а фиктивная.

Н. Румянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА VII.

Глава 3.

Это недовольство было недостаткомъ не одного только Александра, котораго счастливая храбрость вела по стопамъ Вакха и Геркулеса, но и всѣхъ, кого судьба избаловала избыткомъ счастья. Перечисли Кира, Камбиза и все родословіе персидскихъ царей; кого ты найдешь изъ нихъ такого, кто удовлетворился бы, насытившись властію? Кто изъ нихъ не окончилъ жизни въ различныхъ помыслахъ о дальнѣйшемъ приобрѣтеніи? И это не удивительно: все, что соприкасается съ чувственною страстію, почерпается изъ глубокой бездны и тамъ же скрывается; безразлично, поэтому, сколько бы ты ни собралъ въ то пространство, котораго нельзя наполнить.

Одному только мудрому принадлежитъ все, и нѣтъ ему нужды съ трудомъ оберегать свое достояніе. У него нѣтъ ни словъ, которыхъ надо посылать за моря, ни лагерей, которые надо устраиать на непріятельскихъ берегахъ, ни войскъ, которыя нужно располагать въ удобныхъ укрѣпленіяхъ; нѣтъ надобности ни въ легионахъ, ни въ отрядахъ конницы. Подобно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1895 г., № 19.

тому, какъ безсмертные боги въ покоѣ правятъ своимъ царствомъ и съ безмятежныхъ высотъ наблюдаютъ за своими дѣлами, такъ и этотъ послѣдній (мудрецъ) безшумно выполняетъ свои обязанности, какъ бы обширны они ни были, и свысока взираетъ на человѣческій родъ, будучи сильнѣе и превосходнѣе всѣхъ.

Можешь смѣяться (надъ моими словами), но я утверждаю, что только великому духу свойственно обозрѣвать духовнымъ окомъ востокъ и западъ и проникать, при помощи его, даже въ отдаленныя и пустынныя страны и, при видѣ великаго множества живыхъ существъ и различныхъ предметовъ, щедро разсѣянныхъ природою, изрекать божественное слово: „все это—мое“. Такимъ образомъ, онъ ничего не желаетъ, потому что внѣ вселенной ничего не существуетъ.

Г л а в а 4.

„Вотъ этого-то (вывода), говоришь ты, я и желаю: я ловлю тебя на словѣ и хочу посмотрѣть, какъ то освободишься ты изъ тѣхъ сѣтей, въ которыя попалъ по своей собственной охотѣ“.

„Скажи мнѣ, спрашиваешь ты меня, какимъ образомъ можно приносить дары мудрецу, какъ скоро ему принадлежитъ все? Точно также нельзя оказывать ему и благодѣянія: все, что ему дается, дается изъ его же собственныхъ средствъ, а вы говорите, что можно дѣлать благодѣянія и мудрецу“.

„Знай, говоришь ты далѣе, что тотъ же вопросъ предлагаю я и относительно друзей: вѣдь вы (стойки) говорите, что у нихъ все общее; слѣдовательно, никто ничего не можетъ дарить другу, такъ какъ дарить ему принадлежащее обоимъ друзьямъ вмѣстѣ“.

(Отвѣчаю): ничто не препятствуетъ какому либо предмету находиться во владѣніи и мудреца, и того человѣка, которому этотъ предметъ принадлежитъ, которому онъ данъ и за которымъ (юридически) признанъ.

По гражданскому праву,—все принадлежитъ государю, и тѣмъ не менѣе, все это приписано (по закону) различнымъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, и каждая вещь имѣетъ своего обладателя. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность дарить го-

сударю и домъ, и рабовъ, и деньги, и никто не говоритъ, что мы даримъ ему изъ его же собственнаго достоянiя, ибо государямъ принадлежить власть надъ всѣмъ, а частнымъ лицамъ — право собственности. Мы говоримъ о владѣнiяхъ Денниапъ или Кампанцевъ, а эти владѣнiя, въ свою очередь, распределяются частными границами между сосѣдними владѣльцами. И всякое поле находится, во первыхъ, во владѣнiяхъ того или другаго государства, а затѣмъ, — каждая часть его приписывается своему владѣльцу. Поэтому мы имѣемъ возможность дарить государству свои поля, хотя они и считаются принадлежащими ему, такъ какъ государству они принадлежатъ въ одномъ отношенiи, а намъ — въ другомъ.

Вѣдь нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что рабъ принадлежить господину вмѣстѣ со всѣмъ своимъ личнымъ сбереженiемъ; тѣмъ не менѣе, онъ можетъ предлагать даръ своему господину, ибо нельзя отрицать принадлежность рабу его собственности только потому, что онъ можетъ быть лишенъ ея, въ случаѣ нежеланiя своего господина. И данный добровольно подарокъ нельзя не считать даромъ только потому, что его можно отнять противъ воли (его обладателя).

Какимъ образомъ можно примирить все это?

Теперь, когда мы оба согласны съ тѣмъ, что все принадлежить мудрецу, слѣдуетъ обсудить вопросъ относительно того, какимъ образомъ предметъ благотворительности можетъ приносить пользу человѣку, которому, какъ мы уже рѣшили, принадлежить все.

Отцу принадлежить все, находящееся въ рукахъ дѣтей; но кто не знаетъ, что и сынъ иногда можетъ дѣлать благодаренiе отцу? Все принадлежить богамъ; однако, мы и богамъ приносимъ дары и предлагаемъ приношенiя. Прилежащее мнѣ еще не перестаетъ быть моимъ, какъ скоро начинаетъ принадлежать и тебѣ, ибо одно и то же можетъ быть и твоимъ, и моимъ.

Противъ этого говорятъ: „человѣкъ, которому принадлежать проститутки, называется содержателемъ непотребнаго дома; но все принадлежить мудрецу, слѣдовательно, и непотребныя женщины; слѣдовательно, эти женщины принадлежатъ мудрецу; такимъ образомъ, и мудрецъ есть содержатель непотребнаго дома“.

Подобнымъ же образомъ запрещаютъ мудрецу и что либо покупать, говоря: „никто не покупаетъ своего, а мудрецу принадлежитъ все, слѣдовательно, мудрецъ ничего не долженъ покупать“.

Точно также запрещаютъ ему и брать въ долгъ, потому что никто не платитъ процентовъ за свои собственные деньги.

Существуетъ безчисленное множество вопросовъ, посредствомъ которыхъ (противники) поднимаютъ насъ на смѣхъ, тогда какъ очень хорошо понимаютъ то, что мы хотимъ сказать.

Г л а в а 5.

Я утверждаю, что все принадлежитъ мудрецу, но такимъ образомъ, что каждый человѣкъ, при этомъ, имѣетъ право собственности надъ своими вещами; подобно тому, какъ при управленіи хорошаго государя, этому послѣднему принадлежитъ власть надъ всѣми, а каждому отдѣльному лицу—обладаніе своею собственностью.

Но для обсужденія этого вопроса время придетъ послѣ, а пока, въ настоящемъ случаѣ, достаточно и признанія того, что я имѣю возможность дарить мудрецу вещи, которыя въ одномъ отношеніи можно назвать принадлежащими ему, а въ другомъ—моими. И не удивительно, что можно нѣчто подарить и тому, кому принадлежитъ все.

Я снялъ у тебя внаймы домъ; въ немъ есть нѣчто твое и нѣчто мое: предметъ—твой, а право пользованія твоимъ предметомъ—мое. Подобнымъ образомъ, ты не будешь касаться плодовъ, если не позволить этого твой арендаторъ, хотя бы они и родились на твоихъ владѣніяхъ. И если даже улучшится годовая плата за аренду, или наступитъ голодъ,—увы, тщетно будетъ взирать на великое обиліе принадлежащихъ другому плодовъ, которые и уродились, и находятся на твоей землѣ, и должны были бы поступить въ твои житницы. Не войдешь и въ квартиру мою, хотя ты и хозяинъ дома, и не отнимешь своего раба, нанятаго мною; и нанявъ у тебя повозку, я сдѣлаю благодареніе, если позволю тебѣ въ нее сѣсть.

Такимъ образомъ ты видишь, что иногда бываетъ возможно

принимать благодареніе, получая въ даръ свое же собственное достояніе.

Г л а в а 6.

Во всемъ предшествовавшемъ разсужденіи два лица представляются обладателями одной и той же вещи. Какимъ образомъ? А такъ, что одинъ является владѣльцемъ вещи, а другой—пользующимся ею. Мы говоримъ, что книги принадлежатъ Цицерону, но тѣ же книги называетъ своими книгопродавецъ Доръ. И то, и другое—справедливо. Одинъ приписываетъ ихъ себѣ, какъ авторъ, другой,—какъ покупатель. И, тѣмъ не менѣе, справедливо утверждаютъ, что онѣ принадлежатъ и тому и другому, но различнымъ образомъ. Такъ Т. Ливій можетъ получать или покупать у Дора свои книги. Я могу дарить мудрецу то, что, взятое въ отдѣльности, принадлежитъ мнѣ, хотя мудрому и принадлежитъ все. Тогда какъ мудрецъ въ мысляхъ своихъ владѣетъ всѣмъ, по образу царя,—обладаніе отдѣльными вещами распределено между всѣми людьми; благодаря этому, онъ можетъ и принимать дары, и брать въ долгъ, и покупать, и продавать.

Государь владѣетъ всѣмъ, но его сокровищница заключаетъ въ себѣ только богатства, принадлежащія ему лично; все находится въ его власти, но въ наследственномъ владѣніи—только его собственное. Безъ всякаго умаленія его власти разслѣдуется по суду, что принадлежитъ и что не принадлежитъ ему; ибо ему принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ и то, что отчуждается у него (судебнымъ порядкомъ).

Такимъ образомъ и мудрецъ всѣмъ владѣетъ въ душѣ, но по юридическому праву—онъ обладатель только своей собственности.

Г л а в а 7.

Віонъ ¹⁾, на основаніи различныхъ аргументовъ, то всѣхъ обвиняетъ въ святотатствѣ, то никого. Когда онъ выражаетъ желаніе всѣхъ низвергнуть со скалы за святотатство, то гово-

¹⁾ Одиъ изъ стоиковъ.

рить: „всякій, кто беретъ и уничтожаетъ принадлежащее богамъ, или употребляетъ въ свою пользу,—святотатецъ. Но все принадлежитъ богамъ. Слѣдовательно, кто чтонибудь беретъ себѣ, тотъ беретъ принадлежащее богамъ, которые владѣютъ всѣмъ. И такъ, кто чтонибудь беретъ, тотъ святотатецъ“. Затѣмъ, когда онъ предлагаетъ разрушать храмы и безнаказанно опустошать Капитолій, то утверждаетъ, что „святотатцевъ не существуетъ, потому, что все взятое съ того мѣста, которое принадлежитъ богамъ, переносится на (другое) мѣсто, принадлежащее богамъ же“.

Ему отвѣчаютъ на это, что хотя все принадлежитъ богамъ, но не все посвящено имъ. Святотатство же усматривается въ проступкахъ, касающихся того, что религія посвящаетъ боже-ству. Такимъ образомъ и весь міръ есть храмъ бессмертныхъ боговъ, единственно достойный ихъ величія и славы, но, тѣмъ не менѣе,—отъ святаго отличается неосвященное, и на томъ небольшомъ пространствѣ, которому дано названіе святилища, не все дозволено дѣлать изъ того, что можно дѣлать подъ открытымъ небомъ и въ виду звѣздъ.

Правда, святотатецъ не можетъ нанести обиды боже-ству, котораго его божественное достоинство ставить выше оскорбленія, но онъ подвергается наказанію потому, что нанесъ это (оскорбленіе) какъ бы самому боже-ству; и наше, и его собственное сознаніе присуждаетъ его къ наказанію. Подобно тому, какъ представляется святотатцемъ тотъ, кто уноситъ что либо священное, хотя,—куда бы онъ ни унесъ украденное,—все находится въ предѣлахъ міра, такимъ же образомъ можетъ быть покража и у мудреца. Ибо у него уносится не то, что принадлежитъ къ его всеобщимъ (міровымъ) владѣніямъ, но то, обладателемъ чего онъ считается по закону, что служить его частной собственностью. Онъ будетъ признавать своимъ лишь первое (изъ упомянутыхъ владѣній), а послѣднимъ не станетъ пользоваться даже и въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть возможность; онъ произноситъ тѣ же слова, которыя произнесъ римскій полководецъ, когда за доблесть и хорошее управленіе государствомъ ему предложено было столько земли, сколько онъ могъ обойти

съ плугомъ въ день. „Не нуженъ, сказалъ онъ, вамъ такой согражданинъ, которому требуется больше, чѣмъ одному гражданину“. На сколько болѣе мужества требуется, по твоему мнѣнію, для того, чтобы отвергнуть такой даръ, чѣмъ для того, чтобы заслужить его? Ибо многіе положили предѣлы стремленіямъ другихъ, но никто не положилъ границъ самому себѣ.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Января № 1. 1896 года.

Содержаніе. Высочайшій Манифестъ.—Высочайшій Указъ.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1894—95 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

При помощи Божіей, вознамѣрились Мы въ Маѣ мѣсяцѣ сего года въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру Благочестивыхъ Государей, Предковъ нашихъ, возложить на Себя корону и воспріять по установленному чину Святое Муропомазаніе, приобщивъ къ сему и Любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ въ предстоящій торжественный день Коронованія раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогаго Отечества останутся навсегда свѣтлымъ примѣромъ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 1-й день января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто шестое, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Ею Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату.

Манифестомъ, въ сей день даннымъ, возвѣстивъ объ имѣющемъ совершиться въ Маѣ мѣсяцѣ 1896 года коронованіи Нашемъ, признали Мы за благо призвать къ сему времени въ первопрестольный градъ Нашъ, Москву, по примѣру коронованія въ Востѣ почившаго Родителя Нашего, сословныхъ и другихъ представителей Россійской Имперіи, на точномъ основаніи утвержденного Нами особаго положенія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ благовременно учинить по сему надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Н И К О Л А Й“.

С.-Петербургъ,

1-го января 1896 года.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ.

(Продолженіе) *).

V.

1. Въ отчетномъ году всѣхъ школьныхъ помѣщеній (включая въ это число и помѣщенія для школъ грамоты) было 703. Школы находились: а) въ собственныхъ домахъ—96, б) въ наемныхъ—104, в) въ частныхъ квартирахъ—117, г) въ церковныхъ сторожкахъ—386. Изъ всего количества школъ 326 имѣли удобныя помѣщеніе и 377 неудобныя.

2. Въ отчетномъ году школьныхъ помѣщеній устроено 20, а именно: 1) въ слоб. Удахъ, Харьковскаго уѣзда, на средства прихожанъ. (Размѣръ израсходованной на этотъ предметъ суммы въ отчетѣ отдѣленія не показанъ); 2) въ с. Тростяницѣ, Ахтырскаго уѣзда, на средства дѣйств. ст. совѣтника Кенига. Приблизительная стоимость этого зданія можетъ быть оцѣнена въ 3000 руб.; 3) въ сл. Большой Писаревкѣ Богодуховскаго уѣзда, частию на церковныя средства въ 700 р. и на пожертвованіе мѣстнаго сельскаго общества въ 300 р.; 4) въ с. Александровкѣ, того же уѣзда, на частныя пожертвованія—въ 850 р., собранныя стараніями мѣстнаго священника Алексія Станславскаго, Земскаго началь-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 24, за 1895 г.

ника Бырдина и церковнаго старосты Павла Богомолова; 5) въ с. Старой Рябицѣ на сумму въ 250 р., пожертвованную мѣстнымъ протоіереемъ, Алексіемъ Артюховскимъ; 6) въ с. Николаевкѣ 1-й, Волчанскаго уѣзда, на церковныя средства; 7) въ с. Звѣдкахъ, Зміевскаго уѣзда, на изысканную мѣстнымъ приходскимъ поначительствомъ сумму въ 900 руб.; 8) въ с. Волоховомъ Яру, того же уѣзда, на пожертвованіе въ 500 руб., поступившіе отъ купца Филиппа Кравцова, и отъ другихъ неизвѣстныхъ благотворителей въ количествѣ 1000 р.; 9) въ с. Волчьемъ Яру, того же уѣзда, (источникъ поступленій на этотъ предметъ въ отчетѣ уѣзднаго отдѣленія не показанъ); 10) въ с. Кислярѣ, того же уѣзда, на сумму въ 700 р.; 11) въ с. Михайловкѣ, того же уѣзда, на сумму въ 1507 р.; 12) въ с. Шебелинкѣ, того же уѣзда, на сумму въ 1506 р. Въ послѣднихъ трехъ мѣстностяхъ школьныя зданія сооружены на средства мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ; 13) въ с. Некрашенномъ, Изюмскаго уѣзда, на церковныя средства въ 500 р., съ пособіемъ отъ мѣстнаго сельскаго общества въ 300 р.; 14) въ с. Купьемъ, того же уѣзда, на пожертвованія неизвѣстныхъ лицъ въ количествѣ 180 р.; 15) въ хут. Банномъ, того же уѣзда, на пожертвованные мѣстнымъ крестьянскимъ обществомъ 1850 р.; 16) въ с. 2-й Александровкѣ, того же уѣзда, на денежное пособіе изъ мѣстныхъ средствъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ количествѣ 50 р., пособіе отъ уѣзднаго отдѣленія Совѣта въ 25 р., на пожертвованіе мѣстнаго общества около 100 р., съ воспособленіемъ отъ казны въ 170 руб., (послѣдняя сумма поступила на указанный предметъ изъ кредита въ 700000 руб., отпущеннаго въ отчетномъ учебномъ году по Высочайшему повелѣнію на нужды школъ Имперіи); 17) въ мѣстности Купянскаго уѣзда, на указанной въ отчетѣ уѣзднаго отдѣленія,—на церковную сумму въ количествѣ 1000 р.; 18) въ г. Старобѣльскѣ при Скорбященскомъ женскомъ монастырѣ—на средства сего же монастыря въ 2000 р.; 19) въ с. Ново-Астрахани въ приходѣ Покровской церкви—на церковную сумму съ пособіемъ отъ прихожанъ. Стоимость этого зданія опредѣлена въ 1500 р. и 20) въ с. Малой Чернетчинѣ, Сумскаго уѣзда, на церковную сумму въ 4200 руб.

VI.

1. Въ числѣ церковно-приходскихъ школъ—4 двухклассныя: въ г. Харьковѣ при Александро-Невской церкви, въ г. Сумахъ при Покровской церкви, въ сл. Новой Воюлаги при Николаевской церк.,

Валковскаго уѣзда, и въ слоб. Андреевкѣ Зміевскаго уѣзда. Въ первой школѣ въ теченіе отчетнаго года обучалось 208 мальчиковъ, во второй—55 мальчиковъ, въ третьей—89, въ томъ числѣ: 67 мальчиковъ и 22 дѣвочки и въ четвертой—104, въ томъ числѣ: мальчиковъ 102 и дѣвочекъ—2.

2. Учительскія курсы, ремесленныхъ отдѣленій при церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи не было, а также не имѣлось при этихъ школахъ и земли подъ садъ и огородъ, за исключеніемъ незастроенныхъ дворовыхъ мѣстъ при школахъ: а) Александро-Невской, въ г. Харьковѣ, (700 кв. саж.); б) Черкасско-Лозовской (900 кв. саж.) и Мироновской (1000 кв. саж.), Харьковскаго уѣзда; в) Ясеновской, Ахтырскаго уѣзда; г) Мирянской (1200 квадратныхъ сажень), Александровской (1200 квадр. саж.) Больше-Писаревской, при Николаевской церк., и Старо-Рябиновской (по 300 кв. саж.), Богодуховскаго уѣзда; д) Ново-Водолажской двухклассной, (512 кв. саж.), е) Просянской (300 кв. саж.), ж) Коломакской (2400 кв. с.), Валковскаго уѣзда; з) Плисовской (1 десятина), и) Андреевской (2 дес.), Зміевскаго уѣзда; і) Евсугской, к) Марковской, при Троицкой церкви, л) Ганусовской, м) Бѣлолуцкой, при Троицкой церкви, н) Сычевской, о) Даниловской, Старобѣльскаго уѣзда, и п) при Сумской,—въ Николаевскомъ приходѣ. По примѣру предшествующихъ лѣтъ учащіеся въ Гребениковской церковно-приходской школѣ, Сумскаго уѣзда, подъ руководствомъ опытныхъ кустарей, въ зимнее время занимались изготовленіемъ кустарныхъ издѣлій изъ лозы, какъ-то: корзины, мебели и др. хозяйственныхъ предметовъ. Расходъ по найму кустарей произведенъ былъ на средства экономіи графа М. Д. Толстого и личное пожертвованіе попечителя Гребениковской школы, потомственнаго почетн. гражд. И. М. Кабыштова. Классы руководствія существовали при школахъ: Озерянской, въ г. Харьковѣ, Основянской, Харьковскаго уѣзда, Больше-Писаревскихъ: Покровской и Успенской, Богодуховскаго уѣзда, Звѣдковской и Осиновской, Зміевскаго уѣзда, Заводянской, Волчанскаго уѣзда, Сумской при Николаевской церкви, Алексѣевской, Хотянской, Локнянской и Бѣлопольской, при Петро-Павловской церкви, Сумскаго уѣзда. Общежитія были при двухъ школахъ: при Ряснянской, Ахтырскаго уѣзда, для 2 учениковъ и Гольдоминской, Изюмскаго уѣзда, для 10 учениковъ. Ночлежныхъ пріютовъ при школахъ не было. Ученики школъ: Пожанской, Жигаилловской и Котелевской, при Троицкой церкви, Ахтырскаго уѣзда, и Больше-Писаревской, Покровской,

Богодухов. уѣзда, упражнялись въ гимнастикѣ подъ руководствомъ опытныхъ лицъ изъ военныхъ.

VII.

Источниками для содержанія церковно-приходскихъ школъ епархіи служили нижеслѣдующія средства: а) единовременное пособіе изъ суммъ Святѣйшаго Синода; б) добротныя пожертвованія членовъ церковныхъ попечительствъ и попечителей школъ; в) ежегодныя и единовременныя пособія отъ городскихъ думъ и земства; г) пособія отъ родителей и родственниковъ учащихся; д) субсидіи, получаемыя отъ монастырей епархіи, пособія отъ приходскихъ церквей, употребленныя исключительно на нужды мѣстныхъ школъ; е) суммы, отчисленныя отъ остатковъ кошельковаго сбора въ приходскихъ церквахъ епархіи; ж) десятая часть кружечнаго сбора въ пользу православныхъ Св. Землп; з) кружечный сборъ въ день Св. Николая—6 декабря 1894 г., предназначенный исключительно на нужды школъ епархіи; и) кружечный сборъ у желѣзнодорожныхъ станцій, находящихся въ предѣлахъ Харьковской епархіи; і) значительныя денежныя и разныя другія пожертвованія сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, поступившія въ пользу мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ, и к) плата за обученіе дѣтей.

Пособіе отъ Святѣйшаго Синода.

Къ отчетному 1894—95 учебному году остатка изъ суммъ Святѣйшаго Синода не было. Въ отчетномъ учебномъ году поступило отъ Святѣйшаго Синода 11000 рублей, въ томъ числѣ: а) изъ казеннаго кредита въ 700000 рублей, отпущеннаго по Высочайшему повелѣнію отъ 16 декабря 1894 года, 10000 руб. и б) изъ кредита по § 8 ст. 3 финансовой смѣты Святѣйшаго Синода—1000 руб. Суммы эти по журнальнымъ опредѣленіямъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, отъ 23 мая—2 іюня и 13—23 іюня н. г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, употреблены на нижеслѣдующіе предметы расхода: 1) на постройку зданій для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, существующихъ въ нижеслѣдующихъ мѣстностяхъ епархіи: Харьковскаго уѣзда: въ селеніи Козачекъ—1000 рублей, Русскихъ Тяпкахъ—230 руб.; въ хуторѣ Оконѣ, Удянскаго Рождество-Богородичнаго прихода (школа грамоты)—300 руб.; Ахтырскаго уѣзда: въ городѣ Ахтыркѣ, въ Георгіевскомъ приходѣ—200 руб., въ селѣ Пожнѣ—200 руб., въ селѣ Видновкѣ (школа грамоты)—350 руб., въ селѣ Дерновой

(школа грамоты)—600 руб.; Валковского уѣзда: въ селѣ Снѣжковомъ Кутѣ—1000 руб.; Волчанскаго уѣзда: въ селѣ Ивановкѣ—350 руб., въ селѣ Большой Бабкѣ—250 руб.; Зміевскаго уѣзда: въ селѣ Дудковкѣ (школа грамоты)—500 руб., въ селѣ Ново-Покровскомъ—400 руб.; Изюмскаго уѣзда: въ селѣ Рай-Александровкѣ—170 руб., въ селѣ Капнтольскомъ (школа грамоты)—300 руб.; Купянскаго уѣзда: въ селѣ Ново-Николаевкѣ—650 руб.; Лебединскаго уѣзда: въ селѣ Грипцевомъ—650 руб.; Сумскаго уѣзда: въ селѣ Подлѣсновкѣ—300 руб., въ селѣ Кальченковомъ—300 р., въ селѣ Стецковкѣ (Дмитріевскаго прихода)—500 руб. и въ селѣ Рогозномъ—400 руб.; 2) на ремонтъ школьныхъ зданій въ селеніяхъ: Богодуховскаго уѣзда: Поличковкѣ—50 руб., Мирномъ—150 руб.; Волчанскаго уѣзда: Нилнемъ Бурлукѣ—50 руб., Печенѣгахъ (Преображенскаго прихода)—50 руб.; Зміевскаго уѣзда: Плесовой—50 руб., Боровомъ—150 руб.; Купянскаго уѣзда: Пустынкѣ (Боровскаго прихода)—50 руб. и Лебединскаго уѣзда: Голубовкѣ—50 руб.; 3) въ единовременное пособіе Александровской, Богодуховскаго уѣзда церковно-приходской школы—100 руб. и 4) на преобрѣтеніе учебныхъ книгъ и пособій для бѣднѣйшихъ школъ епархіи—1,650 руб. (въ послѣдней суммѣ значатся 650 руб. изъ казеннаго кредита и 1,000 руб.—отъ Святѣйшаго Синода), всего 11,000 руб. Къ началу 1895—96 учебнаго года остатка по сей статьѣ не имѣется.

1. Пособіе отъ церквей.

Въ отчетномъ году, съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, на содержаніе нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты епархіи израсходовано 19,044 р. 29 к. (включая въ эту сумму 600 р. на содержаніе школы при епархіальномъ женскомъ училищѣ). Сумма :та поступила отъ церквей, находящихся: 1) *въ г. Харьковѣ*: Святодуховской—45 р. и 2) Преображенской—180 р.; въ селеніяхъ *Харьковскаго уѣзда*: 3) Основѣ—80 р., 4) Малой Даниловкѣ—100 р., 5) Бабаяхъ—35 р., 6) Безлюдовкѣ—30 р., 7) Жихорѣ—20 р., 8) Меревѣ (Николаевской)—27 р. 50 к., 9) Островерховкѣ—20 р., 10) Ольшанѣ (Трехсвятительской)—120 р., 11) Ольшанѣ (Покровской)—100 р., 12) Полевой—80 р., 13) Пересѣчномъ—100 р., 14) Деркачахъ (Николаевской)—100 р., 15) Деркачахъ (Рождество-Богородичной)—30 р., 16) Черкасской Лозовой—22 р., 17) Казачьей Лопани—100 р., 18) Удахъ—10 р., 19) Мпроновкѣ—5 р. 38 к., 20) Большой Даниловкѣ—27 р. 50 к., 21) Веселой—83 р., 22) Лиццахъ: Николаевской—24

р., 24) Покровской—9 р. 24 к., 24) Христорождественской—19 р. 8 к., 25) Непокрытой—15 р., 26) Русской Лозовой—24 р., 27) Русскихъ Тишкахъ—15 р., 28) Черкасскихъ Тишкахъ—15 р., 29) Циркунахъ—47 р., 30) въ г. Золочевѣ (Вознесенской)—30 р.; *Ахтырскаго уѣзда*: 31) въ г. Ахтыркѣ: Соборной—284 р., 32) Николаевской—223 р., 33) Георгіевской—120 р., 34) Бакировкѣ—15 р., 35) Хухрѣ: Покровской—50 р., 36) Николаевской—15 р., 37) Котельвѣ: Вознесенской—46 р., 38) Преображенской—20 р., 39) Млинкахъ—100 р., 40) Бѣлкѣ—25 р., 41) Тростяницѣ—100 р., 42) Боромлѣ (Рождество-Богородичной)—25 р., 43) Жигайловкѣ—57 р. 35 к., 44) Покровскомъ—60 р., 45) Славгородкѣ—25 р.; *Богодуховскаго уѣзда*: 46) въ г. Богодуховѣ: соборной—30 р., 47) Троицкой—30 р., 48) Покровской—32 р. 54 к., 49) Большой Писаревкѣ: Николаевской—650 р., 50) Успенской—25 р., 51) Гциловкѣ—15 р., 52) Иванахъ—15 р., 53) Лѣсковкѣ—10 р., 54) Малой Писаревкѣ—20 р., 55) Лозовомъ—20 р., 56) Малыжиномъ—15 р., 57) Новой Рябпѣ—25 р., 58) Поповкѣ—25 р., 59) Станичномъ—10 р., 60) Сѣнномъ (Рождество-Богородичной)—25 р., 61) Старой Рябпѣ—10 р., 62) Тарасовкѣ—25 р., 63) Ямномъ—25 р., 64) Яблочномъ—50 р., 65) Врагеницѣ—10 р., 66) Рясномъ—10 р., 67) Мурафѣ: Николаевской—50 р., 68) Архангело-Михайловской—50 р., 69) Колонтаевѣ: Николаевской—25 р., 70) Преображенской—14 р., 71) Успенской—22 р., 72) Рублевкѣ—30 р., 73) Любовкѣ—15 р.; *Валковскаго уѣзда*: 74) въ г. Валкахъ (Рождество-Богородичной)—84 р., 75) Знаменскомъ—21 р. 44 к., 76) Камышеватомъ—12 р., 77) Караванѣ—33 р. 20 к., 78) Княжномъ—6 р., 79) Коломакѣ: Воскресенской—32 р. 68 к., 80) Николаевской—6 р., 81) Успенской—46 р. 80 к., 82) Ковягахъ—10 р., 83) Левеняловкѣ—25 р. 20 к., 84) Люботинѣ—48 р. 30 к., 85) Мниковкѣ—25 р., 86) Новой Водолагѣ (Николаевской)—50 р., 87) Новомъ Мерчикѣ—20 р., 88) Новоселовкѣ—12 р., 89) Огульцахъ—6 р. 80 к., 90) Перекопѣ—35 р. 40 к., 91) Старой Водолагѣ—200 р., 92) Черемушномъ—18 р., 93) въ хуторѣ Просянномъ (Ново-Водолажскаго Преображенскаго прихода)—50 р.; отъ неименованныхъ въ отчетѣ отдѣленія церквей *Волчанскаго уѣзда*—1439 р. 86 к.; *Зміевскаго уѣзда*: 94) въ г. Зміевѣ соборной—300 р., 95) Успенской—16 р., 96) въ г. Чугуевѣ, Покровской—120 р., 97) Николаевской—5 р., 98) Замостьѣ—100 р., 99) Боровомъ—13 р. 82 к., 100) Введенскомъ—30 р., 101) Соколовѣ: Успенской—18 р., 102) Архангело-Михайловской—9 р. 80 к., 103) Боркахъ—16 р., 104)

Тарановкѣ—80 р., 105) Водяномъ—10 р., 106) Мохначяхъ—8 р. 40 к., 107) Берекѣ Вознесенской—122 р., 108) Гомальштѣ—31 р., 109) Гуляйномъ—61 р., 110) Лозовенкѣ—3 р. 65 к., 111) Михайловкѣ—51 р., 112) Нижней Орел: Казанской—21 р., 113) Успенской—87 р., 114) Плисовомъ—46 р., 115) Преображенскомъ—41 р., 116) Охочей—33 р. 19 к., 117) Закутневомъ—4 р., 118) Мосьпановомъ—24 р. 96 к., 119) Коробочкѣ—12 р. 54 к., 120) Балаклеѣ Успенской—7 р. 79 к., 121) Богодаровой—36 р. 60 к., 122) Андреевкѣ: Христорождественской—60 р., 124) Воскресенской—52 р. 50 к., 126) Граковомъ—55 р., 127) Волоховомъ Яру—27 р. 2 к., 128) Борщевомъ—16 р. 37 к., 129) Лагеряхъ—40 р., 130) Лиманѣ Крестовоздвиженской—50 р., 131) Ренеевкѣ—440 р., 132) Шелудковкѣ—18 р., 133) Скрипнаяхъ—57 рублей, 134) Малиновой—120 рублей, 135) Лебяжьемъ—13 рублей, 79 коп., 136) Яковенковомъ—19 рублей 27 коп., 137) Вербовкѣ—27 рублей, 138) Балаклеѣ (Покровской)—27 руб. 44 коп., 139) Масловкѣ—8 р. *Изюмскаго уѣзда*: въ г. Изюмѣ: 140) соборной—70 р., 141) Крестовоздвиженской—60 р., 142) Покровской—15 р., 143) въ г. Славянскѣ (Троицкой)—50 р., 144) Пескахъ—105 р., 145) Цареборисовой (Николаевской)—150 р., 146) Петровскомъ—120 р., 147) Богодаровой—120 р., 148) Маякахъ—100 р., 149) Николаевкѣ—60 р., 150) Шандриголовой—50 р., 151) Райгородкѣ—30 р., 152) Долгинской—25 р., 153) Михайловкѣ—25 р., 154) Нивифоровкѣ—13 р., 155) Спѣваковкѣ—10 р., 156) Бѣлянскомъ—7 р., 157) Никольскомъ—5 р., 158) Барвенковомъ: Успенской—60 р., 159) Георгиевской—120 р.; *Купянскаго уѣзда*: 160) въ г. Купянскѣ—(соборной)—60 р., 161) Арановкѣ—15 р., 162) Бѣлоцерковкѣ—3 р. 24 к., 163) Волосской Балаклеѣ—30 р., 164) Гусинкѣ—25 р., 165) Двурѣчной—15 р., 166) Дружелюбовкѣ—20 р., 167) Кабаньемъ (Вознесенской)—42 р., 168) Кармазиновкѣ (единовѣрческой церкви)—10 р., 169) Коломійчыхъ—15 р., 170) Колодязномъ—30 р., 171) Каменкѣ—20 р., 172) Кругляковкѣ—7 р. 50 к., 173) Нижней Дуванкѣ (Александро-Невской)—10 р., 174) Ново-Глуховѣ: Троицкой—30 р., 175) Преображенской—15 р. 176) Новомлискѣ—25 р., 177) Ново-Николаевкѣ—50 р., 178) Ново-Осиновой—15 р., 179) Отрадномъ—10 р., 180) Ново-Никольскѣ—50 р., 181) Петропавловкѣ—15 р., 182) Радьковскихъ Пескахъ—40 р., 183) Покровкѣ: Покровской церкви—120 р., 184) Троицкой церкви—25 р., 185) Сеньковѣ—30 р., 186) Старовѣровкѣ—50 р., 187) Стельмаховкѣ—15 р., 188) Сватовой Лучкѣ (Успенской)—100 р., 189)

Свистуновкѣ 50 р., 190) Тарасовкѣ—10 р., 191) Тернахъ—20 р., 192) Тополяхъ—30 р., 193) Юрьевкѣ—25 р., 194) въ хут. Верхне-Боровскомъ—20 р., 195) Гончаровкѣ—15 р., 196) Поповкѣ—27 р. 50 к.; *Лебединскаго уѣзда* 197) въ г. Лебединѣ (Воскресенской)—10 р., 198) Алешинѣ: Покровской церкви—31 р., 199) Преображенской церкви—18 р., 200) Бобринкѣ (Маріи Магдалиновской)—25 р., 201) Боровенькѣ—12 р. 50 к., 202) Голубовкѣ—12 р. 50 к., 203) Каменномъ пригородѣ—17 р., 204) Мартыновкѣ—25 р., 205) Межеричѣ: Успенской церкви—15 р., 206) Цокровской—8 р., 207) Преображенской—39 р. 12 к., 208) въ г. Недригайлѣ: Покровской церкви—25 р., 209) Митрофаніевской церкви—15 р., 210) Кристаловѣ—10 р. 50 к., 211) Рябушкахъ—50 р., 212) Тернахъ: Николаевской церкви—50 р., 213) Покровской церкви—150 р., 214) Тучномъ—35 р., 215) Чупаховкѣ—3 р., 216) Будынкахъ—5 р. 60 к., 217) Бѣжевѣ—5 р., 218) въ хут. Семеновѣ (Боровеньскаго прихода)—5 руб; *Старобѣльскаго уѣзда*: 219) въ г. Старобѣльскѣ, Николаевской—20 р., 220) Подгоровкѣ—5 р., 221) Лиманѣ—30 р., 222) Евсугѣ—20 р., 223) Колядовкѣ—10 р., 224) Шпотинѣ—7 р., 225) Половинкиной—10 р., 226) Титаревкѣ—5 р., 227) Шульгинкѣ: Николаевской церкви—7 р., 228) Троицкой—12 р., 229) Ново-Астрахани: Покровской—37 р., 230) Троицкой—31 р., 231) Епифановкѣ—45 р., 232) Боровенькѣ—13 р., 233) Голубовкѣ—16 р., 234) Калмыковкѣ—15 р., 235) Мосткахъ—10 р., 236) Рудевомъ—3 р., 237) Калиновкѣ—13 р., 238) Верхней Покровкѣ—35 р., 239) Ново-Боровскомъ—10 р., 240) Нижней Покровкѣ—15 р., 241) Байдовѣ—9 р., 242) Александровкѣ—9 р. 86 к., 243) Ницететовой—23 р., 244) Бѣлолуцкѣ (Троицкой)—18 р., 245) Крыгской—7 р., 246) Курячевкѣ—10 р., 247) Ново-Бѣлещкой (Рождество-Богородичной)—25 р., 248) Оспновой (Вознесенской)—4 р., 249) Сычевѣ—2 р. 50 к., 250) Брусовкѣ—65 р., 251) Бѣловодскѣ: Троицкой церкви—100 р. 50 к., 252) Николаевской церкви 60 р., 253) Зориковѣ—10 р., 254) Коноповкѣ—30 р., 255) Морозовкѣ—30 р., 256) Алексѣевкѣ (5 округа)—5 р., 257) Вахмутовѣ—3 р., 258) Боровскомъ—60 р., 259) Безгиновой—10 р., 260) Денежниковой—5 р., 261) Волкодавовой—3 р., 262) Ново-Ахтыркѣ—2 р., 263) Смольяниновой—1 р. 50 к., 264) Трехизбянскѣ—50 р.; *Сумскаго уѣзда*: 265) въ г. Сумахъ (Пророко-Ильинской)—33 р., 266) въ г. Бѣлопольѣ (Пророко-Ильинской)—150 р., 267) Ильмахъ—30 р., 268) Лукѣ—100 р., 269) Нижней Сыроваткѣ: Тпхоновской церкви—165 р., 270) Покровской церкви—

60 р., 271) Подлѣсновкѣ—53 р., 272) Степановкѣ—79 р. 50 к., 273) Терешковкѣ—3 р., 274) Шилевкѣ—73 р., 275) Старомъ—5 р., 276) Николаевкѣ—7 р., 277) Ворожбѣ—52 руб. 72 коп., 278) Вирахъ—23 р. 50 к., 279) Воробьевкѣ—6 р., 280) Искриковщинѣ—10 руб., 281) Климовкѣ—15 руб., 282) Прорубѣ—21 р. 20 к., 283) Павловкахъ—43 р. 284) Рѣвкахъ:—Тропцкой церкви—22 р. 84 к., 285) Покровской церкви—290 р. 78 к., 286) Стецковкѣ, Вознесенской церкви—15 р. 287) Дмитриевской церкви—50 р. 288) Ульяновкѣ—50 р., 289) Ястребенномъ—22 р. 25 к., 290) Алексѣевкѣ—35 р. 50 к., 291) Басовкѣ—42 р. 97 к., 292) хут. Водолагахъ (Бѣловодскаго прихода)—53 р. 80 к., 293) Локнѣ—100 р., 294) Могрицѣ—41 р. 40 к., 295) Верхней Сыроваткѣ—35 р., 296) Тимошевкѣ—150 р., 297) Токаряхъ—19 р., 298) Малой Чернетчинѣ—4225 р., 299) Юпаквѣ: Рождество-Богородичной—24 р. 58 к., 300) Преображенской церкви—88 р. Церковно-приходская школа, при Епархіальномъ женскомъ училищѣ, въ отчетное время содержалась на средства Совѣта Училища, поступившія отъ церквей епархіи.

По опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ распоряженіе уѣздныхъ отдѣленій на содержаніе школъ епархіи поступилъ чрезъ оо. благочинныхъ кружечный сборъ отъ церквей, а именно: а) въ Харьковское отдѣленіе—353 р. 64 к.; въ Ахтырское—94 р. 35 к.; в) Богодуховское—123 р. 4 к.; г) Валковское—62 р. 27 к.; д) Волчанское—61 р. 80 к.; ж) Зміевское—350 р. 64 к.; з) Изюмское—108 р. 28 к.; 3) Кулианское—71 р. 95 к.; п) Лебединское—141 р. 42 к.; і) Старобѣльское—151 р. 6 к.; п б) Сумское—107 р. 10 к. Итого—1625 р. 55 к., а всего по этой статьѣ поступило 20669 р. 84 к.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹⁴/₉₅ уч. годъ.

(Продолженіе *).

3) Учебно-воспитательная часть.

а) Недѣльное распределеніе уроковъ въ училищѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: аа) *въ подготовительномъ классѣ*—въ недѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, ру-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 24.

кодѣліе; во вторникъ—русскій языкъ, счисленіе, чистописаніе; въ среду—Законъ Божій, русскій языкъ, счисленіе; въ четвергъ—русскій языкъ, счисленіе, церковное пѣніе; въ пятницу—Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе, рукодѣліе; въ субботу—русскій языкъ, чистописаніе, русскій языкъ; бб) *въ I нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, чистописаніе, ариѳметика, рукодѣліе; во вторникъ—чистописаніе, ариѳметика, русскій языкъ, французскій языкъ; въ среду—чистописаніе, русскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе; въ четвергъ—Законъ Божій, русскій языкъ, диктовка, французскій языкъ; въ пятницу—Законъ Божій, рукодѣліе, церковное пѣніе, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—ариѳметика, Законъ Божій, чистописаніе, диктовка; вв) *въ I параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—чистописаніе, ариѳметика, русскій языкъ, церковное пѣніе; во вторникъ—ариѳметика, Законъ Божій, рукодѣліе, французскій языкъ; въ среду—Законъ Божій, чистописаніе, рукодѣліе, русскій языкъ, въ четвергъ—чистописаніе, Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ; въ пятницу—русскій языкъ, церковное пѣніе, ариѳметика, диктовка, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, чистописаніе, ариѳметика, диктовка; гг) *въ II нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—русскій языкъ, Законъ Божій, ариѳметика, французскій языкъ; во вторникъ—Законъ Божій, чистописаніе, географія, русскій языкъ; въ среду—ариѳметика, Законъ Божій, церковное пѣніе, рукодѣліе; въ четвергъ—диктовка, русскій языкъ, ариѳметика, рукодѣліе; въ пятницу—диктовка, Законъ Божій, географія, церковное пѣніе, рисованіе; въ субботу—чистописаніе, русскій языкъ, ариѳметика, французскій языкъ; дд) *въ II параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—ариѳметика, русскій языкъ, Законъ Божій, французскій языкъ; во вторникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе; въ среду—ариѳметика, русскій языкъ, чистописаніе, диктовка; въ четвергъ—Законъ Божій, географія, диктовка, рукодѣліе; въ пятницу—церковное пѣніе, русскій языкъ, ариѳметика, чистописаніе, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, географія, рукодѣліе, французскій языкъ; ее) *въ III нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—церковное пѣніе, Законъ Божій, французскій языкъ, ариѳметика; во вторникъ—географія, русскій языкъ, Законъ Божій, рукодѣліе; въ среду—церковное пѣніе, ариѳметика, диктовка, русскій языкъ; въ четвергъ—географія, Законъ Божій, русскій языкъ, рукодѣліе; въ пятницу—диктовка, чистописаніе, русскій

языкъ, арифметика, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, арифметика, Законъ Божій, чистописаніе; жж) *въ III параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ, арифметика; во вторникъ—русскій языкъ, Законъ Божій, церковное пѣніе, арифметика; въ среду—чистописаніе, географія, арифметика, диктовка; въ четвергъ—церковное пѣніе, диктовка, Законъ Божій, чистописаніе, въ пятницу—руководствіе, географія, русскій языкъ, арифметика, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, Законъ Божій, русскій языкъ, руководствіе; зз) *въ IV нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—географія, славянскій языкъ, церковное пѣніе, Законъ Божій; во вторникъ—французскій языкъ, арифметика, чистописаніе, русскій языкъ; въ среду—географія, церковное пѣніе, русскій языкъ, исторія; въ четвергъ—французскій языкъ, диктовка, исторія, арифметика; въ пятницу—чистописаніе, русскій языкъ, руководствіе, Законъ Божій, рисованіе; въ субботу—арифметика, Законъ Божій, географія, руководствіе; ии) *въ IV параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—диктовка, географія, арифметика, русскій языкъ; во вторникъ—французскій языкъ, церковное пѣніе, русскій языкъ, чистописаніе; въ среду—географія, Законъ Божій, исторія, руководствіе; въ четвергъ—французскій языкъ, арифметика, славянскій языкъ, чистописаніе; въ пятницу—географія, Законъ Божій, русскій языкъ, руководствіе, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, арифметика, церковное пѣніе, исторія; ii) *въ V нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—исторія, арифметика, русскій языкъ, дидактика; во вторникъ—исторія, русскій языкъ, географія, Законъ Божій;—въ среду французскій языкъ, физика, исторія, Законъ Божій; въ четвергъ—арифметика, географія, церковное пѣніе, Законъ Божій; въ пятницу—французскій языкъ, арифметика, исторія, руководствіе, рисованіе; въ субботу—церковное пѣніе, географія, физика, русскій языкъ; кк) *въ V параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, церковное пѣніе, географія, исторія; во вторникъ—физика, исторія, арифметика, руководствіе; въ среду—французскій языкъ, исторія, русскій языкъ, географія; въ четвергъ—русскій языкъ, Законъ Божій, физика, арифметика; въ пятницу—французскій языкъ, исторія, Законъ Божій, географія, рисованіе; въ субботу;—русскій языкъ, церковное пѣніе, дидактика, арифметика; лл) *въ VI классѣ*—въ понедѣльникъ—геометрія, физика, дидактика, русскій языкъ; во вторникъ—церковное пѣніе, географія, русскій языкъ, космографія; въ среду—Законъ Божій, исторія, физика, французскій

языкъ; въ четвергъ—Законъ Божій, церковное пѣніе, географія, исторія; въ пятницу—Законъ Божій, французскій языкъ, геометрія, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—физика, русскій языкъ, исторія, дидактика.

1-й урокъ продолжается отъ 9 до 9 ч. 55 м., 2-й урокъ—отъ 10 ч. 5 м. до 11 часовъ, 3-й урокъ—отъ 11 ч. 30 м. до 12 ч. 25 м., 4-й урокъ—отъ 12 ч. 35 м. до 1 ч. 30 м., 5-й урокъ—отъ 3 ч. до 5 часовъ.

Сравнительно съ прошлымъ учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году въ этомъ распредѣленіи не произошло никакихъ перемѣнъ.

б) Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ Училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Въ отчетномъ году употреблялись учебники и учебныя пособія не указанные въ программѣ, приложенной къ Уставу Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ, по слѣдующимъ предметамъ: аа) *по Закону Божию* въ подготовительномъ классѣ, для упражненія въ славянскомъ чтеніи, служило Евангеліе на славянскомъ языкѣ; въ I классѣ учебникомъ вмѣсто „Начатковъ христіанскаго ученія“, служило „*Наставленіе въ Законъ Божіемъ протоіерея Петра Смирнова*“; бб) *по русскому языку*—этимологія и синтаксисъ до соединенія предложеній по способу сочиненія проходились по *грамматикѣ Кирпичникова*, остальная же часть синтаксиса—по учебнику *Говорова*; теорія словесности проходила по учебнику *Бѣлоруссова*; исторія литературы—по учебнику *Орлова*; учебными пособіями по русскому языку служили: въ подготовительномъ и I-мъ классахъ *Хрестоматія Полевого*, во II и III-мъ классахъ—*„Родина“ Радонежскаго*, въ остальныхъ классахъ—*Хрестоматіи Галахова и Филонова*; вв) *по церковно-славянскому языку* въ IV и V-мъ классахъ употреблялась *грамматика Перевльскаго*; гг) *по ариѳметикѣ* въ старшихъ классахъ употреблялся учебникъ *Малинина*; учебными пособіями во всѣхъ классахъ служили *задачки Малинина, и Мина и Арбузова*; дд) *по геометріи* въ V и VI-мъ классахъ употреблялся учебникъ *Вулеха*; ее) *по всеобщей и русской гражданской исторіи* въ VI-мъ классѣ—учебникъ *Рождественскаго*; жж) *по дидактикѣ* въ V-мъ классѣ *литографированныя записки*, составленныя преподавателемъ, а въ VI-мъ классѣ *„общая дидактика“ С. Мирнопольскаго*, записки преподавателя, учебныя *Рощина* и *обяснительныя записки къ программѣ учебныхъ предметовъ для церковно-приходской школы.*

В) Преподаваніе всѣхъ предметовъ въ отчетномъ году велось по программѣ, намѣченной въ Уставѣ Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ, и подробнымъ программамъ, составленнымъ преподавателями, примѣнительно къ Уставу и утвержденнымъ епархіальнымъ начальствомъ. По всѣмъ предметамъ и во всѣхъ классахъ указанныя программы въ отчетномъ году выполнены.

Г) Распределеніе письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Совѣтъ Училища и въ отчетномъ году обращать особенное вниманіе на письменныя упражненія воспитанницъ. Упражненія эти назначались такъ часто, какъ только позволяла возможность, начинались съ приготовительнаго класса и продолжались во всѣхъ остальныхъ классахъ, при чемъ соблюдалась надежащая постепенность въ переходѣ отъ упражненій легкихъ, къ болѣе труднымъ, наконецъ, баллы, полученные на письменныхъ упражненіяхъ, оказывали важное вліяніе на общую оцѣнку успѣховъ воспитанницъ.

Письменныя упражненія состояли: аа) *изъ списыванія съ книгъ и диктовки*, которыми въ приготовительномъ классѣ занималась учительница, а въ первыхъ четырехъ штатныхъ классахъ—воспитательницы этихъ классовъ, по диктантамъ Смирновскаго и Тихомірова, въ назначенные для этого расписаніемъ уроковъ часы; бб) *изъ грамматическихъ упражненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя велось преподавателями русскаго языка, параллельно съ уроками грамматики, и вв) *изъ сочиненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя въ первыхъ трехъ штатныхъ классахъ назначались исключительно учителями русскаго языка, а въ остальныхъ классахъ, кромѣ того, и преподавателями нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, именно: Закона Божія, гражданской исторіи, географіи и дидактики. Сочиненія эти въ I, II и отчасти въ III-мъ классѣ состояли изъ рассказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, во второе полугодіе въ III-мъ классѣ и въ IV-мъ классѣ—изъ рассказовъ и описаній самостоятельныхъ, а въ V и VI-мъ классахъ изъ такихъ же самостоятельныхъ разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ вырабатывался предварительно въ классѣ воспитанницами, при помощи преподавателя, а въ III, IV, V и VI-мъ классахъ—составлялся учащимися самостоятельно. Темы для сочиненій въ I и II-мъ классахъ назначались самостоятельно препода-

вателями русскаго языка, они же самостоятельно избирали и время для классныхъ сочиненій и назначали сроки для сочиненій домашнихъ, руководясь только тѣмъ правиломъ, чтобы послѣднія давались не менѣе одного раза въ мѣсяць; для III, IV, V и VI-го классовъ выборъ темъ и опредѣленіе сроковъ для написанія сочиненій производились Совѣтомъ и утверждались Его Высокопреосвященствомъ.

Въ продолженіе отчетнаго года воспитанницы III-го класса написали 7 сочиненій по русскому языку, 2 классныхъ и 5 домашнихъ; воспитанницы IV-го класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы V-го класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы VI-го класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи, 1 по географіи и 1 по дидактикѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, воспитанницы III, IV, V и VI-го классовъ, составляли въ мѣсяць по одному письменному арифметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи.

Предъ устными экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экзаменскому экспромтовому письменному упражненію. Упражненія эти въ приготовительномъ, I и II классахъ состояли изъ провѣрочной диктовки, въ III классѣ изъ пересказа данной статьи, въ IV, V и VI классахъ изъ самостоятельныхъ сочиненій на данныя темы. Темы для экзаменскихъ сочиненій были даны и самыя сочиненія прочтаны: въ приготовительномъ, I и II классахъ преподавателями русскаго языка въ этихъ классахъ, въ III, IV и V классахъ—преподавателями русскаго же языка, въ каждомъ отдѣленіи и классѣ преподавателемъ другого отдѣленія и класса, а въ VI классѣ—инспекторомъ классовъ.

Баллы письменныхъ упражненій воспитанницъ приготовительнаго, I и II классовъ присоединялись учителями русскаго языка къ отмѣткамъ за устные отвѣты и изъ тѣхъ и другихъ выводились общіе баллы по этому предмету, двухмѣсячные и годовые. Начиная же съ III класса, баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ вносились инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ изъ нихъ сдѣланъ средній выводъ, сложенъ со

среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій баллъ по этому предмету. Воспитанницы, получившія по сочиненіямъ годовымъ и экзаменскому, или даже только по этому послѣднему, неудовлетворительный баллъ (который ставится за грубыя грамматическія и орфографическія ошибки), подвергались переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ, и если и тогда представляли неудовлетворительную письменную работу, оставлялись въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Успѣхи воспитанницъ въ письменныхъ упражненіяхъ въ отчетномъ году можно признать хорошими. Въ экзаменскихъ сочиненіяхъ выпускныхъ воспитанницъ грамматическихъ и орфографическихъ ошибокъ попадалось очень мало; написаны эти сочиненія очень связно и послѣдовательно; сочиненія же лучшихъ воспитанницъ оказались во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошими, а по грамотности—безупречными.

Въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ отвѣтокъ воспитанницы старшихъ классовъ получили по сочиненіямъ слѣдующіе баллы:

III нормальный классъ (47 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	5	воспитанницъ,	или	10,63%
— 4	—	13	—	—	27,65%
— 3	—	29	—	—	61,70%
Средній баллъ всего класса					3,48.

III параллельный классъ (49 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	3	воспитанницы,	или	6,12%
— 4	—	11	—	—	22,44%
— 3	—	34	—	—	69,38%
— 2	—	1	—	—	2,04%
Средній баллъ всего класса					3,32.

IV нормальный классъ (42 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	2	воспитанницы,	или	4,76%
— 4	—	11	—	—	26,19%
— 3	—	27	—	—	64,28%
— 2	—	2	—	—	4,76%
Средній баллъ всего класса					3,30.

IV параллельный классъ (46 воспитанницъ).

Балль 5 получила	1	воспитанница,	или	2,17%
— 4	— 12	—	—	26,08%
— 3	— 30	—	—	65,21%
— 2	— 3	—	—	6,52%
Средній балль всего класса				3,23.

V нормальный классъ (37 воспитанницъ).

Балль 4 получили	11	воспитанницъ,	или	29,72%
— 3	— 25	—	—	67,56%
— 2	— 1	—	—	2,70%
Средній балль всего класса				3,27.

V параллельный классъ (34 воспитанницъ).

Балль 5 получили	2	воспитанницы,	или	5,88%
— 4	— 9	—	—	26,47%
— 3	— 22	—	—	64,70%
— 2	— 1	—	—	2,94%
Средній балль всего класса				3,35.

VI классъ (38 воспитанницъ).

Балль 5 получили	3	воспитанницы,	или	7,89%
— 4	— 16	—	—	42,10%
— 3	— 19	—	—	50%
Средній балль всего класса				3,57.

Примѣчаніе. Въ эту вѣдомость вошли только тѣ воспитанницы, которыя представили всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большую часть годовыхъ сочиненій и сочиненіе экзаменное.

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Ученіе въ отчетномъ году началось 17 августа и окончилось 21 апрѣля. Всѣхъ учебныхъ дней въ году—если исключить двукратное говѣніе воспитанницъ (къ 21 ноября и на первой недѣлѣ великаго поста), Рождественскіе праздники, масляницу, Страстную и Свѣтлую седмицу и всѣ воскресные и праздничные дни,—было 150.

Письменные годовые экзамены происходили 24 апрѣля. Устные экзамены начались 26 апрѣля и окончились 2 іюня. 4 іюня происходилъ актъ, которымъ закончился учебный годъ. Дополнительные экзамены и переэкзаменовки произведены 8 и 9 августа 1895 г.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

По постановленію Харьковской Духовной Консисторіи, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 31 декабря 1895 года, Куянский уѣздъ раздѣленъ на три благочиннычeskихъ округа, въ составъ коихъ входятъ слѣдующія церкви: Первый округъ составляютъ церкви: 1) города Куянска—соборная, 2) г. Куянска—Николаевская, 3) слоб. Волосской Балаклейки—Архангело-Михайловская, 4) слоб. Старовѣровки—Казанско-Богородичная, 5) слоб. Гусинки—Георгиевская, 6) сл. Ново-Николаевки—Николаевская, 7) сл. Сеникова—Успенская, 8) слоб. Сенихи—Іоанно-Богословская, 9) слоб. Петро-Павловки—Петро-Павловская, 10) слоб. Ивановки—Іоанно-Златоустовская, 11) слоб. Монашновки—Дмитріевская, 12) слоб. Пристѣна—Крестовоздвиженская, 13) сл. Смородьковки—Покровская, 14) слоб. Боровой—Богородичная, 15) слоб. Гороховатки—Воскресенская, 16) слоб. Калпновой—Владимірско-Богородичной, 17) сл. Каменки—Николаевская и 18) сл. Отрадной—Успенская. Второго округъ: 1) слоб. Ново-Георгиевска—Иверско-Богородичная, 2) слоб. Песчаной—Александро-Невская, 3) слоб. Покровска—Троицкая, 4) слоб. Покровска—Покровская, 5) сл. Верхней-Дуванки—Благовѣщенская, 6) слоб. Александровки—Іоанно-Богословская, 7) слоб. Владиміровки—Богородичная 8) слоб. Араповки—Ахтырско-Богородичная, 9) слоб. Тарасовки—Николаевская, 10) слоб. Ново-Красной—Вознесенская, 11) слоб. Наугольновки—Николаевская, 12) слоб. Преображенской—Преображенская, 13) слоб. Кругляковки—Николаевская, 14) слоб. Николаевки—Георгиевская, 15) сл. Нижней-Дуванки—Александро-Невская, 16) слоб. Нижней-Дуванки—Феодоро-Стратилатовская, 17) слоб. Колодезнаго—Сергіевская, 18) слоб. Ново-Ольшаной—Вознесенская, 19) слоб. Двурѣчной—Успенская, 20) слоб. Тополей—Александро-Невская, 21) слоб. Ново-Млинска—Покровская и 22) слоб. Ново-Ослцовой—Свято-Духовская. Третій округъ: 1) слоб. Сватовой-Лучки—Сочествіевская, 2) слоб. Сватовой-Лучки—Успенская, 3) сл. Мѣловатки—Іоанно-Предтечевская, 4) слоб. Ново-Никольско—Покровская, 5) слоб. Кабанья—Преображенская, 6) слоб. Кабанья—Вознесенская, 7) слоб. Краснянки—Архангело-Михайловская, 8) сл. Краснянки—Александро-Невская (единовѣрческая), 9) сл. Поповки—Рождество Богородичная, 10) слоб. Ново-Глухова—Троицкая, 11) слоб. Ново-Глухова—Преображенская, 12) слоб. Торской—Вознесенская, 13) слоб. Терновъ—Николаевская, 14) слоб. Кармазиновки—Николаевская (единовѣрческая), 15) слоб. Юрьевки—Петро-Павлов-

ская, 16) слоб. Дружелюбовки—Петро-Павловская, 17) слоб. Боголюбовки—Воскресенская, 18) слоб. Комаровки—Успенская, 19) слоб. Коломійчухи—Покровская, 20) сл. Стельмаховки—Тихоновская, 21) Гончаровки—Крестовоздвиженская, 22) сл. Свистуновки—Георгіевская, 23) слоб. Бѣлоцерковки—Александро-Невская, 24) слоб. Кузюмовки—Митрофаніевская, 25) сл. Радьковки—Покровская, и 26) сл. Радьковскихъ Песокъ—Вознесенская. На должность благочинныхъ назначены: 1-го округа—священникъ Георгіевской церкви слоб. Гусники, Василій Соколовскій; 2-го округа—протоіерей Иверско-Богородичной церкви слоб. Ново-Георгіевска, Василій Поповъ; 3-го округа—протоіерей Сошествіевской церкви слоб. Сватовой-Лучки, Михаилъ Чернявскій.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Согласно постановленію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 17-го ноября 1895 года: 1) преподано Архипастырское благословеніе, за особую ревность въ дѣлѣ развитія народнаго образованія, со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужные списки, предсѣдателямъ отдѣленій: Балковскаго—священнику Гавріилу Павловскому, Волчанскаго—протоіерею Арсенію Павлову, Зміевскаго—священнику Петру Тимофѣеву, Сумскаго—протоіерею Василію Никольскому; наблюдателямъ школъ: 2-го Лебединскаго округа—священнику Петру Рубицкому, 5-го Старобѣльскаго округа—священнику Меодію Лядскому и 1-го округа того-же уѣзда—священнику Николаю Фаворову.

2) Выражена признательность Совѣта, со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужные списки, о.о. завѣдующимъ и законоучителямъ школъ священникамъ Харьковскаго уѣзда: Ольшанской, въ Трехсвятительскомъ приходѣ, Макарію Крохатскому, Деркачевской, въ Рождество Богородичномъ приходѣ, Андрею Чагонцеву, Черкасской Лозовской—Іоанну Петрусенко; Ахтырскаго уѣзда: Хухрянской, въ Покровскомъ приходѣ, Дмитрію Попову, Боромлянской, въ Христо-Рождественскомъ приходѣ, Стефану Виноградскому, Славгородской—Арсенію Любарскому, Краснопольской, въ Преображенскомъ приходѣ, Михаилу Попову; Богодуховскаго уѣзда: Богодуховской Соборной—Димитрію Владыкову, Богодуховской, въ Троицкомъ приходѣ, Евгенію Пономареву, Богодуховской, въ Покровскомъ приходѣ, Павлу Леонтовичу, Лютовской—Павлу Вертеловскому, Больше-Писаревской, въ Покровскомъ приходѣ, Алексію Стаиславскому,

Краснокутской, въ Успенскомъ приходѣ, Алексію Рудинскому; Валковскаго уѣзда: Княжанской—Андрею Закрицкому, Прасянской—Петру Антонову, Каленаковской—Теодору Леонтовичу, Покровской—Ксенофонту Иларіонову; Волчанскаго уѣзда: Заволянской—Александру Чернявскому, Печенѣжской—Иліи Бондареву; Зміевскаго уѣзда: Константиновской—Григорію Корнильеву, Гуляй-Польской—Теодору Сулимѣ, Коробчанской—Петру Дейнеховскому; Изюмскаго уѣзда: Дробышевской—Александру Лонгинову, Мечебилловской—Сергію Перцеву, Поповской—Леониду Сильванскому; Купянскаго уѣзда: Покровской—Василію Маслову, Пустынской—Димитрію Липицкому, Сватово-Луцкой—Василію Ерофалову; Лебединскаго уѣзда: протоіерею Петру Краснопольскому; Старобѣльскаго уѣзда: Половинкинской—Іоанну Березовскому, Осиновской, при Успенской церкви, Василію Капустявскому; Сумскаго уѣзда: Ильмовской—Сумеону Стеллецкому, Бѣлопольской, при Петро-Павловской церкви, Іоанну Ведринскому, при Николаевской церкви, Сумеону Недѣлькѣ.

3) Выражена благодарность Совѣта, со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужные списки, учителямъ школъ: при Харьковской Всѣхсвятской церкви діакону Павлу Теокистову, Богодуховской, при Троицкой церкви діакону Михаилу Пузанову, Валковскаго уѣзда, Прасянской, Иларіону Полтавцеву, Зміевскаго уѣзда, Богодаровской, псаломщику Григорію Бесѣдѣ, Изюмскаго уѣзда, Протопоповской, Григорію Мацокпну, Купянскаго уѣзда, Ново-Глуховской, при Троицкой церкви, діакону Андрею Понкратьеву, Торской—псаломщику (нынѣ діакону) Николаю Юшкову, Старобѣльскаго уѣзда, Бѣловодской, при Троицкой церкви, діакону Павлу Станкову, Морозовской—діакону Павлу Гробовскому и Сумской, при соборѣ, діакону Теодору Юрковскому.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Василій *Владыковъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви с. Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Успенской церкви г. Краснокутска, Алексій *Рудинскій* переведенъ, по прошенію, на священническое мѣсто къ Николаевской церкви г. Старобѣльска.

— На праздное діаконское мѣсто при Троицкой церкви с. Должика, Лебединскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикъ Преображенской церкви г.

Ахтырки, Андрей *Проскурниковъ*, а на мѣсто сего послѣдняго псаломщикомъ опредѣленъ безмѣстный псаломщикъ Митрофанъ *Царевскій*.

— На праздное мѣсто псаломщика при Покровской церкви с. Шиньлевки, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ воспитанникъ 3 класса Харьковской Духовной Семинаріи, Іоаннъ *Назаревскій*.

— Уволенный изъ 1 класса Духовной Семинаріи, Георгій *Любарскій* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви г. Старобѣльска.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты церквей: г. Бѣлополья, Покровской, купецъ Митрофанъ *Балащенко*; Рождество-Богородичной, купецъ Яковъ *Пономаренко*; Митрофаніевской с. Полянаго, Ахтырскаго уѣзда, крест. Тимошей *Соинъ*, и Архангело-Михайловской с. Малаго Исторопа, Лебединскаго уѣзда, крест. Стефанъ *Стебляно*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новый годъ за границей.—Минувшій годъ въ Россіи.—О просвѣтительной дѣятельности духовенства.—Устройство при церквяхъ домовъ для причтовъ.—Достойныя вниманія пожертвованія на церкви и школы.—Распоряженіе гражданской власти объ открытіи церковно-приходскихъ школъ.—Одинъ изъ видовъ помощи арестантамъ.—Русское общество пчеловодства.—Некрологъ.

По словамъ «Цер. Вѣст.», новый годъ отпразднованный за границей по новому стилю на 12 дней раньше нашего, повсюду встрѣченъ въ западной Европѣ съ добрыми надеждами. По всему христіанскому цивилизованному міру преобладало настроеніе мирное, котораго не могли нарушить и нѣкоторыя вспышки воинственныхъ страстей на отдаленныхъ окраинахъ цивилизованнаго человѣчества. Народы все болѣе начинаютъ понимать, что задача и цѣль ихъ жизни состоитъ не въ томъ, чтобы ради громкихъ подвиговъ, способныхъ лишь тѣшить тщеславіе и корыстолюбіе, предпринимать воинственныя авантюры, а въ томъ, чтобы общими усиліями въ братскомъ единomyслии стремиться къ достиженію истиннаго назначенія человѣчества—именно водворенія царства мира и любви на удрученной грѣхами землѣ. Хотя на западѣ, какъ и у насъ въ новѣйшее время, праздникъ новолѣтія имѣетъ чисто гражданскій характеръ, однако нельзя не отмѣтить того символическаго обычая, по которому въ нѣкоторыхъ странахъ и особенно въ Америкѣ новый годъ встрѣчается преимущественно молитвенными собраніями и притомъ совершаемыми въ церквяхъ въ полунощное время по звону колоколовъ, оглашающихъ полунощную тпшину земли какъ разъ въ моментъ раздѣленія между старымъ

и новымъ годомъ. Въ этомъ симпатичномъ обычаѣ нельзя не видѣть отраднаго явленія, показывающаго, что не смотря на всѣ успія новѣйшаго времени всячески ослабить религіозный инстинктъ въ народахъ и секуляризировать жизнь, душа человѣческая, какъ по природѣ христіанка, ищетъ себѣ опоры и утѣшенія именно въ религіи и христіанской церкви, какъ единственномъ кораблѣ спасенія отъ удручающихъ земную жизнь бѣдъ.

— Обозрѣвая истекшій годъ, «Цер. Вѣст.» считаетъ его памятнымъ въ исторіи Россіи. Этимъ годомъ завершился первый годъ благополучнаго царствованія Государя Императора Николая II, наслѣдовавшаго отъ Августѣйшаго Своего Родителя великія государственныя задачи умиротворенія не только русской народной жизни, но и жизни другихъ странъ стараго и новаго свѣта. Для русской государственной жизни этотъ годъ прошелъ мирно, счастливо для блага и славы Россіи, и тѣмъ обезпечивалъ успѣхъ дальнѣйшаго развитія народныхъ силъ и задуманныхъ государственныхъ мѣропріятій. Такимъ счастливымъ онъ былъ и для церковной жизни многомилліоннаго православнаго русскаго народа. Церковная жизнь въ минувшемъ году развивалась тѣмъ же мирнымъ путемъ и по тому же направленію, какое установлено для нея въ прежніе годы и поддержка котораго завѣщана въ Божѣ почившимъ Государемъ Своему Сыну, Наслѣднику всероссійскаго престола. Уже на могилѣхъ настоящаго царствованія оправдалось обѣщаніе Государя Императора по примѣру Родителя посвятить «всѣ Свои силы служенію дорогой родинѣ и православной церкви». Въ этомъ отношеніи высокое знаменательное значеніе имѣетъ принятіе Имъ подъ Свое Высочайшее покровительство трехъ старинныхъ православныхъ церковныхъ братствъ въ западной Россіи — холмскаго Свято-Богородицкаго, виленскаго Свято-Духовскаго и Острожскаго Кирилло-Меодіевскаго, равно и значительный отпускъ государственныхъ денежныхъ суммъ на разныя церковныя учрежденія для удовлетворенія насущныхъ потребностей церковной жизни въ Россіи.

— Останавливаясь мыслию на наступленіи Новаго года, «Цер. Вѣст.» говоритъ, что вмѣстѣ съ нимъ приблизилось и время, когда русское духовенство должно будетъ осуществить тѣ задачи, которыя возлагаетъ на него правительство, вручающее ему воспитаніе и обученіе русскаго народа и предоставляющее въ его распоряженіе значительныя матеріальныя средства, которыми духовенство должно будетъ воспользоваться при осуществленіи возлагаемой на

него задачи. Велико довѣріе правительства русскому духовенству, еще болѣе велико то дѣло, которое поручается ему... Что можетъ быть выше и святѣ дѣятельности, какъ духовное обученіе и воспитаніе того, что есть самаго лучшаго въ народѣ: его души и разума. И вотъ это святое дѣло поручается Отцомъ всего русскаго народа русскому духовенству, въ полной надеждѣ, что оно, а не кто другой, только и можетъ выполнить эту великую дѣятельность. Русское духовенство, облеченное такимъ высокимъ довѣріемъ, должно ясно сознать всю важность ожидающей его въ новомъ году дѣятельности, за которую теперь оно должно будетъ давать полный отчетъ предъ своимъ отечествомъ, вѣряющимъ ему своихъ дѣтей, свои лучшія надежды, свою будущность. Если духовенство и прежде, безъ средствъ, успѣло покрыть русскую землю густою сѣтью школъ,—то тѣмъ больше оно должно приложить старанія къ учебному дѣлу въ новомъ году, когда его труды уже не будутъ такъ отвлекаться отъ прямаго дѣла заботами о матеріальномъ обезпеченіи школъ. Въ настоящее время все, или почти все, въ рукахъ русскаго духовенства, чѣмъ можетъ обуславливаться успѣшное развитіе просвѣщенія народа, и русское общество въ правѣ теперь будетъ предъявить болѣе строгія требованія къ духовенству при выполненіи имъ просвѣтительныхъ задачъ. Поэтому, каждый духовный дѣятель на нивѣ народной долженъ ясно проникнуться сознаніемъ великой отвѣтственности предъ русскимъ обществомъ за вручаемое ему дѣло и съ помощію Божіею приступить въ новомъ году къ святому труду на благо своего отечества. У русскаго духовенства еще много враговъ, поэтому ему особенно должно быть осторожнымъ и внимательнымъ къ себѣ и къ своей просвѣтительной дѣятельности. Долгъ каждаго изъ духовенства поддерживать слабыхъ соработниковъ, руководить братскими совѣтами неопытныхъ и искоренять изъ своей среды всѣхъ, кто окажется недостойно призваннымъ къ великому служенію. Настанетъ время, когда потомство произнесетъ свой судъ надъ просвѣтительной дѣятельностью современнаго русскаго духовенства. Да будетъ же этотъ судъ такъ же великъ и святъ, какъ велико и свято дѣло, вручаемое духовенству.

— Переходы священниковъ изъ одного прихода въ другой, приносящіе нерѣдко существенный вредъ дѣлу пастырства и тяжелые иногда не только въ нравственномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи для самихъ переходящихъ, нынѣ по возможности предотвращаются чрезъ устраненіе причинъ, вызывающихъ такіа перемѣщенія. На послѣднемъ енархіальномъ сѣздѣ доискаго ду-

ховенства въ прошломъ сентябрѣ былъ заслушанъ циркулярный указъ консисторіи о томъ, что настоятъ неотложная необходимость въ устройствѣ для причтовъ енархіи домовъ въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ такихъ домовъ нѣтъ, такъ какъ отсутствіе удобныхъ квартиръ при церквахъ служитъ для многихъ членовъ изъ духовенства главнымъ побужденіемъ къ перемѣщеніямъ изъ приходовъ, и что енархіальное начальство предоставляетъ право съѣзду изыскать средства на этотъ предметъ или чрезъ процентное отчисленіе со всѣхъ церковныхъ суммъ, или назначеніемъ опредѣленныхъ денежныхъ взносовъ по каждой церкви. Съѣздъ, между прочимъ, постановилъ: 1) отчислить 4 проц. съ чистой свѣчной прибыли и кошелековой суммы, поступающихъ на приходъ по церквамъ въ теченіе года. Деньги эти вносить въ сберегательную кассу на имя каждой церкви съ обозначеніемъ, что капиталъ долженъ быть употребленъ на постройку причтовыхъ домовъ при церкви. Въ тѣхъ же приходяхъ, гдѣ имѣются причтовые дома, они могутъ быть ремонтируемы въ счетъ этого капитала. Процентное отчисленіе начать съ 1 января 1896 г.; 2) предоставить право причтамъ и церковнымъ старостамъ отчислять на этотъ же предметъ часть остаточныхъ суммъ по церквамъ, по ихъ усмотрѣнію; 3) просить енархіальное начальство оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Енархіальный преосвященный затребовалъ заключеніе консисторіи по этому предмету.

— Съ проведеніемъ великаго сибирскаго пути стали понемножку заселяться и пустынные мѣстности, по которымъ онъ протекаетъ. Въ мѣстахъ безлюдныхъ стали возникать молодые поселки и начала зарождаться новая осѣдлая жизнь, въ сотый разъ свидѣтельствующая о томъ, что рельсовый путь воистинѣ справедливо названъ экономистами артеріей государства. Тамъ же возникаютъ поселки, являюся и спутники человѣка—духовныя потребности: являюся потребности въ храмѣ и школѣ. Русскій народъ понимаетъ это и охотно жертвуетъ на возведеніе храмовъ и постройку школъ. Отъ времени до времени канцелярія комитета министровъ извѣщаетъ о пожертвованіяхъ на дѣло церковнаго и школьнаго строительнаго въ районѣ сибирской желѣзной дороги; списокъ этихъ дѣлъ по обыкновенію сухъ, какъ и всѣ подобные списки. Но если, какъ замѣчаетъ «Сынъ От.», пробѣжать его нѣсколько внимательнѣй, то и въ немъ можно прочесть кое-что, кромѣ цифръ и именъ. Призывъ къ пожертвованіямъ на храмъ и на школу нашелъ себѣ откликъ прежде всего въ сердцахъ духовенства и простого безхитростнаго народа. Въ послѣднемъ списокѣ изъ 20 лицъ оказывается лента четырехъ священниковъ разныхъ енархій, служителей двухъ

небогатыхъ учебныхъ заведеній и отъ рабочихъ воткинскаго завода. Послѣдніе всей массой дали только 4 р. 55 к. Но что это значить? Это значитъ, что сумма эта собрана копѣйками и грошами изъ скудныхъ заработковъ. А такая жертва въ нравственномъ смыслѣ дороже тысячъ, даваемыхъ отъ избытка...

— Недавно тверской губернаторъ, какъ сообщаютъ объ этомъ «Моск. Цер. Вѣд.», разослалъ земскимъ начальникамъ циркуляръ, въ которомъ, имѣя въ виду, что многія изъ сельскихъ обществъ Тверской губерніи желали бы открыть у себя церковно-приходскія школы, но по причинѣ недостаточности средствъ а также и того, что съ тѣхъ обществъ производится сборъ на поддержаніе открытыхъ уже школъ земскихъ и на жалованіе ихъ учителямъ, не могутъ осуществить это желаніе, предложилъ земскимъ начальникамъ разъяснить подвѣдомственнымъ имъ сельскимъ обществамъ, что они, согласно извѣстному указу Правительствующаго Сената отъ 19 сентября 1895 года за № 11.753, по дѣлу Николаевского и Кувыкинского обществъ Саратовской губерніи, въ правѣ открыть у себя, вмѣсто существующей земской школы, школу церковно-приходскую. При этомъ начальникъ губерніи выразилъ увѣренность, что земскіе начальники съ особенною заботливостью отнесутся къ этому вопросу, составляющему предметъ одной изъ первыхъ государственныхъ потребностей.

— Люди, близко стоящіе къ тюремному дѣлу, часто имѣютъ случай видѣть выраженіе теплаго участія къ судьбѣ заключенныхъ, которыхъ русскій человѣкъ испоконъ вѣковъ называетъ „несчастными“. Свящ. І. Фудель въ «Моск. Вѣд.» указываетъ добрымъ людямъ на одинъ видъ помощи заключеннымъ, который почти никогда или очень рѣдко употребляется. Это—снабженіе немущихъ арестантовъ книгами духовно-нравственнаго содержанія. Потребность въ такихъ книгахъ ощущается въ каждой тюрьмѣ. Русскій человѣкъ вездѣ одинаковъ; и сидя за желѣзною рѣшеткой, онъ любитъ почитать серьезную книгу, не побасенки, не сказку, а именно „серьезную“, подъ которой онъ всегда разумѣетъ книгу духовную, трактующую „о божественномъ“. А между тѣмъ, если гдѣ либо въ тюрьмѣ и есть бібліотека, то, вѣдь, извѣстно что составляется она изъ случайныхъ приношеній, среди которыхъ разрозненные романы и книжки „приложеній“ играютъ видную роль. Можно съ увѣренностью сказать, что духовная жажда арестантовъ удовлетворяется у насъ еще въ самой слабой степени. Почему это такъ, мы не беремся судить, но во всякомъ случаѣ эта сторона помощи заключеннымъ заслуживаетъ особаго вниманія добрыхъ лю-

дей. Здѣсь широкое и плодородное поле для добрыхъ всходовъ. Намъ лично извѣстны случаи, когда прочитанная книжка совершенно перерождала преступниковъ. Надо ли говорить, какое это великое дѣло? Каждая полезная духовная книга, жертвуемая въ тюрьму, можетъ послужить спасенію заблудшаго брата отъ вѣчной смерти. Насколько же эта жертва, это подаяніе выше обычнаго подаянія чаемъ, сахаромъ и калачами?..

— Русское Общество Пчеловодства, признавая крайне необходимымъ развитіе пчеловодства въ нашемъ отечествѣ, обратилось въ Святѣйшій Синодъ съ представленіемъ, въ которомъ указывало на необходимость развитія занятія пчеловодствомъ среди нашего духовенства и на устройство пасѣкъ при всѣхъ монастыряхъ, гдѣ есть только мѣсто для нихъ. Съ своей стороны Русское Общество Пчеловодства изъявило готовность помочь духовенству въ устройствѣ пасѣкъ снабженіемъ его различными ульями и пчеловодными принадлежностями по возможно дешевой цѣнѣ съ указаніемъ ему на лучшія руководства по пчеловодству и т. д. Представленіе это было разсмотрѣно Св. Синодомъ, который въ своемъ опредѣленіи отъ 6—15 ноября 1895 г. (№ 47 Церковныхъ Вѣдомостей за 1895 г.) призналъ возможно широкое развитіе пчеловодства въ нашемъ отечествѣ дѣломъ желательнымъ и полезнымъ и опредѣлилъ о готовности Русскаго Общества пчеловодства помогать духовенству въ его работахъ по устройству пасѣкъ, снабженію имъ лучшими ульями и пчеловодными принадлежностями и книгами по пчеловодству напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». Лицамъ духовнаго званія, желающимъ быть членами Общества, а также нуждающимся въ совѣтѣ и руководствѣ, Общество предлагаетъ обращаться съ заявленіями въ Совѣтъ Общества (С.-Петербургъ, Еватернинскій каналъ, № 27). По мнѣнію Общества, было бы весьма желательнымъ устройство пасѣкъ при всѣхъ монастыряхъ и при церковно-приходскихъ школахъ. Только при проведеніи этихъ мѣръ можетъ быть исполнена Высочайшая воля, чтобы восковыя свѣчи были изъ чистаго воска. Въ настоящее время чувствуется недостатокъ въ воскѣ и потому въ свѣчахъ встрѣчаются разные примѣси, отъ чего происходитъ смрадъ въ церкви и православные должны уходить изъ церкви до окончанія богослуженія. Общество обращаетъ вниманіе духовенства на журналъ «Вѣстникъ Русскаго Общества Пчеловодства», который имѣетъ цѣлью помочь пчеловодамъ въ устройствѣ пасѣкъ и способствовать разъясненію разныхъ вопросовъ рациональнаго пчеловодства. Въ виду того, что Св. Синодъ призналъ возможно широкое развитіе пчеловодства въ нашемъ оте-

чествѣ дѣломъ желательнымъ и полезнымъ, Общество пчеловодства твердо увѣрено, что наше духовенство прійдетъ на призывъ Св. Синода и позаботится заведеніемъ пасѣкъ и тѣмъ послужитъ святому дѣлу снабженія нашихъ церквей свѣчами изъ чистаго воска.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

Декабря 24 дня 1895 года, въ 2 часа по полудни, скончалась вдова діакона, служившаго при Свято-Троицкой церкви, Анна Михайловна Аггеева. Погребеніе совершено 27-го числа духовникомъ усопшей, благочиннымъ протоіереемъ Григоріемъ Максимовымъ, при участіи четырехъ мѣстныхъ священниковъ и двухъ діаконѣвъ, при пѣніи полнаго хора пѣвчихъ Свято-Троицкой церкви.

Анна Михайловна пропеходила изъ свѣтскаго званія и, проживъ въ Бѣловодскѣ почти пятьдесятъ лѣтъ, своею благочестивою жизнію всемъ подавала назидательный примѣръ. Она была несомнѣнно выдающаяся изъ ряда другихъ женщинъ и заслужила всеобщее уваженіе и любовь. Смиреніе, кротость, незлобіе, нестяжательность, терпѣніе въ жизни и въ особеннѣсти страннопріимство—эти добродѣтели ярче другихъ выдѣлялись при прохожденіи ею своего земнаго поприща. Покойная положила много трудовъ при воспитаніи своихъ дѣтей и внуковъ. Дѣти окружнаго духовенства, учась въ Бѣловодскѣ, пользовались теплымъ вниманіемъ и радушіемъ ея и съ удовольствіемъ вспоминаютъ это дорогое для нихъ гостепріимство. Но это лишь незначительная часть ея трудовъ по сравненію съ тѣми, которые она удѣляла на странниковъ, юродивыхъ и нищихъ. Эти люди составляли предметъ ея особыхъ попеченій. Съ ними она радушно дѣлилась кускомъ хлѣба, служила имъ съ рѣдкимъ усердіемъ, обувала, одѣвала и всячески прикрѣвала ихъ. Странники, которыми все еще богата Святая Русь, проходя чрезъ Бѣловодскъ, просто спрашивали: „гдѣ живетъ діаконица Анна, что принимаетъ странниковъ?“ Имъ безъ затрудненія указывали это, и тѣ шли къ Аннѣ Михайловнѣ словно въ свой домъ и здѣсь встрѣчали и покой, и пріютъ, и пищу. Обогрѣтые и накормленные странники съ освѣженными силами продолжали свой путь, благословляя имя рабы Божіей Анны и разнося всюду вѣсть о доброй страннопріимницѣ, указывали дорогу другимъ.

Юродивые, которыхъ не такъ давно много было въ Бѣловодскѣ, долго проживали въ домѣ покойной Аггеевой и перѣдко своими страннопріимствами причиняли ей непріятности; но она терпѣливо переносила ихъ выходки и только усугубляла къ нимъ свое вниманіе и усердіе. Словомъ, домъ Анны Михайловны былъ въ полномъ смыслѣ страннопріимницею.

Въ 1894 году въ Бѣловодскѣ была открыта общественная богадѣльня. Необходимо было найти попечительницу и надзирательницу, которая-бы руководила внутреннею жизнію и жила въ домѣ съ прикрѣваемыми. Долго не раздумывая, все рѣшила, что самою подходящею женщиною можетъ быть одна лишь Анна Михайловна, почему и поспѣшили предложить ей этотъ нелегкій трудъ. Принявъ гласъ народа за гласъ Божій, указующій ей новое служеніе на пользу ближнихъ, она со смиреніемъ приняла предложеніе быть попечительницею богадѣльни. Имѣя собственный вопль благо-

устроенный домъ, Анна Михайловна, дабы не служить двумъ господамъ, не задумалась продать свой домъ и переселилась туда, куда звалъ ее новый долгъ. Богдѣльня недавно была открыта, во многомъ неустроена, порядка не было. Понечистельница скоро завела правильный порядокъ. Но и здѣсь она продолжала трудиться въ прежнемъ направленіи. Она охотно жертвовала, когда надо было, свои средства, а своимъ примѣромъ и словомъ къ тому-же располагала и другихъ боголюбивыхъ людей.

Богдѣльня устроена вблизи храма, такъ сказать, подъ самою его сѣнью. Близость храма, для Аггеевой была особенно пріятна и она пользовалась этимъ удобствомъ съ особою ревностію. Являясь въ церковь почти первою, она выходила изъ нея въ числѣ послѣднихъ. Но этимъ она не ограничивалась: слова молитвы не сходили съ ея устъ и дома. Подвиги поста и молитвы, которые она, неся тайно, были настолько велики, что не могли скрыться и вызывали справедливое удивленіе въ обществѣ. Покойная неопустительно исправляла христіанскій долгъ исповѣди и Св. Причащенія во все четыре поста, а въ великій перѣдко и два раза. Дорога къ храму была ей и раньше любимую, въ послѣднее же время сдѣлалась почти единственною, куда она позволяла себѣ выходить изъ вѣрениой ей богдѣльни. Все время она отдавалась заботамъ о призрѣваемыхъ. И всегда она была бодрѣ, добра и услужлива, не смотря на то, что ее подкрѣпляли только часа два сна въ сутки да немного пищи, чаще всего кусочекъ просфоры.

Жизнь усопшей Анны Михайловны примѣлательна и тѣмъ, что она очень много страствовала, преимущественно пѣшкомъ, но святымъ мѣстамъ и это было ей великимъ душевнымъ утѣшеніемъ. И сколько разъ видѣли ее то въ Кіевѣ, то въ Воронежѣ, то въ Св. Горахъ, то въ др. прославленныхъ святыхъ мѣстахъ!

Завѣтною мечтою ея было побывать въ Иерусалимѣ. И Господь сподобилъ осуществиться этому святому желанію въ прошломъ 1895 году. Оттуда она воротилась радостная и стала готовиться къ смерти, которую и послалъ Господь ей на 73 году жизни. *И крѣпость даже до смерти пребысть у нея, взятъ ей на высоту земли, яко да видятъ вси... яко добро ходити въ слѣдъ Господи* (Сирах. 46, 11 и 12).

Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея новопреставленной Анны!

Тиражъ выигранныхъ билетовъ 1-го внутренняго займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1896 года.

Главные выигранные пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
828	30	200000	4561	9	8000	293	2	1000	18303	37	1000
3412	8	75000	12468	10	8000	1397	36	1000	8024	9	1000
11159	20	40000	18629	38	5000	4076	35	1000	7552	23	1000
13929	45	25000	18366	48	5000	8944	38	1000	8650	50	1000
2076	42	10000	18647	2	5000	416	26	1000	6303	3	1000
6301	11	10000	10859	7	5000	11349	30	1000	10904	19	1000
6855	4	10000	4621	36	5000	4905	28	1000	2208	41	1000
18023	3	8000	4504	6	5000	5133	38	1000	17787	27	1000
19916	28	8000	9599	46	5000	10687	29	1000	15040	23	1000
14501	31	8000	15371	49	5000	12801	43	1000	3950	33	1000

Таблица выигрышей билетовъ 1-го внутренняго пяти процентнаго съ выигрышами займа произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1896 года.

По 500 рублей каждый:

№№ сер.	№№ бил.												
13163	1	5859	9	3169	17	7824	22	1968	31	3215	37	11107	44
16008	1	8108	9	6056	17	10907	22	4489	31	3647	37	11453	44
19831	1	9316	9	7794	17	12886	22	6538	31	11746	37	19305	44
1020	2	9417	9	8954	17	13369	22	7723	31	19051	37	6525	45
3698	2	18853	9	10103	17	15695	22	8253	31	3373	38	17611	45
7092	2	18953	10	12860	17	10907	23	10442	31	9071	38	18284	45
606	3	19516	10	14933	17	11130	23	15944	31	14220	38	2207	46
6200	3	5720	11	15964	17	11740	23	19368	31	626	39	5833	46
6613	3	5297	12	16417	17	4697	24	1122	32	3422	39	13130	46
6752	3	15621	12	16717	17	5276	24	9488	32	8853	39	13224	46
8869	3	15703	12	29	18	5740	24	14620	32	11588	39	8159	47
9481	3	17415	12	88	18	9494	24	15412	32	4406	40	8240	47
3463	4	8428	13	1037	18	12716	24	1810	33	11025	40	9883	47
4893	4	8793	13	1679	18	14769	24	9834	33	12771	40	11090	47
3743	5	11624	13	2562	18	3880	25	18081	33	11006	41	18089	47
14303	5	12666	13	1180	18	6550	25	483	34	16201	41	2746	48
15729	5	18274	13	5262	18	6669	25	3626	34	740	42	5894	48
44	6	2863	14	6706	18	11057	25	3711	34	2372	42	7279	48
5370	6	9641	14	8203	18	16090	25	9146	34	6600	42	7464	48
7170	6	10175	14	9570	18	18530	25	13489	34	8603	42	8550	48
12023	6	11507	14	10991	18	18567	25	13700	34	13621	42	13800	48
12371	6	12816	14	18286	18	1294	26	14231	34	14004	42	15460	48
13591	6	16685	14	8563	19	5758	27	19241	34	14902	42	16489	48
13630	6	498	15	12593	19	9348	27	4810	35	15172	42	19754	48
14758	6	1796	15	15810	19	9759	27	5187	35	15924	42	1822	49
1857	7	11153	15	15964	19	16743	27	10072	35	18645	42	1824	49
4875	7	11215	15	18502	19	17388	27	10132	35	19011	42	16657	49
8426	7	11757	15	2855	20	19384	27	12203	35	1212	43	10904	50
10440	7	11851	15	3052	20	4305	28	14978	35	727	43	11875	50
10303	8	15559	15	4113	20	18937	28	15221	35	7444	43	12090	50
12752	8	17054	15	5676	20	1635	29	17666	35	16806	43	15272	50
13323	8	1117	16	14184	20	4297	29	3857	36	17587	43	18408	50
15110	8	3383	16	2145	21	6642	29	7959	36	18877	43		
17915	8	3514	16	4214	21	7957	29	12759	36	1953	44		
18303	8	5236	16	6829	21	9707	29	15018	36	2140	44		
1031	9	5501	16	8819	21	11740	29	280	37	8818	44		
2274	9	11429	16	10305	21	12459	29	1084	37	8918	44		
5734	9	18450	16	7489	22	8203	30	2329	37	9218	44		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ въ С.-Петербургѣ съ 1 апрѣля 1896 г.

Таблица билетовъ серий 1 го внутренняго 5% съ выигрышами займа, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго банка 2-го января 1896 г.

№№ серий 17333, 13330, 19684, 5662, 9023, 11975, 3499, 4102, 2012, 18238, 16593, 3608, 9052, 2385, 5960, 5464, 3573, 19957, 5568, 14227, 4854, 12825, 19502, 2526, 13435, 10121, 1731, 2765, 19996, 1063, 18009, 2221, 19166, 3799, 6506, 4391, 8749, 12303, 2462, 4032, 7065, 8105, 5545, 19968, 1454, 19456, 15249, 17338, 3360, 1606, 83, 4567, 14581, 17837, 13537, 7552, 18079, 2362, 3328, 17579, 6210, 12289, 956, 9421, 13700, 2413, 4901, 8020, 17280, 16046, 9455, 2286, 6126, 2515, 9965, 4160, 4116, 15257, 8381, 9894, 7077, 15172, 6709, 7736, 16578, 8643, 18666, 2108, 1881, 13977, 2583, 17416, 12755, 5389, 4224, 8684, 4860, 10200, 12439, 19229, 6156, 8882, 1206, 18806, 10431, 18230, 10785, 13631, 12332, 15328, 14670, 6432, 18211, 11083, 15562, 18637.

ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ
ВЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА
„В. Г. ПОНОМАРЕВЪ и П. П. РЫЖОВЪ“
ВЪ ХАРЬКОВѢ,

за прекращеніемъ торговли церковною утварью, слѣдующіе предметы ея предлагаются по необыкновенно дешевымъ цѣнамъ:

Подсвѣчники мѣстные и ручные,
Кресты выносные безъ стекла,
„ благословящіе, золоченные и накладн. серебра,
„ деревянные, золоченные со стекломъ.

Кромѣ того, имѣются: кадла серебряныя и накладнаго серебра; вѣнцы, кронила, свѣчн живописныя; блюда всеночныя и сборныя; чаши водосвятныя. напихидницы, фонари вѣтныя, выносные и много другихъ предметовъ.

Вѣстникъ Русскаго Общества
ПЧЕЛОВОДСТВА,

издаваемый подъ редакціей С. П. ГЛАЗЕНАПА,

профессора Императорскаго Спб. университета при сотрудничествѣ: А. Ѳ. Зубарева, фонъ-Гарта, Н. Т. Исаина, Г. А. Крата, Г. А. Кожевенникова, профессора П. Н. Кулешова, И. С. Куланда, академика Ф. В. Овсянникова, К. Н. Памфилова, В. И. Писарева, В. П. Попова, А. Ѳ. Селиванова, В. Л. Сушко, И. И. Трубникова и членовъ совета Р. О. Пч.: А. В. Бѣлевича, Л. П. Глазенапа, И. И. Насилова, Я. О. Калинскаго и Н. Я. Шихманова и др. русскихъ пчеловодовъ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ВЪ ДВА ЛИСТА И БОЛѢЕ съ иллюстраціями. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ). Первый номеръ выходитъ въ свѣтъ въ октябрѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ ДВА РУБЛЯ съ пересылкою или доставкою въ С.-Петербургъ; на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ 20 коп. Гг. дѣйствительныя члены Русскаго Общества Пчеловодства получаютъ журналъ съ пересылкою или доставкою въ Спб. ВСЕГО ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ.

Подписку слѣдуетъ адресовать: Въ Русское Общество Пчеловодства, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, № 27.

Въ складѣ Русскаго Общества Пчеловодства

продаются по прейскуранту: Ульи америнанской системы, одобренные Русскимъ Обществомъ Пчеловодства; ульи Левицкаго, искусственная вошина, пчеловодныя принадлежности, книги по пчеловодству, сѣмена нѣкоторыхъ модоносныхъ травъ.

ТРЕБОВАНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

По желанію покупателей заказы исполняются наложеннымъ платежемъ. Гг. члены Русскаго Общества Пчеловодства, а также лица, покупающія 10 и болѣе экз. одного и того же изданія, пользуются съ печатныхъ изданій Общества уступкою въ 25⁰/₁₀₀.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

Бесѣды священника съ наставниками молоканами, въ опроверженіе мнѣній по главнымъ пунктамъ вѣроученія молоканъ и штундистовъ.

Протоіерей Павла БОБРОВА. С.П.Б. Изд. книгопрод. *И. Л. Тузова*. 1896 г.

Цѣна 30 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ БЕСѢДА.

(Второй годъ изданія).

Въ 1896 году Русская бесѣда будетъ издаваться въ томъ же духѣ и служить тѣмъ же цѣлямъ, какъ и въ 1895 году. Она останется органомъ т. наз. славянофильскаго, или точнѣе—русскаго народнаго направленія. Признавалъ святость церковныхъ преданій и свѣтлыхъ историческихъ завѣтовъ и желалъ Русскому Народу и Государству жить и развиваться въ полномъ согласіи съ ними, русское народное направленіе, которому служитъ Русская бесѣда, ставить выше всего требованія правды Божіей и христіанскую свободу духа и жизни. По законамъ этой правды и свободы оцѣниваются и опредѣляются нами всѣ внутреннія отношенія и порядки Общества и Государства и ихъ внѣшнія отношенія и дѣла.

Русская бесѣда съ безплатнымъ приложеніемъ Благовѣсть выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 12 до 14 листовъ по слѣдующей программѣ:

1. Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и заграничьемъ 2. Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3. Церковный отдѣлъ. 4. Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки; монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ полприцахъ; описанія нравовъ, обычаевъ и разныхъ другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и народныя пѣсни 6. Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 7. Внутреннія и внѣшнія хроника разныхъ событій; извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8. Обзорніе газетъ и журналовъ. 9. Библиографія и критика. 10. Извѣстія и разные новости. 11. Рисунки, соотвѣтствующіе содержанию статей. 12. Справочный отдѣлъ и объявленія. Въ приложеніи Благовѣсть помѣщаются статьи богословскаго и церковноисторическаго содержанія. Подписная цѣна на Русскую бесѣду съ Благовѣстомъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣстности Россіи и за границу: на годъ шесть руб., на полгода три руб. Допускается разсрочка по одному рублю въ мѣсяць безъ надбавки. Высылается и съ наложеннымъ платеж. Цѣна отдѣльной книжки въ розницу 1 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи Русской бесѣды: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, а также, въ С.-Петербургскомъ Слав. Обществѣ, Площадь Александровскаго театра, д. 9, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ: Новаго Времени, Новостей, Карбасникова и др. Издателя: А. В. Васильева, Е. А. Евдокимовъ, В. С. Драгомирецкій. Редакторъ *В. Драгомирецкій.*

В Ъ С Т Н И К Ъ**РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА,**

состоящаго подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ.

Въ 1896 году Вѣстникъ, какъ и донынѣ, будетъ выходить еженедѣльно съ Приложеніемъ и безъ Приложенія. Программа изданія остается прежняя. Приложенія будутъ состоять изъ ежемѣсячныхъ книгъ „Досугъ и Дѣло“. Въ газетѣ, какъ и во всѣхъ другихъ газетахъ, будутъ помѣщаться статьи, касающіяся событій и происшествій текущей жизни какъ у насъ, такъ и за границею, разныя полезныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ, а также повѣсти и рассказы. Для статей же, которыя по большому объему своему не могутъ быть помѣщены въ газетѣ, будетъ удѣляться мѣсто въ Приложеніи, которое въ годъ составитъ 12 книжекъ, всего около 120 листовъ или 2000 страницъ четкой и убористой печати.

Всѣ, выписывающіе Вѣстникъ и Приложеніе, получаютъ премію, состоящую изъ большой сѣлланной красками, картины, а лица, волостныя правленія, сельскія общества, благотворныя и всякаго рода школы, выписывающія Вѣстникъ съ Приложеніемъ въ числѣ десяти экземпляровъ, получаютъ бесплатно выпускъ Альбомы картинъ Зимняго дворца, состоящій изъ четырехъ новыхъ большихъ картинъ.

При редакціи же Досугъ и Дѣло съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія издается, сѣлланной красками:

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

Донынѣ вышло 8 такихъ картинъ большого формата; изъ нихъ осталось только слѣдующихъ шесть:

1) Подвигъ Архипа Осипова; 2) Подвигъ рядового Жореннаго; 3) Спасеніе знамени; 4) Подвигъ рядового Вондаренки; 5) Смерть маіора Гурталова на Зеленыхъ горахъ; 6) Подвигъ дивизіи Невѣровскаго подъ краснымъ.

Выписывающіе всѣ шесть картинъ уплачиваютъ семь рублей съ пересылкою каждая картина отдѣльно по 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

ПЕЧАТАЕТСЯ НОВЫЙ ВЫПУСКЪ,

состоящій, какъ и первые два выпуска, изъ четырехъ картинъ слѣдующаго содержанія:

1) Подвигъ куца Иголкина; 2) Мужество рядового Агафонова; 3) Вой подъ Плевной за Зеленныя горы; 4) Защита Шивки противъ атакъ Сулеймана-паши.

Картины одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЛѢДУЮЩАЯ. На одну газету «Вѣстникъ Краснаго Креста» 3 р. 25 к. На приложеніе (Досугъ и Дѣло) 4 р. На газету и журналъ „Досугъ и дѣло“ вмѣстѣ 7 р. 25 к.

Подписыва какъ на газету, такъ и на журналъ, адресуется въ С.-Петербургъ въ редакцію „Вѣстникъ Краснаго Креста“ и „Досугъ и Дѣло“, Фонтанка д. № 145

Каталогъ всѣхъ книгъ, издаваемыхъ редакціею для народнаго чтенія и для школъ, всякаго рода высылается по требованію бесплатно.

О Б Ъ И З Д А Н І И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

ВЪ 1896 ГОДУ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей. Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новые постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студеческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій. Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научнаго содержания), съ отдѣлами—критико-библиографическимъ, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), научной хроникѣ заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п. Университетскія Извѣстія въ 1896 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій, о которыхъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцелярію Правленія Университета. Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается. Гг. иногородніе могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета, Н. Я. Оглобину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

Шестнадцатый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики и общественной жизни. III. Обзоръ газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Вышнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

По поводу предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ „Южномъ Краѣ“ своевременно будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся къ этому событію; во время коронаціи ежедневно будутъ печататься телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы. Головымъ подписчикамъ „Южнаго Края“ на 1896 годъ будетъ выданъ **АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ**, относящихся къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи. Кроме того газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1895 Г.: съ пересылкою погороднымъ: На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Съ доставкою въ Харьковѣ: 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40., 1 м. 1 р. 20 к. Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ. Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

НА 1896 ГОДЪ (ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по преже утвержденной программѣ—ежемесячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес. Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанятельнымъ и по изложенію доступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ». Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 по 6 р., за 1885—1895 по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы. Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ. Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

При этомъ № прилагается Прейсъ-Курантъ М. и А. Калгушкины.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то. „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная анологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercom munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ тѣмъ-же обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.